Денис Рылов

Петербург-2

Элегия

Вот, дописал работу, которую начинал писать шесть лет назад и тогда оставил незаконченной. Лучше б не заканчивал: на следующий день после ее написания так хорошо расслабился, что даже впал в кому. Удивительно, что не помер и овощем не остался – было б еще назидательнее. Эта кома бросает жирную тень на всё, что тут написано, то есть буквально – плюнуть и всё переписать, или, по крайней мере, к каждому предложению поставить звёздочку и ссылку: «Видите, он такой всё понимающий, а всё без толку. Видите, он так выпендривается, и вот, доигрался!» Ну что делать - придется писать послесловие, хотя без него я смотрюсь куда как более выигрышно...

Петербург, Петербург!
Осаждаясь туманом, и меня ты преследовал праздною мозговою игрой...
Андрей Белый. Петербург

Ах, как прекрасно бы было, если бы все герои действительно уже умерли! Тогда я, не поступаясь порядочностью, мог бы писать обо всех их подвигах, потому что неприятности у них уже позади.

Порядочностью придется поступиться.

Жить вообще стыдно.

Помню, когда я жил у Филиппа (я его называю старина Ипп, но он немного сердится такому именованию, и потому обычно я обращаюсь к нему просто – старина. Это не очень корректно, все равно, что вовсе остаться без обращения, так в детстве я долго не решался обращаться как-либо к отчиму, кроме «Эй!», что, конечно, его раздражало, ему даже пришлось, выпив для храбрости, потребовать у меня остановиться на каком бы то ни было обращении, или напротив, пил и расхрабрился вследствие этого он просто так, а потом уже решил пообщаться со мной на эту скользкую тему, и мы, посовещавшись, решили остановиться на достаточно нелепом «дядя Сережа», так я и называл его довольно долго, здесь тоже произошло впоследствии отсечение части, но уже нарицательной, и осталось только «Сережа». Называть же Филиппа полным или уменьшительно-ласкательным именем, равно как и прозвищем, им самим себе данным, противоречит моим принципам. Я сам с детства любил давать себе и окружающим псевдонимы – а ныне похожая тенденция приняла угрожающие размеры в виде никнэймов – моя жена подписывалась одно время ником МУХА – английскими буквами, а затем отказалась от него в силу невероятной распространенности, и когда ей приходили письма, начинающиеся словами «Уважаемый Муха!», всякий раз бывало очень смешно, не знаю, почему так смешно звучит – «Уважаемый Муха!» Потом она его сменила на весьма оригинальный, запоминающийся и приятный ник, но объяснение его происхождения неразрывно связано с кучей непристойностей и унижением достоинства нескольких знаменитостей, воспользуюсь в данном случае своим юридическим правом не давать показания против. В общем, ники я не люблю. Они гораздо ниже псевдонимов по своим нравственным качествам. Еще и потому я не называю Филиппа его прозвищем, что оно заодно является его ником. Ник – снижение высокого значения псевдонима до уровня массовой культуры, наделяющей каждого анонимностью и славой – анонимной славой ребенка, у которого еще не устаканилось распределение функций между полушариями мозга, и он пишет на видном месте XYN или «Хайль Гитлер!», или делает то же самое в интернет-варианте, подписываясь при этом буквосочетанием, свидетельствующим о его слабом знакомстве с такими работами как «Философия имени» С. Булгакова, «Философия имени» А. Ф. Лосева, «Об имени Божьем» П. А. Флоренского, не говоря уже «Об именах Христа» Луиса де Леон или «О божественных именах» Дионисия Ареопагита, тогда как псевдоним является свидетельством множественности граней личности вполне конкретной и индивидуальной, просто гражданин со всеми своими паспортными данными вовсе не тот же самый, что он же, сочиняющий стихи, а тот, кто

сочиняет стихи, не тот же самый, что потом выступает в музыкальном ансамбле, а этот последний мало общего имеет с публицистом, которым после этого становится и т.д.), так вот, когда я жил у старины, распорядок дня наш был следующим: с утра я приезжал, мы выпивали большую бутылку водки во славу моего прибытия и ложились спать – с дороги это следует.

Но это же оставалось и единственным общим правилом.

Непосредственно затем должны были совершаться подвиги и деяния.

Подвиги и деяния обычно достаточно сложно поддаются описанию изнутри. В таких случаях крайне необходимо иметь своего летописца. Только летописец с идеальной субъективностью стороннего наблюдателя может передать весь пафос происходящего. Описывать же подвиги и деяния изнутри их совершителя невозможно в силу некоторого эйфорического, даже экстатического состояния, их сопровождающего, отчего субъективность становится фатальной и может быть выражена только рабочим речевым стандартом «ничего не помню».

Это с одной стороны.

С другой же стороны здесь начинает действовать некоторый этический код, запрещающий употребление глаголов высокого стиля в первом лице, примером какового употребления может являться такое выражение как «я жажду подвигов и деяний».

Однако очень часто ничего не остается – единственным свидетелем собственных подвигов является рыцарь, закованный в железный панцырь с обзором не более десятой части происходящего НА САМОМ ДЕЛЕ, и полученные нами исследования их подвижнических странствий резюмируются следующим образом: «Жажду я как-то подвигов и деяний... Потом ничего не помню...» и т.д.

Примером такой жизни являются для меня шокирующие командировки с Мишкой Доктором в Санкт-Петербург. Перед путешествием важно запастись пакетом с утренним пивом, в обнимку с которым я просыпаюсь на боковой верхней полке в одежде, просыпаюсь оттого, что две бутылки выпали из пакета, и через дырку между полкой и окном упали вниз, об решетку окна открылись и зашипели. Внизу спит женщина с ребенком (этот трагический случай уже описан в соответствующем романе) – я мгновенно спрыгиваю, деликатно вытаскиваю из-под ребенка бутылки, спрашиваю дрогнувшим голосом «Вы не ушиблись?» и забираюсь обратно – пиво оказывается почему-то очень сладким.

С этого момента начинается Петербург Мишки Доктора.

В Петербурге Мишки Доктора вы не найдете музеев и памятников архитектуры, в нем нет даже Невы. В Петербурге Мишки Доктора есть только кабаки, такси и какие-то квартиры с общежитиями и офисами, но квартир, общежитий и офисов на порядок меньше.

Я поднимаю голову со стола и просыпаюсь в кабаке. Вокруг уже собралась веселая компания мишкиных друзей из Санкт-Петербурга. Здесь была назначена с ними стрелка, но они появились значительно раньше моих ожиданий, мы-то с Мишкой Доктором только что пили с какими-то уголовниками и рассказывали им анекдоты, от которых они сильно краснели – я тогда коллекционировал пошлые до трансцедентальности анекдоты (2-3 пугающих примера). Мишкины друзья зовут меня куда-то на канал, где я немедленно прячусь под самый широкий в Европе мост, благо дело происходит зимой, и под мостом славно можно бегать между полыньями. Мишкины друзья беспокоятся вплоть до самого моего появления из-под моста (я там ссал, стесняясь мишкиных друзей, ведь среди них во всех городах преобладают прекрасные дамы – КК их так и называет – «Мишкины бабы»), но по появлении я немедля залезаю на перила этого самого моста и пытаюсь прыгнуть на весенний ледок канала. Прекрасные мишкины друзья стаскивают меня с перил моста и сажают в такси – ведь мы едем в гости в далекое Купчино.

Я просыпаюсь в удобном кожаном кухонном уголке и осознаю неприятность: нас всех

выгоняют из гостеприимного купчинского дома, а все Мишки Докторово поведение: когда включили музыку, сами собой начались танцы, и Мишка Доктор стал по привычке настолько бесстыдно ухватывать в танце хозяйку, что находящийся же при этом муж нас выгнал в ночную купчинскую метель. Все это я узнаю в лифте и с горьким чувством открываю дверь подъезда нажатием домофонной кнопки – ведь Петербург славится своими железными дверями подъездов еще с восьмидесятых, уже тогда найти здесь подъезд для опрятного сна было невозможно: все подъезды высокой культуры быта обзавелись кодами и замками, все остальные были слишком живописны и в большинстве заняты – теперь мы остались одни в самой большой жопе Санкт-Петербурга.

Но нет! – мишкины друзья во главе с Мишкой направляются в соседний подъезд, и выясняется, что для начала мы были в гостях у соседей мишкиных друзей, а уже теперь будем веселиться по-настоящему, и веселье не замедляет наступить.

От Купчина очень близко можно попасть в Пушкин, и в тамошнем пруду я помню тоже всякие полыньи, мостики и маленькую девочку, с которой мы почему-то прячемся под крохотным – не чета самому большому в Европе! – мостиком от взрослых, за что меня очень ругает ее мама. В Пушкине мне ясно запомнились два кабака, но потом, когда я просыпаюсь на остановке в Купчино, мне становится не по себе: я решительно не понимаю, где веселые люди, ругавшие меня в Пушкине, а одного из них я даже избавил от икоты сильным ударом в живот, в общем, посидев на остановке с четверть часа, я обращаюсь к милым девушкам, случившимся здесь же, они непринужденно сажают меня в трамвай, тот доставляет меня прямо на вокзал, где я признаюсь проводнику, что у меня не хватает на билет совсем немного. Благородный человек забирает у меня все деньги, и я вступаю в вагон.

Это Санкт-Петербург Мишки Доктора (на самом деле Доктор не он, а его прекрасная супруга, его так называют по смежности, метонимический перенос).

Но не таков Санкт-Петербург старины Иппа, и подвиги здесь совсем другие, и гораздо менее вообразимые.

В этом Санкт-Петербурге нет ни одного кабака и тем более такси, но зато есть гигантский компьютерный рынок «Юнона», множество бомжатников («они познакомились в одном всемирно известном бомжатнике» – рассказывал мой знакомый Вадимир об одной счастливой семейной паре), и одним из таковых, безусловно, является квартира самого старины.

Коммунальному его устройству очень удивлялся направленный к нему недавно в качестве моего полномочного представителя знакомый монах-расстрига, при пострижении ему повезло со святцами, остроумные отцы вытянули ему по жребию имя Агафангел, и близкие друзья зовут его теперь просто Ангел (с этим именем однажды был связан изрядный конфуз, когда один мой приятель, замечательный пиарщик популярной газеты «Центр-плюс», к сожалению, всегда находящийся в нирване, вплоть даже до – взрослый человек, выпускник философского факультета РГГУ и факультета журналистики МГУ! – употребления феназепама – честное слово, целую подошву сожрал перед тем, как ко мне в гости прийти!, – так вот, он как-то пытался дозвониться мне в три часа ночи, и слышит вдруг в трубке приятный благообразный голос, а незадолго до этого он у меня как раз с Ангелом и познакомился, и самым непринужденным образом он спрашивает у этого голоса: «Алло, здравствуйте, а это, случайно, не Ангел?» – «Да, – отвечает голос, – это Ангел» – «Привет, Ангел, а можно Д. к телефону?» – «Нет, я, Ангел, здесь один» – «А может есть еще кто нибудь, жена Д., к примеру?» – «Нет, здесь только я, Ангел, даже Архангел» – «А ты не шутишь?» – «Нет, я, Ангел, даже Архангел, не шучу» и т.д.).

Удивлялся Ангел и тому, что старина поселил в своей квартире общей (общей!) площадью 25 (двадцать пять!) метров молодую семью с ребенком, а иногда у него ночует еще и женщина-уличный музыкант с тремя детьми, итого четверо крошек от одного до

четырех лет – самый свирепый возраст, – кои не допустили тихонравного сна Ангела в светлое время, когда он приехал в качестве моего полномочного представителя к старине и они выпили большую бутылку водки – с дороги это следует.

Удивлялся Ангел и беспечности старины в вопросах санитарно-гигиенического состояния жилища, когда, к примеру, отпрыск одной хорошей знакомой хозяина заблевал в кухне стену, празднуя таким образом свое пятнадцатилетие, старина же смахнул только рельефную фактуру, а пятно осталось. Можно упомянуть кстати и заблеванную подушку, гостеприимно предложенную Ангелу для сна, только нужно было ее перевернуть.

Удивлялся Ангел и тому, что старина никогда не выключает свет, даже когда уходит на несколько дней, но старина успокоил его, сказав, что за свет он никогда не платит.

Спешить не годится. Нервничать тоже ни к чему. Однако в некоторых людях развитие воли достигло такой силы, что их смело можно называть подвижниками, в другой традиции йогами и т.д. Примеры многочисленны. Взять хотя бы моего знакомого художника и режиссера А., который никогда, даже в самой острой нужде, не работает. Причина проста: все предлагаемые ему за последние двадцать лет работы, типа оформителя ночных клубов или помощника режиссера на Мосфильме, могут снизить его профессиональный, интеллектуальный и духовный уровень, а работ, оставляющих его уровень хотя бы на прежней высоте, ему еще за последние двадцать лет не предлагали. Единственный его доход – ежемесячные 30 (тридцать) долларов, которые ему высылает мама с родины, где сдает его комнату. Или другой человечище – санктпетербуржец по имени Топор. Днем он зарабатывает на жизнь не чем попало, а так называемым промышленным альпинизмом, то есть делает что-то с фасадами зданий на огромной высоте, а ночью употребляет галюциногенные наркотики, в основном знаменитую так называемую «питерскую кислоту», она же «ПиСиПи» – можно представить себе степень его занятости вообще, если учесть, что, по свидетельству его компаньона, объем съеденного им ПиСиПи достигает размеров кирпича. Или легендарный электростальский панк Толик, имеющий татуировку с загадочной аббривеатурой ПГС. «Толик, а что значит ПГС?» – любили спрашивать его электростальские милиционеры, когда еще не засадили по пустяшному обвинению на принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением (Толик, человек весьма ранимый, немного поранил розочкой расстроившего его своими приставаниями пенсионера-соседа по подъезду), на что Толик отвечал им: «Пиздец городам и селам!», лузгая семечки и демонстрируя таким образом более известное буквосочетание из четырех заморских букв, вытатуированное на пальцах. Или любимый мой одноклассник Дик: в течение вот уже почти двадцати лет ездит в Москву из Электростали на электричке, потому что работает юристом в Останкино, и ни разу – ни разу! – не оплатил ни билет, ни штраф. Это стоит ему, конечно, больших усилий: ранним утром спросонья он бегает от контролеров, перелезает довольно высокие заборы, дабы миновать турникеты, спрыгивает с платформ – почти уже двадцать лет.

Старина же укрощает волю следующим образом: он никогда, слышите, никогда не платит за квартиру и свет. Никогда не платит за отопление, воду, телефон и газ. Газ, впрочем, ему отключили газовщики, но вовсе не за неуплату, а за невероятное по аварийности состояние газовой системы в его квартире. Старина притащил откуда-то электроплитку и прекрасно обходится теперь без газа.

Кстати о Топоре.

Характерный его взгляд с высоты роста из-под полуспрыспущенных век сразу вызывает доверие: этот человек уже давно обитатель мира высших существ.

Впервые мы с ним встретились, когда я вел в Санкт-Петербурге образ жизни молодого интеллигента: зарабатывал деньги на порнографии и тратил их на наркотики.

А все мое доброе сердце.

Так случилось, что старина не любит марихуану и ее производные. Она, во-первых,

слабовата на вкус старины.

Это распространенное обывательское отношение к наркотикам: вот, думает типичный обыватель старина, принял ты наркотики, и у тебя радуги во все небо, явь раздвигается, и летаешь, летаешь в теплой беспредельности... Если же этого не происходит, старина чувствует разочарование.

Но старина вообще энтузиаст, чем мне и симпатичен, и странно бы было, если бы он ждал от наркотиков традиционного эффекта. Нет, он «полинаркоман» (термин старины, а еще как-то недавно я его слышал от одного видного рок-музыканта, друга старины, он однажды совершенно внезапно употребил этот термин в отношении себя, и сразу после этого упомянул моё любимое ЛСД, сердце моё растаяло, и я тут же ему презентовал марку «Гарфилд», что с ним потом было, мне неизвестно), это значит, что главный наркотик для него неизменно алкоголь, однако и остальными он готов баловаться от случая к случаю, при условии, конечно, что они ОЧЕНЬ СИЛЬНЫЕ, и марихуана по воздействию, конечно, не идет ни в какое сравнение с той же водкой (тут, впрочем, много можно было бы порассуждать о способах приготовления и употребления травы, в результате которых можно действительно заполучить что-то вроде белой горячки, и о том, как бы это развлекло старину, но такие способы, о, эти способы!.. А может, действительно, не пожалеть как-нибудь старину и сварить ему молока ПОБОЛЬШЕ, или не пожалеть еще и денег и скормить ему грамм 5 гашиша, пусть, действительно, прочувствует, а то это бесконечное «меня не вставляет»... Впрочем, беру свои слова назад: «меня не вставляет» из уст старины – совсем не то, что «меня не вставляет» из уст впервые покурившего травы европейца, «меня не вставляет» старины может произноситься под тройной дозой оранжевого ПиСиПи «от Топор» или, припоминаю, еще Хельга, винтовая мастерица, очень жаловалась на старину, что когда она его завинтила как-то из разов, он шесть часов объяснял ей, как, почему и в какой степени его не вставляет, то ли дело, когда стены начинают на тебя падать или хотя бы на них вырастают глаза – это да!, – хотя лично я придерживаюсь мнения, что грибы не стоит есть до степени вырастания глаз на стенах, старина же и сам ест, и других кормит ими только так – есть даже вызывающий всеобщее сострадание случай, когда он накормил яичницей с грибами свою прекрасную даму, не предупредив ее о возможном воздействии, но не из желания подшутить – боже упаси!, – так шутят только крайне низкие в нравственном отношении люди, лидер моей группы, например, со своим приятелем иногда подбавляли знакомым кислотки в чаек, один священник через это поимел большое искушение, а малолетний сын лидера под кислотой замечательных рисунков понарисовал, единственная издержка была в том, что и священник потом с ними больше знаться не желал, и в отношениях с супругой для лидера этот случай стал особой вехой, а все потому, что они простодушно в своих шалостях всегда признавались, но не таков старина. Он не хотел розыгрыша, просто как-то не располагала обстановка к беседам – по компьютеру шел интересный фильм, общение было на уровне «яишенки?» – «угу» – «вот», а до этого беседа вроде бы даже и заходила о чем-то таком, но когда на стенах-таки стали появляться глаза, а сами они стали как-то падать на прекрасную даму, тут-то она и заподозрила неладное. По степени жадности до наркотиков со стариной сравнятся немногие, и всем им рекомендуется в первую очередь водка. Водка же рекомендуется и всем, кому всегда, наоборот «слишком много», людям со слабой психикой и изменами по любому поводу, так что наркотики, в принципе, принимать стоит вообще очень немногим людям, и то, только после того, как они полностью убедились, что им это необходимо. Несомненно, старина как раз входит в число тех, кому не стоит этого делать ни под каким видом, но в период описываемых событий я об этом еще не догадывался), дело было даже не в том, что трава для старины слабовата – она в первую очередь для него слишком тривиальна, типа пива, которое он тоже не очень жалует, поэтому я решил порадовать его некоторой питерской экзотикой – упомянутой «питерской кислотой», или ПиСиПи.

Вообще в Петербурге все можно купить гораздо дешевле, трудно однозначно объяснить это, но, видимо, здесь играют роль разные факторы – и уровень жизни, и город-порт с близостью границам Европы, и особый духовный климат со своими культурными традициями, Институт русской литературы «Пушкинский дом», Государственная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, рок-клуб на улице Рубинштейна – все это в разной степени влияет на то, что в Питере наркотики, конечно, гораздо дешевле, чем в Москве.

Макс из Питера, помню, очень жаловался мне на недоступность в Москве самых элементарных радостей, все в столице-де в два раза дороже (а «питерская кислота» или ПиСиПи, кстати, в три), да еще и не достать, пытался он, мол, приобресть на Арбате травы, а ему предложили очень дорого и сложно, он плюнул и купил лучше героину, нет, в Питере с этим гораздо проще, и поэтому Макс приглашал меня к себе в Питер, живописал мне все его маркетинговые преимущества, а особенно упирал на то, что устроит мне шикарную встречу, будем мы бесконечно праздновать, веселиться, угощаться за его, Максов, счет чем угодно, совершать подвиги и деяния, только «потому что Д. приехал!!!» (цитата из Макса) – все дело в том, что он разводил меня на гашиш. Я его накурил, а он еще с собой хотел взять, но мне почему-то ему давать этот гашиш не хотелось, не помню уже почему, и он рассыпал передо мной цветистый бисер красноречия. Так и не дал я ему тогда с собой гашиша, но на беспрецедентную встречу в Питере в глубине души, конечно, все равно рассчитывал, однако мы не встретились больше никогда: Макс умер.

Создается впечатление, что где как не в Питере старина мог бы и без меня вволю полакомиться «питерской кислотой» или ПиСиПи, но нет: старина знает только алкогольные тусовки, в крайнем случае может достать травы или воспользоваться плодами грибного промысла, очень тоже характерного для Питера, но увы (или к счастью), это предел его возможностей. Ангел, правда, привез информацию, что во время его пребывания старина побаловался как-то раз спидом, но это, несомненно, случайность (писано в 2003 году – прим. автора).

Обывательское мнение о том, что люди, торгующие наркотиками представляют из себя что-то вроде минимаркетов, к великому сожалению отстоит очень далеко от реальности, траву еще можно найти с некоторым усилием, но если, по примеру обычных телесюжетов, обыватель попросит человека, через которого он ее достал, посадить его, наконец, на иглу, или хотя бы показать ему НАСТОЯЩИЙ героин, его ждет разочарование.

И тем более отрадно видеть, что, несмотря на сильное измельчание человеческой породы, есть еще среди нас специалисты самого широкого профиля, и примером такого человека является санктпетербуржец по имени Топор. При первой же встрече он предложил мне «голландские Джанни Версаче», и когда я оказался в затруднении относительно денотата, выяснилось, что это всего лишь экстази – 200 долларов за 10 таблеток – очень дорого и объемно. Мне-то нужно было всего лишь достать для старины немного ПиСиПи. «ПиСиПи три вида» – сухо ответил Топор, и меня охватила эйфория – я понял, что наконец-то, после долгих лет поисков, нашел источник вечного добра и изобилия, причем изобилия в самом прямом, оптовом смысле, ибо цены были сразу за грамм, это около ста доз, причем о том, что это именно столько я узнал гораздо позже и на себе.

В тот раз я приехал к старине на день рожденья, на вторую или третью неделю его празднования – никак не мог раньше, тогда я был студент МГУ им. Ломоносова, летняя сессия и курсовая помешали мне уже в середине июня прибыть на праздник, да, это был совсем конец июня, даже уже, честно говоря, начало июля. Может, оно и к лучшему. Дело в том, что старина, выражаясь современным языком, настоящий экстремал. Он уже успел к моему приезду очень сильно отметиться, а я как раз наоборот, мыслю себя всегда в нравственных категориях, и по многим причинам хорошо, что я прибыл тогда в тот момент, когда старина уже поостыл.

Дело в том, что я с самого детства обращал пристальнейшее внимание на окружающий

социум и на самых ярких его представителей – соседей снизу. Я слагал даже гимны в их честь! На детском празднике, устроенном мной однажды днем, я пустил микрофон через хорошие колонки и слышно меня было на два квартала: «Соседи! Мои любимые соседи! Слышите ли вы меня?! Слышите ли вы меня?!» Теперь-то я понимаю, что это было настоящее караоке, но в детстве все еще так невинно... Мы с гостями спускали на веревочке цветные презервативы, наполненные водой – их раздобыл где-то мой крохотный брат со словами «у родителей такого много!» – и стучали ими в соседское окно, прыгали на раз-два-три все одновременно, чтобы у соседей отвалилась люстра – да мало ли шалостей могут придумать дети.

С тех пор я сменил много соседей снизу. Среди них были целомудренные, они звонили мне иногда и говорили: «Вы знаете, у вас кто-то вчера переел, весь балкон нам затошнили, а еще с потолка штукатурка в большой комнате осыпалась, это ничего, мы-то сейчас просто хотели спросить, есть ли у вас свет?», были и строгие, супруга присоветовала им как-то не ругаться попусту, а вызывать милицию сразу, что они и стали делать, но милиции я так ни разу и не увидел – всякий раз ее встречали и провожали гости, а один раз она даже до квартиры не дошла – прямо на лестнице ее совершенно очаровали курящие. «Мы курим в подъезде, – сказали курящие, – потому что у нас день рожденья, а в квартире дети». В другой раз случилось так, что у каждого была своя версия прихода милиции, все сходились только на том, что это были очень скромные и вежливые мальчики. Один их гостей, правда, хвастался, что дал им денег, но другие это отрицали, качали головами, озабоченно цокали и говорили, что если это все-таки правда, то сейчас повадятся. Я-то сам к приходу милиции уже спал часа три.

А еще как-то летом было жарко, и мы устраивали ветер в квартире, для чего открывали входные двери и окна, они хлопали, мы вставляли в проем швабры, и приятная прохлада разливалась повсюду. В тот момент мы отсутствовали – гуляли по окрестностям с видным музыкальным журналистом, и поскольку в окрестностях в час ночи продается только паленая водка, мы пришли в круглосуточную аптеку покупать высококачественный медицинский спирт, но тут выяснилось, что больше никакого спирта нет. Мы замерли. Добрый охранник аптеки вывел нас из затруднения – он напомнил нам о существовании высококачественной настойки боярышника – как мы могли забыть о ее существовании! и т.д.

Пока происходили все эти страсти, находящийся у меня дома абсолютно трезвый уже несколько лет КК – он все бросил после того, как жестоко дозанулся грибами – решил послушать музыку, и было это «Эйсидиси». Через час в открытую всем ветрам дверь вошла милиция и сказала: «Музыку сделай потише, пожалуйста». КК сделал, и милиция ушла.

Резюмируя вышесказанное, еще раз отмечу, что трепетно отношусь к соседям снизу, потому что чувствую перед ними вину за свое счастье жить среди веселых гостей. В отличие от супруги, я готов выслушивать их жалобы часами. «Мы понимаем, – говорят соседи, вы музыканты, и вам нужно где-то репетировать (с чего они это взяли? У нас есть, конечно, группа, но мы никогда не репетируем и не музыканты), для репетиций ведь существуют специальные помещения, вы так громко играете на барабане (на барабане в тот момент, действительно, очень громко играла моя глупая племянница), и сейчас вышел такой закон, что можно, если собрать жалобы и заявки всего подъезда, выселить из квартиры» – «Да, – отвечал я, страшно укуренный – да, да, да, единственное, о чем хочу вас предупредить, я сейчас собираюсь купить пианино для старшей дочки, хотим учить ее музыке, а сегодня у нас праздник – день рожденья у младшей, вы извините».

В общем, я всегда очень переживаю, когда старина орет и шумит в помещении, в том числе у себя дома, а орет он постоянно и, главное, очень плохо усмиряется. На его новоселье я очень устал, когда всем гостям нужно было изо всех сил кричать песни группы

«Ноль» и «Ленинград» три часа подряд с двенадцати до трех ночи. Прогуливаться по улице со стариной тоже не всегда безопасно, постоянно слышишь, особенно в Питере, где люди более образованны, но хуже воспитаны: «Вот мудаки!», «Сейчас он доиграется!» и т. д.

Особенность расположения старины в том, что он живет на первом этаже, и у него нет соседей снизу, и сверху тоже нет, но есть соседи по двору, и вот им, конечно, не повезло.

В тот день рожденья старина был настоящий хам. То есть первый-второй день еще ничего, но потом, когда его по личным мотивам покинула прекрасная дама, он совсем распоясался.

По рассказу КК, который как раз тогда находился у старины дома, соседи по двору несколько раз приходили с белым флагом, кидались в ноги, просили не за себя, а за своего малыша, которому не спится много ночей дня рождения уважаемого соседа по двору. КК рассказывал, что потом старине стали угрожать – а этого делать ни при каких обстоятельствах я никому не советую, особенно тем, кто желает его усмирить.

И случилось так, что ночью старина буквально на минуточку выбежал проводить гостей, настолько на минуточку, что даже не обулся, а ключ от подъезда был у кого-то еще. Когда он вернулся, подъезд был закрыт на ключ соседями по подъезду. Что ему оставалось делать? Он поступил, как любой нормальный человек поступил бы на его месте. Он стал греться, стал ритмично топать босыми ногами по асфальту двора и произносить некоторый негромкий речитатив. Вокруг стали собираться новые пришедшие на день рождения гости, в том числе КК, все они вместе с новорожденным не могли попасть в дом, и среди них даже затесались давешние мужики – родители беспокойного малыша. К сожалению, чадолюбивые мужики избили старину, даром что он инвалид, но старина остался очень доволен, ведь ему так повезло – кровь почти сразу хлынула из носа очень сильно, и мужики, впечатленные произведенным эффектом, от дальнейших избиений воздержались, к тому же не образовалась опасная гематома. Никто из гостей за него не вступился, даже КК.

Я, кстати, в подобной ситуации тоже как-то не вступился за самого КК – когда мы бухали с ним в арбатских двориках. В те времена я изредка прогуливался по Арбату: жил неподалеку. Мне нравился глинтвейн в Староконюшенном переулке, кафель с детскими рисунками, еще не изрисованный, стена Цоя, Макдональдс в конце. Можно идти и от «Смоленской», тогда Макдональдс в начале. Но это все было бы ерунда, если бы не тусовка. Мне нравились бегающие между ног маленькие панки, цоеманы у стены Цоя, потом бомжи-неформалы около фонтана, когда отстроили фонтан, – я чувствовал себя таким умудренным среди них, почти за главного – ведь я мог бы напоить целую их тусовку отменным портвейном, запросто. А уличные артисты, от классического состава – два акселерата плохо поют и плохо играют на гитарах, а деваха носится среди прохожих с шапкой и требует денег осипшим от энтузиазма голосом, – до бизнесменов от музыки с комбиками и установкой! Всех можно было встретить в своем месте – у «Макдональдса» стариковский диксиленд, дальше девочки со скрипочками, стоящие по возрасту через каждые сто метров – последняя была совсем дошкольница, у театра Вахтангова шоумэнили какие-то кретины, якобы артисты театра – они всегда собирали самую огромную толпу зрителей, думаю, они там до сих пор есть – уж больно прибыльно. Где-нибудь в районе «Бубликов» можно было найти талантливого старичка, стиль игры которого на гитаре можно было бы определить как «Джими Хендрикс опять отравился снотворным», тут же лежали очень задорого кассеты с записями, а деньги так он не брал. Около «Праги», а в старые годы и подальше, в переходе к «Художественному», играл «Дип Папл» Джорджик, сначала один с комбиком, потом со все разрастающимся групешником и даже двумя солистками, потом опять один, мне он почему-то всегда подмигивал, когда замечал среди ценителей «Дип Папл».

Мне нравилось, что здесь можно всегда было кого-нибудь встретить для приятного общения, а что может быть важнее приятного общения! Друг лидера моей группы, который любил подливать друзьям кислотки в чаек, в самом начале, у «Праги», торговал картинками: выдавал за акварельки цветные ксероксы с юмором про животных, на самом-то деле продать нужно было рамки. Некоторое время неподалеку от него торговал матрешками сам лидер моей группы. Слеера чаще всего можно было встретить недалеко от глинтвейна в Староконюшенном переулке – на Арбате он снимал баб. На самом невыгодном месте – в районе пятого, впоследствии шестого – отделения милиции иногда пел Вундик с рязанской тусовкой, из всех других мест их изгоняли конкуренты. Козя-Бозя, будущий политолог, носился ближе к театру Вахтангова с ордой пьяных раскольников. И т.д.

И как-то мне прямо повезло. Встретил я там сразу и КК, и Ингу (вы знаете Ингу и её сестру Катю?), какой-то мальчонка с гитарой тут же оказался, в общем, очень дружная веселая компания, и я во исполнение своего всегдашнего желания наприобретал портвейна, чтобы пить его в арбатских двориках – а как же иначе! Сидим в песочнице у сетчатой ограды детского сада, а подальше вдоль ограды за углом какие-то такие же как мы приятные неформалы бухают, и тут подбегают к нам две юные девахи, очень бодро настроенные, а за ними юноша белобрысый едва поспевает, и одна из них говорит КК, у которого в руке бутылка,: «Дай глотнуть!» Я, конечно, тут же размечтался, «О, – думаю, – сейчас-то я и напою всех окружающих прекрасным портвейном, как давно уже хотел, и будем мы в вечереющем городе веселы и беспечны, будем встречать все новых людей для приятного общения, а что может быть важнее приятного общения!».

Так оно и вышло.

КК отвечает девахе: «Не дам!» – «Как не дашь?» – удивляется деваха и давай выхватывать у КК бутылку, но бутылку у него хрен отнимешь, он еще ей для порядку и по морде пару раз съездил. Она убежала подальше вдоль ограды за угол, а КК и говорит юноше белобрысому, который так разинув рот и остался стоять: «Ты за бабами своими следи» – «Да я, – отвечает юноша, – сегодня с утра с ними, просто кошмар. Можно портвейну глотнуть?» – «Глотни» – сказал КК, снова уселся в песочницу для продолжения назидательного разговора, но тут из-за угла, что подальше вдоль ограды, появился крепкий молодой человек и спросил у нас, кому из нас здесь жалко портвейна. Вопрос был риторический, и как бы отвечая на него, крепыш тут же изо всех сил ударил сидящего КК ногой в лицо. Вслед за ним из-за угла прибежало множество других крепышей, они уговаривали нас не ввязываться в драку, а первого крепыша, которого называли Эдиком, уговаривали не переусердствовать. А он тем временем уже сидел на окровавленном КК и пытался его задушить, а подкравшаяся деваха умудрилась-таки разбить об голову КК пресловутую бутылку. «Второй раз в жизни, – размышлял потом КК, – разбивают мне бутылку об голову, и снова мне совершенно не больно». Я принимал посильное участие сначала в происходящем, вместе со всеми говорил: «Уберите бабу! Бабу уберите! Эдик, ты его задушишь!», а потом в долгом разбирательстве на тему «рыцарство и допустимость избиения женщины» с участием набежавших откуда-то людей, малолетних бомжей и предводительствующего ими сорокалетнего болвана, от которого остались две фразы: «Эдик – директор театра Вахтангова, он кого попало бить не будет» и «Арбатская братва», но за КК я, действительно, как и он в случае со стариной, не вступился.

В общем, когда я, наконец, приехал на день рожденья, новорожденный был совершенно один, очень смирный, просветленный. Подарка у меня не было – не считать же за подарок большую бутылку водки, которую мы тут же выпили и заснули – с дороги это следует, именно потому, что подарок приобресть я собирался очень задешево здесь, в Питере, ведь в Москве это делать никакого смысла не имело (тут же, впрочем, мне вспоминается странная телега о происхождении «питерской кислоты» или ПиСиПи, слышанная мной из одного вызывающе недостоверного источника – от приятеля лидера моей группы, с ко-

торым тот подмешивал в чаек знакомым кислотку, звучит она очень впечатляюще в силу своего полного идиотизма и заключается в том, что, оказывается, «питерскую кислоту» или ПиСиПи делают в МОСКВЕ!, да!, а потом везут в Питер, чтобы здесь распространять и везти в том числе обратно для пущей скрытности – все это очень напоминает телегу про талончики на наземный транспорт, их тоже, оказывается, питерские делают в Москве, а московские в Питере – очень удобно).

Однако дело здесь совсем не в безумных маршрутах наркоторговцев – с собой у меня был питерский телефончик одного доброго приятеля, бизнесмена-благотворителя, не знаю, как иначе называть людей, занимающихся перевозкой на себе из Питера в Москву травы и последующей ее продажи, ибо денег на этом слишком много не заработаешь, поэтому смысл тут разве что в радости, которую несешь клиентам, – в Москве этого человека не выудишь, а мне уж больно хотелось порадовать старину, да и сам я тоже иногда в свободное время не прочь побаловаться грубой кустарной химией, а где же как не здесь свободного времени у меня всегда в достатке.

Собственный дом всегда придумывает дела. В нем столько возможностей чем-нибудь заняться, что грань между долгом и чувством незаметно исчезает, и непонятно уже совсем, какие из домашних дел в конечном счете приятны, вроде сияющего невинностью унитаза, а какие полезны, вроде переписывания с компактов на компакты полных коллекций «Аквариума» и «Гражданской обороны» на день рожденья другу (случай этот до сих пор у меня в памяти своей вызывающей бессмысленностью). Не говоря уже об обязанностях ежедневного существования. С ними связано и вставание в семь утра, само по себе способное довести человека неуравновешенного до самоубийства, и бесконечное путешествие по делам, наполняющее жизнь бренностью, и маленькие отпрыски, в которых – всё существо благонамеренного родителя. Это ли не истинное убийство времени, тем более тяжкое, что происходит с инквизиторской методичностью! Ассоциации здесь могут быть только с «...подвесить на дыбе, либо сутками капать на одно и то же место макушки холодную воду, либо лишить сна, либо насильственно наливать в ваш рот соленую воду через воронку, либо сдавливать череп с...». А еще завтрак, обед и ужин, вот что я ненавижу чистой ненавитью, не говорите при мне эти слова и их производные, если хотите сберечь то, что вам дорого.

А еще дни недели:
понедельник – тяжелый
вторник – порожняк
среда – пиздец
четверг – мутный
пятница – темная
суббота – наёбка
воскресенье – западло.

Не то в Санкт-Петербурге. В моем Санкт-Петербурге главной достопримечательностью является мой свободный в нем полет, я могу даже в Эрмитаже побывать и признаться в этом всем, вот насколько свободен я здесь в своих действиях.

Но в тот раз, я, понятно, ни в каком Эрмитаже бывать не стал, не говоря уже о Русском музее и квартире А.С. Пушкина, а набрал сразу же, как проснулся после распития со стариной большой бутылки водки – с дороги это следует! – указанный телефон из своей записной книжки, ведь «одно сегодня стоит двух завтра», тем более, что покупка малолегальных веществ всегда очень странно протекает во времени.

Невозможно передать, сколько геморроя иногда приходится переживать человеку, который ни с того ни с сего решил приобрести что-то подобное. Это только в романах он едет в специализированный магазин, набирает там корзину потребителя, консультируется при этом с опытными продавцами-консультантами и оформляет годовой кредит без

первого взноса. Я даже хотел когда-то написать небольшую повесть, рабочее название ее было «Стрелка», она должна была входить в качестве главы в роман-эпопею «Квартира», о том, как трудно одним ее персонажам приобрести наркотики, а другим продать.

Дело всегда осложняется психофизиологическим состоянием продавцов и покупателей. С одной девочкой, которая продавала мне наркотики, я знакомился восемь раз, и уверен, что она не вспомнит меня при новой встрече, может, я тоже бы ее не сразу запомнил, но ее звали Волшебница.

Другим знакомым мне наркодельцом был один человек из Магадана, он называл себя Паша из Пскова, потому что после Магадана он долго жил в Пскове. У него вообще проблема продажи наркотиков стояла как никогда остро, он очень редко мог что-то продать, это было связано с его предпочтениями: он очень любил и траву, и винт, поэтому по-винтовому очень суетился, жаждал какой-то бесконечной деятельности и находил ее, а от травы страшно тормозил. Он начинал собираться на стрелки за час и опаздывал на них на четыре часа. Он играл в нескольких группах на барабане, хотя сам себя считал бас-гитаристом, просто в то время был крайне низкий спрос на бас-гитаристов, но изо всех групп его выгнали, несмотря даже на крайнюю нужду в барабанщиках: он приходил на репетиции после того, как они уже кончались. Люди, не знакомые с особенностями его характера, легко раздражались, прождав его пару часиков, и выходили конфузы – однажды его мстительно кинули, подсунув какую-то бодягу, выращенную в шкафу под кварцевой лампой лидером моей группы, за что впоследствии Паша из Пскова был бит покупателями. А в другой раз, напротив, продаваемый им гашиш был настолько хорош, что после дегустации он не смог его удержать в руках – гашиш рассыпался и смешался с грязью помещения. Все присутствовавшие много времени потом провели на карачках, выискивая чудесные кусочки.

Сейчас, правда, все иначе, появилось большое количество серьезных бизнесс-вумен, пунктуальных, ответственных, с качественным товаром, по-женски аккуратно запакованным, так что позитивные сдвиги есть даже в такой консервативной области как продажа наркотиков и пусть заткнутся те, кто не любит капитализм с его конкуренцией рыночных отношений! Долой из наркобизнеса дилетантов и наркоманов! С вами работают профе*с*ионалки!

Но даже и в такой благополучной атмосфере все обычно происходит сначала очень медленно, а потом сразу очень быстро. Предваряют все душевные беседы на кухне на тему «вот бы достать чего-нибудь, как будет возможность» и неторопливые рассуждения о предоплате с неоговоренным сроком ожидания, иногда вдруг можно услышать очень странные телефонные просьбы, тот же Паша из Пскова долго однажды общался с другом лидера моей группы, с которым тот подливал кислотки в чай знакомым, на тему «гашеных марок», причем один говорил о кислоте, а другой о гашише, иногда от вполне нормального человека по телефону можно услышать требование достать книг с зелеными обложками, другие мечтают о твердых компакт-дисках, Слеер и вовсе утрудил себя изобретением лексемы «кербанга» и называет так марихуану и ее производные вне зависимости от того, говорит он об этом по телефону или нет, вообще по эзопову языку телефонных переговоров о наркотиках пора уже писать филологические исследования с лексикографическими приложениями. Только непосредственная Альбина всегда звонит мне со словами: «Дэ-э, а у тебя травы нет возможности купить? Мне один коробочек нужен. А грибочков? Мне дознячок».

Но в какой-то момент выясняется: да, есть возможность, причем завтра уже ее не будет! До конца дня лучше больше ничего не планировать. Все время и силы без остатка будут посвящены этому: сначала телефон, «Почем?» «Я перезвоню через десять минут» «Сколько нужно?», тоже, конечно, в ход идут дикие метафоры, последний раз мне предложили приобрести КРУЖОК, так я просто растерялся, «где и во сколько?», потом, когда

встреча, наконец, назначена, необходимо сначала встречаться, потом куда-то идти, потом ждать, ждать, ждать.

Разумеется, я очень долго вызванивал своего филантропа, сначала его не было, потом я запил, потом его опять не было, потом я вдруг попал прямо на него и – о горе! – выяснил, что он прямо сейчас уезжает в Москву, но тут же он сообщил мне, что – о счастье! – ночью по этому же телефону будет человек по имени Топор, специалист самого широкого профиля, затем я созвонился-таки и с этим Топором, который напрочь от всего отказался, и только когда я сказал, что его отрекомендовали как специалиста самого широкого профиля, он растаял, но, поскольку это был нетелефонный разговор, пришлось встречаться с ним на улице рядом с местом его работы (промышленный альпинизмм на Петроградской стороне), и он стал называть мне количества, к которым я был не готов. Я взял время подумать.

Увы – к тому времени деньги, привезенные на подарок старине, весьма истаяли, ведь мы со стариной выпили не только большую бутылку водки во славу моего приезда – с дороги это следует! Да и в течение всех последующих дней, в каких бы гостях я ни оказывался, я оказывался там не с пустыми руками, некоторые из этих гостей я даже помню, к примеру, прекрасную девушку Катю, к которой меня привел КК, знакомую мне уже до этого периодическими звонками по телефону в два часа ночи, тогда ей был нужен КК, он у меня находился: «Здравствуйте, Д.! Вы спите?! Видимо, мы живем в разном ритме».

Катя знаменита тем, что обворовала вписывающуюся у нее знакомую КК, которая декларировала свое полное безденежье. Мы с КК шумно одобряли этот поступок, и потом, когда мы ехали в такси домой по залитому солнцем Санкт-Петербургу часов в 12 ночи, помню на повороте сильный удар головой о дверцу – я сидел на заднем сиденье.

Да, я поистратился, и поэтому с радостью ухватился за возможность подзаработать на порнографии.

Дело в том, что другими кроме старины гостями, в которых я всегда оказываюсь при посещении Санкт-Петербурга, является место, называвшееся некогда Тараканник – в честь гостя города по имени Таракан (сей полумифический Таракан приехал по делам в Северную Пальмиру, нашел приют в старой профессорской квартире с четырехметровыми потолками, характерной массивной дубовой мебелью, множеством старинных фолиантов, огромными аквариумами и, как любой нормальный человек поступил бы на его месте, забыл о делах, нашел любовь, прожил в квартире сезон-другой, а затем вернулся на родину, и память о нем увековечена в названии места). Жаль, что к тому времени, как я впервые там появился, оно уже не называлось Тараканник – там более никого не вписывали.

Тому были причины.

Хозяйка квартиры, Ира, или маленькая Ира, как называет её мой друг Вадимир (еще есть большая Ира, её мама, которая тоже хозяйка квартиры, но в ней не живёт, а еще есть Ирина комаровская, тоже знакомая Вадимира, впрочем, ее знает весь Санкт-Петербург, она вообще самый знаменитый человек в этом городе) сильно поутратила гостеприимство после двух случаев.

Первый звоночек, как назвал это Вадимир, прозвенел, когда некая юная особа в отсутствие хозяев сварила винт, почувствовала вследствие его употребления недомогание и вызвала Скорую помощь, что привело к обычному в таких случаях скандалу.

Да, потребление наркотиков в квартире без предупреждения её хозяев с последующими передозами и бэд-трипами зачастую сказывается на душевном равновесии этих самых хозяев и их последующем гостеприимстве, говорю как хозяин и гость со стажем, но что делать – человек слаб, даже лучшие из нас.

Не далее как месяц назад любезная моя сверстница Иоанна (мы родились почти в один день и почти в одном месте) приходила в гости и просила не обращать внимания

на синяки вокруг глаз – только потом уж я узнал, что незадолго до того принимали её в гостях моя свояченица с Игорьком, и надо ж было ей не предупредить их, что она поставится в сортире, пока они всецело заняты ремонтом. Хорошо, Игорёк услышал звук падающего тела, взломал дверь, бил Иоанну кулаком в морду, чтоб она оклемалась, клал в холодную воду, сначала один, пока свояченица не заметила его отлучки, увлеченная ремонтом, потом уже они вместе Иоанну охаживали по щекам всю ночь, отрубиться не давая. Будь они помоложе и понеопытнее, и в этой истории случилась бы Скорая помощь, хотя и без неё ситуацию можно в некотором смысле назвать скандальной.

Или достопамятная поездка с моим другом и учителем на оупен-эйр в Сосново, что под Питером.

Представьте себе – это очень трудно представить, но представьте всё же – очень раннее серое утро 4 июня 2006 года (а где вы были в то утро?) на оупен-эйре после ночи, в которой мы по очереди отпивали кислотку из огромной железной кружки (на вкус обычная водопроводная вода, откуда бы она на оупен-эйре!), причем всем было велено сделать один маленький глоточек, а мой друг и учитель недослышал и сделал два больших, отчего ушел во мхи, полностью, всем существом своим ушел во мхи в единении с природой. Я же – представьте! – в этих рассветных сумерках сижу перед сценой экспериментальной электроники, где музицирует без меня лидер моей группы, выступает со знаменитым Поцукайло. Насколько возможно громко, через ужасный дисторшн слышен повторяющийся бесконечное число раз фрагмент из «Милости мира» в исполнении хора братии Спасо-Преображенского Валаамского монастыря (напев Ильинского скита на Афоне): «Тебе поем, Тебе благословим», и снова: «Тебе поем, Тебе благословим», и снова, и снова, бесконечное число раз, а знаменитый Поцукайло, тоже, конечно, отпивший из кружки, отчего я стал для него вылитым Пингвином из «Бэтмэна», подбавляет какого-то совершенно невыносимого свистохруста, и от всего этого вместе – залупленного «Тебе поем, Тебе благословим» с дисторшном и дилеем, высокочастотного шипения, напористого треска – в мозг единственного во всём зрительном зале зрителя – меня (не единственного, как оказалось, потом пришла какая-то тётка-устроительница и выдернула шнуры из колонок) – впиваются железные проволоки, прорастают насквозь невиданными цветами, тельце моё становится газированной водой, через которую к поверхности, к ногам, стремятся пузырьки, я растворяюсь в этой воде и понимаю – да, вот это искусство, вот это музыка, действительно музыка, именно это и есть настоящая музыка, неадаптированная музыка сфер, в моей голове рождается какой-то фантастический пресс-релиз для будущих концертов моей группы, и в это время в моих штанах начинает вибрировать телефон – пришел смс от непосредственной Альбины: «С добрым утром?» – вот так, с вопросительным знаком.

«Ага, - думаю я злорадно, - сейчас я тебе отвечу, какое нынче утро», ибо непосредственная Альбина в течение всего последнего года изводила нас с другом и учителем своими бэд-трипами – очень полюбилась ей кислотка – то её вдруг на всю ночь заинтересовывало, что такое каждое понятие, появляющееся в её светлой голове, и она адресовывала нам сотни этих «что такое»; то случалось ей в погожий летний денёк копать себе могилу на Бабушкинской и просить у прохожих прижаться к их груди, послушать, как бьется их сердце, а также, желательно, как бьются сердца их детей, дабы удостовериться, что они не мертвецы и не роботы, после чего она по несчастному совпадению (не было с собой страхового полиса, когда почувствовала себя неважно) попадала в психиатрическую клинику, и именно мне надо было ехать общаться с главврачом женского отделения этой клиники, потому что я был последним, кто её до этого видел (на самом деле это был друг и учитель, но он успел свалить в Крым); то навещала в легкомысленном наряде соседей друга и учителя, страстно желая воспользоваться их компьютером для написания диссертации, в общем, всё это было довольно хлопотно и стрёмно.

Я не стал утруждать себя письменной речью, просто набрал её номер. Конечно, я ничего не мог ни сказать, ни услышать, «Милость мира» играла предельно громко, и я сидел прямо перед колоночками. На экранчике я наблюдал, что соединение состоялось, и не менее минуты абонент был на связи, затем разговор закончился.

Через некоторое время с большим трудом вытянутый мной из мхов друг и учитель обнаружил в процессе телефонных переговоров, что непосредственная Альбина находится не где-нибудь, а в квартире, где он живет, квартире его жены, соседи которой еще помнят «случай с диссертацией», что жена на даче, а непосредственную Альбину беспечно впустила Нина (с Сахалина), вписывавшаяся у них в ту ночь, и сама невинно спит, ничего не подозревая. Пришлось, конечно, ей проснуться и принять посильное участие во всех раскладах.

А вот как выглядел этот случай со стороны Альбины (это она мне потом рассказывала с присущей ей непосредственностью). Написав мне смс, она увидела, что в рассветных сумерках по двору мечется не что иное как СКОРАЯ ПОМОЩЬ, мечется, мечется и – затаилась в арочке за деревьями. Тут как раз от меня раздается звонок. Альбина живо берет трубку и сквозь металлический лязг слышит некий нечеловеческий голос: «Я приехал. Спускайся». Ну она, конечно, не дурочка, спускаться не стала, только спряталась получше.

Друг и учитель потом немного серчал – во мхах, в единении с природой ему было куда как комфортнее, чем в часовых телефонных переговорах на случившемся тут же пеньке (фотография прилагается), большую часть которых занимала аргументация, почему он не может прямо сейчас, немедленно, тут же, прибыть в Москву для оказания помощи пострадавшим от психоделической революции.

Да, друзья, конечно, не всегда удобно сообщать о своих маленьких слабостях хозяевам квартир, в которых мы бываем. Добро, если это всего лишь наркомания, а если это, к примеру, клептомания?

Второй случай, который окончательно отвратил маленькую Иру от гостеприимства и навсегда упразднил Тараканник, был как раз такой – непосредственно перед первым моим туда визитом квартиру обнес вписчик – легендарный аферист с говорящим именем Чудотворец.

Глаза Чудотворца смотрят в разные стороны. Цвет волос – шатен. Чудотворец известен поступками самыми фантастическими. Если он жил в подвале, то это был подвал храма Николая Чудотворца, если на чердаке, то спал, принимая её за вонючую жёсткую шубу, на дохлой собаке. Как-то в летнем кафе он верхом на стуле доскакал от столика со своими друзьями до столика, за которым сидели местные гопники, и опрокинул его – друзьям очень досталось, ему нет, конечно. Он много раз нелегально пересекал границу СССР, в том числе в трюме корабля, сидел в зарубежных тюрьмах – от отечественных его до поры освобождал папа-КГБшник. Он любил наигрывать на флейте тему из «Господина Оформителя» и писать везде «1+1=1». Но главное, конечно – он творил чудеса. В числе прочего творить чудеса – прекрасный способ двигать крышу девицам, в числе коих были школьницы – моя будущая жена с подружкой. В его присутствии трескались зеркала. Девицам он рассказывал про «своего демона». Однажды оставленная им на крутящейся грампластинке курительная трубка в виде головы демона взорвалась (демон жил в трубке).

В тот раз было так. Он вписывался у своих старых друзей – Вадимира и маленькой Иры, владел ключами, и однажды, в час, когда их не было дома, привел оценщика для старой профессорской библиотеки – прижизненные издания Фета, Достоевского и кое-какой другой антиквариат оценщику понравились.

Чудотворец потом написал своим благодетелям письмо. Особенно им запомнилась авторская орфография в пассаже «Я раскаеваюсь». Спустя несколько лет он сел по этому

делу при случайной проверке документов, потому что не удосужился покинуть город, в котором был объявлен в розыск. На суде присутствовала его гражданская жена, в каждой руке её было по малолетнему близнецу, но это не помогло. Отечественная судебная система не выносит оправдательных приговоров.

Так всемирно известный Тараканник превратился в квартиру с добропорядочным семейством, глава которого Вадимир в те времена, о которых я рассказываю (самое начало века и даже ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ – не просто появляются какие-то псевдо-радужные перспективы, а сама смена парадигмы стучится в дверь, и кто её не пускает, к тому влезает в окно), работал типографским рабочим на упаковке порнографических журналов.

Вадимир – старинный приятель моей супруги, они приятельствовали уже тогда, когда вы, дорогие читатели, только знакомились со словами перестройка, гласность, ускорение, Горбачёв, Яковлев, Первый Съезд народных депутатов СССР, антиалкогольная компания, карточки на продукты, Чернобыль, Карабах, Черный январь в Баку, Ошская резня, Желтоксан в Алма-Ате, февраль в Душанбе, штурм телебашни в Вильнюсе. Вадимир дружен с питерскими рок-музыкантами (Борису Гребенщикову, например, он должен денег) и их близкими друзьями – регулярно он сообщает мне о новых злоключениях помянутой выше Ирины комаровской – той самой, которую резал, но не дорезал Фёдор Чистяков (группа «Ноль»), не вполне корректно истолковавший под грибами «Исторические корни волшебной сказки» В.Я. Проппа в том ключе, что он является Иванушкой-дурачком, а она бабой Ягой и он должен её убить. Злоключения её ужасны. Один из её детей-близнецов вроде бы погиб. Второго вроде бы похитили. В какой-то момент Вадимир рассказывал, что она ждёт суда по травяному вопросу и призывает рок-музыкантов Санкт-Петербурга вступиться за неё. Последнее, что я о ней от него слышал – выбила себе все зубы, кроме одного и говорит: «Правда, я теперь похожа на бабу Ягу?»

Вадимир долго не становился степенным главой семейства, возводил это даже в принцип, с предыдущего места работы (заведующий книжным складом церковной лавки при Свято-Тихоновском богословском институте в Москве) он уволился по собственному желанию именно потому, что побоялся увязнуть в карьеризме – начинал он там простым продавцом, и всего за два года достиг степеней известных – что-то дальше бы сталось! – к счастью, при переезде в Питер из тяжелой московской атмосферы ему снова подвернулась работа с печатным словом, к которому, по его словам, он относится с большим уважением и особенно остро чувствует при работе с ним близость к интеллигенции.

Именно Вадимир, кстати, познакомил меня с другом будущего лидера моей группы, с которым тот подливал знакомым кислотки в чаёк, познакомил на праздновании у меня дома своего дня рождения 28 мая 1997 года (а что вы делали в этот день?) – вот это был праздник так праздник! Образцовый праздник, можно сказать!

Как на всяком образцовом празднике там была куча случайных людей, взять хотя бы некоего писателя возраста моей мамы, который приехал вместе со мной с дня рождения Каца (от него наутро мы даже нашли сентиментальную записку прямо на любимом календаре моей тёщи, прямо на репродукции Тулуз-Лотрека)! Как на всяком образцовом празднике там были веселые музыканты, самый жестокий по громкости вид музыкантов – духовая секция – друзья Вадимира, прибывшие прямо после работы в подземных переходах метро, где каждый выступал сольно, а у меня они выступили как трио из саксофона, трубы и фагота – вот это было действительно ГРОМКО. На композиции «Гимн Советского Союза» (она была слышна на весь двор вплоть до Белого Дома – мы жили тогда рядом с Белым домом) к нам по смежному с соседями балкону перелезли соседи и сказали, что больше не в состоянии оставаться в стороне от такой пьянки, вытащили бутылку водки и дальше мы пили уже вместе – это были хохлы-строители, делавшие там ремонт (а раньше, бывало, когда та – пятикомнатная – квартира пустовала после продажи новым хозяевам, но ремонт еще не начался, там спали гости, не поместившиеся в моей – четы-

рехкомнатной. Особенно им нравилась комната с эркером и блевать в соседском сортире, золотое времечко!). Как на всяком образцовом празднике там состоялось знакомство, положившее начало нерушимой дружбе – я прямо помню момент, как открывается лифт, и выходит обаятельнейший молодой человек, которого Вадимир тут же рекомендует не как-нибудь, а как своего ЛУЧШЕГО ДРУГА! Первым делом молодой человек, оказавшийся впоследствии не таким уж молодым, я еще до сих пор не дожил до возраста, в котором он тогда был, упомянул к чему-то пару кубов кетамина, потом сказал, что привозит осенью в Москву Einsturzende Neubauten, потом кстати упомянул своего друга Витю Пелевина, в общем, он покорил меня сразу и навсегда, став и мне, конечно, лучшим другом. Именно через него мы стали снова общаться с будущим лидером моей группы (познакомились-то мы с будущим лидером гораздо раньше, он был учеником одного из бывших, выражаясь современным языком, бойфрендов моей жены), и только за это уже ему низкий поклон, а то, что он вызывающе недостоверен как источник информации (к приезду Einsturzende Neubauten и Вите Пелевину он имел такое же отношение, как и все мы, смертные), ну так у каждого свой способ взбадривать собеседника.

Итак, порнография, на которой мне предложил подзаработать Вадимир: его напарник, в тот день отлучался, и одному ему было бы очень сложно справиться со станком. Я, конечно, согласился – не столько нужны мне были деньги, хотя, конечно, перспектива подарить старине стоящий подарок на день рождения тоже открылась моему мысленному взору (ценник Топора тут же встал перед глазами, $200 – 6000р за грамм ОЧЕНЬ ХОРОШЕГО ПиСиПи и по $120 – 3600р два вида похуже, а мне Вадимир пообещал 600р за 12 часов работы плюс журналы, это 100 мг хорошего, или добавить 300р и будет четверть грамма плохого), сколько заняли моё доброе сердце соображения взаимовыручки. К тому же меня позабавила возможность освоить новую специальность.

Вообще я не большой охотник трудиться, и стараюсь этого по возможности не делать. Не то чтобы я, как Вадимир, боялся карьеры и увязания в рутине, и бегал от неё подобно собаке с банкой на хвосте, дело здесь скорее в том, что есть у меня слабость периодически (раз в день, раз в неделю, раз в сезон, раз в год) отдавать себе отчёт, куда девается моё время, в каком состоянии мои ценности, куда подевался идеал, и вот именно в периоды, когда я работаю на постоянной работе, моё время начинает – трррррры – проматываться в ускоренном режиме, выпадают целые куски, и это оказываются те самые куски, когда я работал, ценности замутняются, идеал же и вовсе пропадает из виду.

Пять лет, к примеру, случилось мне сотрудничать в мелком бизнесе, и – трррррры – пять лет вдруг исчезли из моей жизни. Определённо, был в эти годы какой-то угар, даже что-то вроде подвигов и деяний было, можно вспомнить какие-то «интриги на работе», как называл это мой начальник Мишка Доктор (это когда просыпаешься с утра после пьянки, а рядом с тобой жена Каца, например); или, скажем, одно время мы брали за правило каждый день после работы пить новый сорт пива, и так целый год (два?), и с тех пор я пиво не пью; или как весело я дрался с Васей Сметаниным на очередном «празднике пятницы» за право общения с прекрасной дамой по имени Оля (он вернулся с догоном и понял, что она предпочла меня, как тут не начаться драке!) – я не мог попросить его прекратить меня душить, потому что горло было полностью перехвачено, и чуть не был задушен насовсем; или как я с утра сказал одному из продавцов, когда он было решил немного похмелиться перед отъездом на торговую точку, что у нас это строго запрещено, а когда он чуть не подавился собственным языком (только что я выжрал стаканище, нисколько не протрезвев со вчера), сухо объяснил: «а мне – можно»; или как я, получив зарплату, пришел на концерт Егора Летова в ДК 40-летия Октября, там оплатил вход каким-то прекрасным дамам, коими был зацелован за это до одури, а после концерта покупал каким-то другим прекрасным дамам пиво, и спрашивал, какое они будут, а они говорили «любое», и я требовал в ларьке два литра «любого пива», и они

тянули меня потом за один конец шарфа куда-то в метро, а Макс Семеляк тянул за другой конец шарфа со словами «отдайте нам нашего богатого друга», да, всё это было. Но весь этот пространственно-временной континуум схлопнул пять лет моей жизни в какой-то такой монолитный кирпич, про который я не могу сказать, что я в него, собственно, «жил». Я в него – трррррры! – носился по делам, получал деньги мелкими и мельчайшими купюрами, даже звонкой монетой, бухал, снова носился, соблюдал некий жуткий режим (научился просыпаться без будильника в 6.50, например, потому что нельзя было будить малолетних детей, а заканчивал работать в 21.30), иногда получал от чего-то (от чего бы это?) удовольствие, иногда мог подвести какие-то положительные итоги, иногда что-то из сделанного казалось полезным, но – трррррры! – всё это пронеслось со свистом, вырезан кусок, а на его месте зияет надпись: «Здесь было 5 лет жизни с Мишкой Доктором», и больше ничего.

Потом я с осторожностью – с осторожностью! – взялся за другую постоянную работу, 3 года я преподавал на филологическом факультете МГУ им. Ломоносова, - с осторожностью! Рабочая неделя 18 часов, а не 50-60, лето почти целиком свободно, студенческие каникулы свободны, в начале семестра можно разгоняться неторопливо – с осторожностью! – иногда допустимо болеть, даже если не так уж болен, «Без вас, что ли, не обойдутся! Болейте на здоровье» – говаривала мне зав. кафедрой, понимала, как травматична для моей хрупкой психики постоянная работа, но нет. Здесь даже и польза какая-то возникала почти уже не иллюзорная, и, прямо скажем, удовлетворение наступало иногда, особенно когда удавались какие-нибудь показательные занятия, стезя даже как-то хмуро посверкивала, сумеречно поблескивала, и как бы говорила: «А не твоя ли я стезя...», и диссертацию можно было написать, и на кафедре любили меня, ой, как же любили меня на кафедре (ииииииии)... Но нет, на хрен.

Я даже фильм-то дурацкий, бывает, смотрю, и думаю: «Как же времени жалко», и проматываю, а тут вдруг – промотанные куски моей жизни, жалкое это ускоренное дёрганье ручонками и ножками на постоянной работе, и про режим дня мне это всё напомнило – нет уж, не говорите мне о режиме дня, если хотите сберечь то, что вам дорого. Недавно моя средняя дочь стала снимать для урока биологии учебный фильм про режим дня – ума не приложу, как это связано с биологией, скорее всего, связь здесь только через невменоз учительницы, и мне там досталась, в этом кино, завидная роль папаши-штрейкбрехера, который строит дочь выполнять режим дня, а мораль фильма в том, что режим дня – это очень полезно. Ну даже не то, что я её призываю выполнять режим дня, просто ругаю её всё время за проёбы – двойки, опоздания и т.д. Но это, конечно, меня не оправдывает. Из любви к дочери, из потакания её звёздной болезни, я – признаюсь – снялся в этом пропагандистском боевике, в этом пасквиле, чувствовал себя при этом, понятно, отцом Горио, королем Лиром себя чувствовал, лишенным остатков разума, ослепленным отцовской любовью до того, что готов уже сниматься в фашизоидных агитках. Впрочем, мне очень нравится, каким кротким голосом я там говорю «Давай дневник», это слегка примиряет меня с собой. Я сказал дочери, разумеется, что ненавижу режим дня, но её это совершенно не тронуло – циничная молодежь – «да какая тебе разница, папочка, нам тоже он по фиг (или „пофиг“ надо писать вместе, как вы думаете?)».

Да, постоянная работа – это наёбка молодёжи старостью. Ушел на работу, вернулся – пенсия.

Но «за работой не бегай, от работы не бегай»: мне тоже приятно иногда вспомнить, какие малоквалифицированные специальности я осваивал (у каждого настоящего писателя должен быть такой список! У ненастоящего тоже). В школе на УПК я точил болванки: когда записывали в компьютерный класс, я болел. Я точил болванки хуже всех, увы. Но презирал, конечно, работников компьютерного класса глубоко классовым презрением – они еще и в белых халатиках работали. В свой медовый месяц я работал охранником-

консьержем в подъезде, мы часто выпивали с охранником бизнесмена, живущего в этом подъезде, и он меня поучал на предмет семейной жизни: «Совет да любовь... Какой там совет?! Любовь – вот это важно. Что ты там мне будешь советовать, меня не интересует. Любовь!!!». Чтобы попасть в аспирантуру, мне надо было поработать в приёмной комиссии филологического факультета МГУ, в аспирантуру я не попал, зато освоил такие специальности, как консьерж, охранник на пропускном пункте, личный охранник, ключник, грузчик, носильщик, экспедитор, библиотекарь, слесарь, ну об этом я даже писал эссе. Грузчиком я еще работал с Малышком – мы грузили стиральные машины и холодильники пару раз – ух, работка! – там даже дедовщина была.

Еще – кстати! – я работал с телеканалом «Культура» и с альманахом «КонтрКультура» (в первом случае заплатили денег, второй случай описан мной отдельно), вместе с директором нашей группы я давал интервью радио «Культура», а моя жена для издательства «УльтраКультура» переводила книгу, чего еще может пожелать культурный человек! Разве что освоения станка для запаковки в полиэтилен порно-журналов – в этом заключалась нынешняя работа Вадимира с печатным словом, ну, не столько с печатным словом, сколько с печатными ДЕЛАМИ.

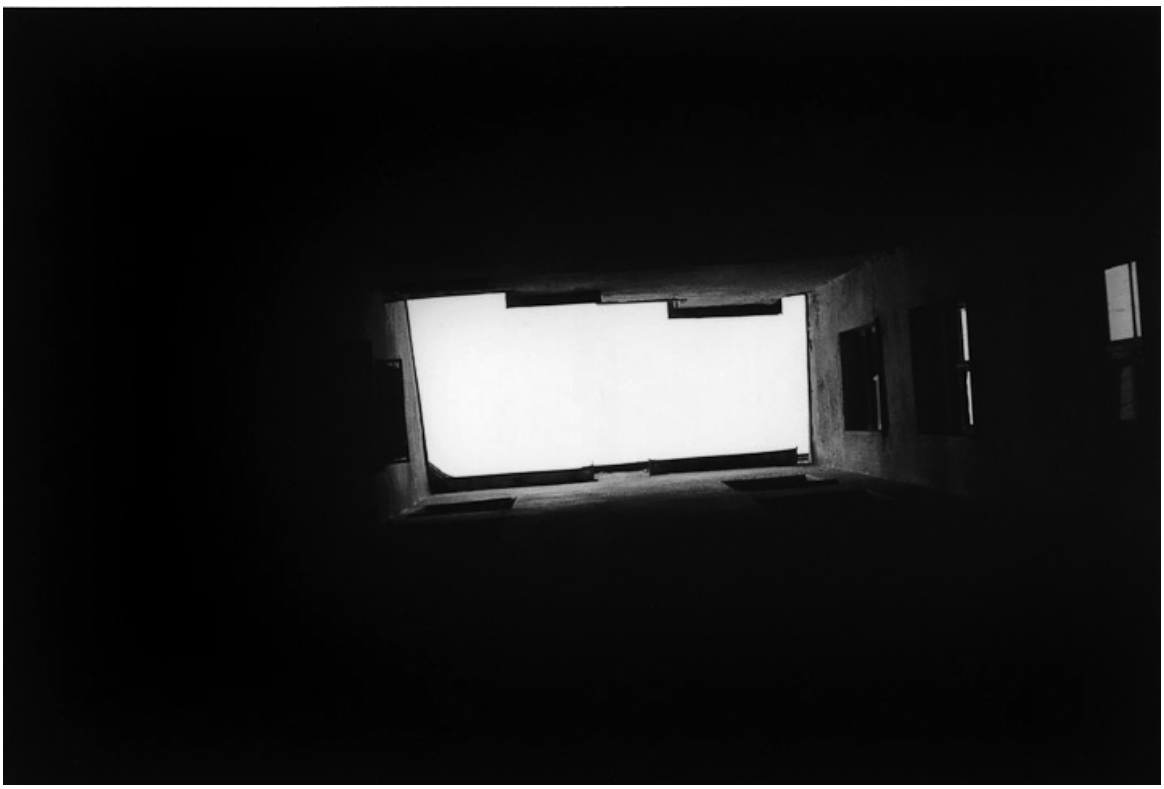
Мудрое законодательство предусматривает продажу порнографических журналов только в полиэтилене, иначе любой школьник перелистнёт пару страниц и будет навсегда потерян для социума (из «наиболее часто задаваемых вопросов»: А как же обложка? Ведь полиэтилен прозрачный! Ответ: на обложке пизды и соски всегда закрыты цветастыми сердечками, звёздочками и т.п., не то внутри – говорю это как специалист – после работы мне досталось около 30-ти номеров), поэтому нужны пролетарии, которые запаковывают эти журналы в полиэтилен, в одиночку станок с этим не справляется, по крайней мере, тот станок, который стоял в подвальном помещении, где мы трудились.

К сожалению, в чём именно состояла тогдашняя наша с Вадимиром работа, я достоверно не помню, кажется, нужно было 1200 журналов запаковать в полиэтилен за 12 часов, и мы управились даже быстрее, а может, это было 1000 журналов, и управлялись мы долго, потому что станок то и дело совершал брак, и приходилось распаковывать брак обратно, а потом опять кидать их по одному в станок, который – быг-быг-быг-быг-быг!!! – громко их и ловко обклеивал со всех сторон, а потом мы складывали их в бумажные пачки (или не складывали?), с тем, чтобы эти журналы отправились впоследствии в Москву (Вадимир с теплотой представлял, как я в Москве на Курском вокзале покупаю «Невскую клубничку»).

Всё это я помню очень смутно и муторно, а ясно помню только одно: как мы в единственном луче солнца, плохо проникавшем сквозь заколоченное окошко под низеньким подвальным потолком, пили кофе, когда Вадимир объявлял перерыв после каждых двухсот (пятисот?) журналов. Я вообще кофе не люблю, особенно растворимый, особенно Nescafe (на этом месте должна быть ссылка на сайт Nescafe), но этот был прям вкусный какой-то, я размышлял над секретом его вкуса («в чём секрет? – да тёщу я трахаю, но причём тут машина?» – анекдот) и никак не мог его понять – сначала я грешил на психофизический угар от наёмного труда, что-то вроде «голод лучший повар», а следовательно, чем хуёвей и монотонней труд, тем... Но потом я понял, что всё дело было в воде – тогда только появилась ОБЫЧНАЯ вода, упакованная в бутылки, и она была чудо как хороша в сравнении с водопроводной, уж больно я не люблю вкус водопроводной воды из-под крана. Вот этот вкусный кофе я помню хорошо, а всё остальное из нашей работы забыл напрочь. Нет, ещё помню, что мне досталось в подарок 30 номеров журнала «Невская клубничка», который мы, собственно, запаковывали, и я украсил ими весь дом троюродного дядюшки старины, Марка Лазаревича.

«в тот визит я вообще сделал довольно много фотографий, следует, наверное, приложить их к книге как документ эпохи. . . »

Набережная канала Грибоедова близ Кокушкина моста. Дом 66 примерно.



Двор-колодец, Английский проспект, 27.

ул. Гороховая, 49, во дворе. Близ магазина cd-rom дисков. Его реклама видна на фото слева от меня. Там я купил подержанный мп-3 диск Филиппа Гласса. С тех пор ни разу его не слушал и выбросил. Фото авторства КК.

ул. Гороховая, 49, во дворе. Вид в сторону ул. Гороховая. Через арку и сверху виден дом No.38. Близ магазина cd-rom дисков.

«Перевернутый слон» по адресу ул. Введенского канала, 2. Одна из старейших электростанций страны. Вид с набережной реки Фонтанки, от дома No.85 примерно. Неподалеку мы с Вадимиром работали впоследствии, но это пока просто прогулка.

ул. Ефимова. Вид с наб. реки Фонтанки в сторону Сенной площади.

Как я уже упоминал, старина тогда был тих, смирен и даже не особенно жил дома, чтоб не раздражать своим веселым нравом соседей по двору, а жили мы с ним на Литейном, рядом с Театром на Литейном и домом Анны Ахматовой, у его любимого троюродного дядюшки, которому мы с вами и обязаны знакомством со стариной, потому что именно он по археологическим делам когда-то познакомился с моим дорогим другом по имени Малышок (они коллеги-археологи), а тот, в свою очередь, как-то привёз к нему в гости мою любезную свояченицу, дабы она развеялась в Санкт-Петербурге, и она тут же, в одно мгновенье, стала гёрл-френдом старины, который тоже случился тогда в гостях у Марка Лазаревича, и старина (тогда еще не старина, а совсем юный Филиппик) приехал к ней в гости в Москву, когда все вместе мы жили у Белого Дома, я с женой и двумя детьмя, свояченица с дочерью (моей глупой племянницей) и котом по имени Люцифер (ласково: Глюк), мои тесть с тёщей и очередной собачкой породы английский сеттер, и туда же ещё приехал в гости на пару недель старина. Так мы и познакомились.

Малышка вообще-то зовут Малыш, но мы со Стариной однажды купили и съели, ритуально съели пельмени под названием «Малышок», потому что мы этим самым как бы съели своего лучшего общего друга за его же здоровье (впрочем, за здоровье – это я разбавил краски, съели мы его просто так). Малышок – великий человек, как по габиритам, так и просто. Я горжусь, что я его современник. В нём всё прекрасно, что должно быть прекрасно по Чехову, и ещё больше. Истории про Малышка расскажу только две. Первая, которую обычно рассказывает про него Фленжер людям, не знающим Малышка, чтоб они о нём имели хотя бы отдаленное представление, такая. Некоему человеку (возможно, это был сам Фленжер) посчастливилось однажды следовать за Малышком по слабо освещенной улице. Каково же было его изумление, когда поодаль он увидел вылезающего из засады в кустах мента, наивно планирующего, как видно, за счёт Малышка поживиться. Тут свет одного из немногих уличных фонарей подробно освещает Малышка. Мент меняется в лице и тут же прячется обратно в кусты.

Другую историю рассказывал сам Малышок. В период, когда свеж был информационный ветер, поднятый вокруг мусульманского терроризма (9/11, Чечня, Хасавюрт, Талибан, Взрывы домов в Москве и Волгодонске, несостоявшийся взрыв дома в Рязани, Дагестан, Саудовская Аравия, Северный альянс, Усама бин Ладен, Масуд, Хаттаб, Дудаев, Удугов, Басаев, Бараев, Бараев, Гелаев, Радуев, Масхадов, Яндарбиев, Умаров, Буданов, Шапошников, Шпигун, Лебедь, Степашин, Патрушев, Путин, Путин, Путин), московские милиционеры иногда спрашивали его, почему он носит арафатку. Малыш всегда отвечал на это в своей манере, размеренно и кратко: здесь, мол, в европейской столице, не всё соответствует провинциальному вкусу, привыкайте.

Старина всегда защищает милиционеров, однажды мне даже морду набил, так защищал милиционеров, во-первых, потому что они бедненькие маленькие мальчики, во-вторых, потому что если бы не они, мы давно погрузились бы в хаос преступности и лично меня, Д., убили бы очень скоро. Дик, любимый мой одноклассник, работающий ныне юристом в Останкино, случившийся тут же за столом, отвечал на это очень забавно, он приводил исторический пример, как непопулярный правитель Хрущёв предпринял когда-то упразднение Министерства внутренних дел СССР, с передачей его функций республиканским министерствам, а потом переименовал их в министерства охраны общественного порядка, что Дику очень нравится (КГБ, кстати, Хрущёв тоже довольно сильно реформировал, и тоже в сторону ослабления, снизил воинские звания высших чинов КГБ, чтобы они не чувствовали себя слишком уверенно в присутствии армейских, скажем, высших чинов, «Надо вас распагонить, разлампасить», - говорил). Непопулярный Хрущёв мыслил так: охрану правопорядка прекрасно могут обеспечивать дружинники, такие же граждане, как его нарушители, только организованные, а против организованной преступности столько ментов не нужно. Что же касается исправительных учреждений – они

тоже не нужны. В них преступники только организуются и растлеваются. А лучше так: первый раз попался преступник – штраф, второй раз попался – тоже штраф. Третий раз попался – расстрел. А нынешние менты, конечно, никакой охраны правопорядка не обеспечивают и с преступностью не борются, а сотрудничают – во главе преступных пирамид, занимающихся распространением наркотиков, в частности, всегда стоят менты (известен случай в одном из районов Москвы, когда местные скины стали раскручивать героиновую точку на предмет хозяев. Понятно, что в конце концов они вышли на ментов. Всех скинов сразу закрыли за их скинхэдство на разные сроки). Соответственно, Министерство внутренних дел всегда лоббирует ужесточение наркотического законодательства: сильнее угроза наказания – выше цена на наркотики и больше денег можно выбить из попавшихся конкурентов-частников, а Министерство иностранных дел под давлением международных институций, которым выгодна либерализация и наркотизация населения, лоббирует облегчение наркотического законодательства для получения различных международных льгот по денежным займам. И наркотическое законодательство в последние годы раскачивается не хуже всего, что имеет свойство раскачиваться – то невиданно облегчается вплоть до административного наказания и установления разовых доз как основания для определения размера, то невиданно ужесточается, так что особо крупным размером является любой, и возникает масса удивительных отягчающих обстоятельств, типа пользования общественным транспортом при перевозке.

Поэтому, конечно, не странно, когда милиционеры спрашивают на станции Проспект Мира лидера моей группы, нет ли у него зеленого чая, на что он резонно отвечает, не интересуются ли они еще и стиральным порошком.

А Игорька – нынешнего бойфренда моей свояченицы на платформе в Симферополе всегда ловит неопытный ментовской молодняк, спрашивает, нет ли у него наркотиков. «Ребята, - отвечает он иногда, - вам повезло. Сегодня есть. Делим пополам и разбегаемся» Не было случая, чтоб отказались, да. Но выглядит он, понятно, не хуже Малышка, денег у него нет и не будет, тюрьмой его пугать бесполезно, он уже и бывал в ней не раз, он, может, только там и находит приятный клуб разудалых товарищей, так что, как говорят в телепрограммах, не пытайтесь повторить самостоятельно.

Я-то, конечно, в своих отношениях с органами правопорядка всегда предельно учтив – сколько с ними сталкивался, соблюдал уважение и полную корректность, и не могу пожаловаться, что они не отвечали мне тем же, тьфу-тьфу. Есть такие люди – у них аллергия на милицию. В отличие от извращенца старины, который так её любит, что готов бить за неё морду своему любимому товарищу – мне, – к милиционерам у нас обычно относятся с предубеждением – как к трамвайным контролерам (помнится, Голицын, он же Кастрюля, он же Маленький любил в трамвае, когда к нему подходил контролёр, кричать резво: «Ща въебу!», и когда контролер, снизив тон, говорил, что такая уж у него работа, ребята, Голицын с той же резвостью ответствовал: «А мне пох, какая у тебя работа, ща въебу!»), некоторые даже любят с ними драться, как приятель моего отчима, который шесть (шесть!) раз сидел за избиение милиционеров, или друг жены Юры Поручика Шериф, который на свадьбе Юры Поручика долго бегал с ножиком за гостями, уже даже выпив рюмку со снотворным, подсыпанным моей будущей женой, каковое снотворное, вполне человеческое, Юра обычно давал своей кошке от похоти, и только когда увидел приехавшую милицию, понял, кто его истинные недруги. Его, впрочем, очень быстро скрутили, и в милиции он спал более суток. Но это другая крайность, до неё тоже немногие доходят. Обычно же аллергик на милицию (хороший пример такого аллергика – моя свояченица, или старший брат моего друга и учителя) начинает нудно качать права, хотя права человека – это что-то совершенно странное, даже право на смерть человек не очень-то имеет, если подумать, что уж говорить после этого о правах! – упоминает при этом преступников, которых милиционеры должны ловить вместо него и свою профессию журналиста. Всё

это, разумеется, бесит милиционеров очень сильно, и если цель – испортить им настроение, тогда он её достигает.

Однажды я попал в милицию со старшим братом друга и учителя – пошли мы как-то в гости к другу-Зимину (он жил тогда на Пятницкой в квартире дядьки Игоря – золотое времечко), и случилось нам поссать на помойный бак при выходе из метро Третьяковская (теперь там стоят синие туалетики в память об этом). Нас, конечно, тут же пригласили проехаться в машине. Я всегда рад проехаться в машине, тем более, та имела изумительно удобные сиденья, и сразу с наслаждением забрался на одно из этих сидений, даже немного на нём попрыгал от удовольствия. А старший брат друга и учителя не забрался. Он долго спорил с ментами, и спорил бы еще дольше, но я сам уже его уговорил поехать с нами. Приехали мы в отделение, я довольно быстро назвал себя и где живу, спросил сразу, не заплатить ли штраф, заплатил его (в размере 5000 рублей – тогда еще доживали свой век тысячи, на нынешние деньги это пять рублей), и спокойно вышел из отделения ждать старшего брата друга и учителя. Ждать его я собирался долго, потому что, когда я выходил на свободу, он уже объяснял милиционерам свои права, говорил, что он журналист и спрашивал зачем-то, знают ли милиционеры, кто его папа (папа его был обычный алкоголик, бывший работник Мосфильма, пенсионер). «Ну и кто твой папа?! Кто твой папа?!» – нервно спрашивали милиционеры. На этом я вышел и сказал жене задержанного, которая ждала тут же недалеко от выхода, что дело дрянь, супруг её не щадит психику стражей правопорядка, они вряд ли его скоро выпустят. Тут нарисовался рядом какой-то странного вида щуплый аферист в курточке, который сказал, что посодействует вызволению узника из темницы, что он сам имеет какое-то отношение к этому отделению милиции, нужно только дать ему 50000р (нынешние 50р – довольно приличные по тем временам деньги), а он вызволит узника и их вернет. Наивная жена, конечно, дала ему бежевую бумажку, и он был таков. Через недолгое время, впрочем, старший брат друга и учителя вышел на свободу, но что самое загадочное – деньги аферист вернул, как обещал.

В другой раз старший брат друга и учителя столкнулся при мне с милицией на праздновании пятницы у Мишки Доктора.

Ах, Мишкины пятницы!

Кто только не бывал на них, на Мишки Докторовых пятницах! Здесь критик Лев Данилкин уговаривал Мишку бросить свой мелкий бизнес и с ним, Львом Данилкиным, писать в газету с обзорами литературы, вести раздел детских новинок; здесь Владимир Леонидович Коровин, к.ф.н., преподаватель филологического факультета МГУ им. Ломоносова, мой драгоценный кум, хватал за плечи Наталью Гребенюк, лейтенанта КГБ, и читал стихи классиков советской и антисоветской литературы; здесь Роман Проколов, советник генерального директора сети «МегаФон-Москва», пел под гитару матерные лимерики собственного сочинения, а политтехнолог Кирилл Якимец пел матерные лимерики собственного сочинения; здесь пьянствовал, сидя на полу, Баян Ширянов; здесь знакомились будущие супруги (мой любимый одноклассник Дик познакомился с будущей женой); здесь праздновались свадьбы (меня даже однажды выгнали со свадьбы Витьки и Наташки за плохое поведение: я, в жопу пьяный, приволок с концерта «Аукцыона» Нину с Сахалина и целую кучу сомнительных студентов Бауманского университета, упал под стол и заснул, другие гости свадьбы сказали, что тоже, пожалуй, собираются спать прямо сейчас, все пятнадцать человек, и выгнали нас – мы ночевали в подъезде соседнего дома, потому что метро уже закрылось, напившись «Изабеллы» из пол-литровых пакетов – в таких продают кефир обычно или мой любимый йогурт «Лада», - не путать с «Мечтой» – а тогда продавали приторную невероятно «Изабеллу»... Конечно, приторную: после буфета ДК Горбунова, где нам запросто наливали по 150 грамм водки в белые пластиковые стаканчики, на рок-концерте!); здесь праздновались дни рождения (как сказал Мишке Жора Козадаев в ответ на его недоумение, почему именно у Мишки он хочет праздновать свой

день рождения: «Хата-то раскручена»); здесь бывал наверняка и ты, читатель, иначе бы ты читал другую книгу. Сейчас уже нет этого дома на Щукинской, он был последним из всех тамошних белых хрущоб под натиском неебических новостроек, он долго не сдавался, стоял такой ма-а-аленький под нависшими уродливыми гигантами всех цветов бензинового пятна, а когда-то, когда я помогал сюда Мишке переезжать, только и были эти белые пятиэтажки в тенистых двориках, и домик наш стоял равный среди равных, и зимний вечер, и как мы первый раз вошли в квартиру, и что сказал Мишка, и что я ему ответил, всё помню, всё...

И вот была обычная Мишки Докторова пятница, очень громко играла музыка, все дружно бесновались, только КК спал мирно, нажравшись, прямо под вопящими колоночками. Час был поздний, второй или третий, когда пришла милиция. Милиция сразу стала придираться ко всему, придралась даже к спящему КК, почему это он тут спит прямо на полу, на что жена Мишки Доктора резонно отвечала: «Ночь. Человек спит». Но подлинной находкой для милиции стал старший брат друга и учителя, который, конечно, сразу стал выяснять как журналист, по какому праву они пришли в частный дом. Я очень заскучал, решил не дожидаться, пока всех нас повезут в дом казенный, быстро предъявил милиционерам паспорт, объяснил, что мне пора, и ушел. Остальные провели время в обезьяннике, и им было очень весело, они, по-моему, даже играли в какую-то игру, не помню в какую. А КК так и остался спать, его не добудились.

КК попал при мне в милицию в другой раз – это был тот самый раз, когда он целовался со старухой-бомжихой за столиками в уличном кафе прямо на Садовом кольце неподалеку от дома Булгакова, просто так – проходила старуха-бомжиха, попросила тоже дать ей выпить (мы выпивали), а КК сказал ей: «Бабуля, только на брудершафт!» – и выпил с ней, и поцеловал, прям взасос. Вот это было ДА! Он был прекрасен в тот момент. Да, это был один из прекраснейших моментов моей жизни – гордость и восхищение до сих пор меня переполняют, когда я об этом вспоминаю. Эта минута, когда присутствуешь при рождении прекрасного – обычно очень ценная минута, такие минуты я сберегаю в копилке памяти подобно драгоценным стекляшкам маленького коллекционера стекляшек – как знать! – может быть, это то немногое, что попадет посредством данного «я» в копилку коллективного опыта и еще немного продвинет этот коллектив в сторону высвобождения от всякого опыта... Мы оттуда потом поехали на двух такси – куда? – конечно, к Мишке Доктору! – но одно такси с девчонками и примкнувшим к ним КК остановила милиция, у них был рейд по проституткам, проверили документы, заподозрив пассажиров такси в проституции, у Инги (вы знаете Ингу и её сестру Катю? Я уже спрашивал, кажется) и у КК документы оказались без регистрации («Почему нет регистрации?» – спрашивал мент. – «Первый день в Москве» – отвечал КК, – «А эта девушка с тобой не проститутка?» – «Нет» – «А откуда ты её знаешь?» – «Познакомился» – «Первый день в Москве и уже с девушкой познакомился!» – восхищался мент), и тут же находящиеся в этом огромном актовом зале настоящие проститутки привезли их полный восторг своей манерой держаться с милиционерами – прям как в кино, в точности, как показывают в кино!

Я в обезьянниках тоже бывал неоднократно, конечно.

Однажды, например, мы с Алексом (покалеченным мной Алексом) уже сидели в машине на метро «Университет», машина была не такой удобной, как на «Третьяковской», но тоже вполне неплоха, это мы только открыли бутылку водки, даже глоточка сделать не успели, как нас подъехали и упаковали, а товарищ наш, по имени Дима Суицид, уже очень хороший, отходил за какой-то надобностью и в машину не попал, так он подбежал, стал стучаться в стекло машины и упрашивать милиционеров взять его тоже с нами, «Понимаете, - объяснял он, - мы студенты. Сдали экзамен», хотя студентом на тот момент был только он, и то его вскоре отчислили, потому что он всё время был пьян и агрессивен, особенно на экзаменах. Милиционеры долго не хотели его брать, потому что с нами

в машину посадили еще каких-то строителей метрополитена, распивавших неподалеку, и места было мало, но он их уговорил. Пока я в отделении привычно оглашал свои паспортные данные, платил очередной мизерный штраф и выходил на улицу вместе с одним из строителей метрополитена, которого тоже отпустили раньше товарищей, Суицид и Алекс прямо в туалете обезьянника выпили ту бутылку водки, с которой нас забрали!

Мы со строителем метрополитена долго общались потом на пороге этого отделения, он поджидал своих, я своих, на дворе стоял 1993-й памятный год, самый странный год в моей жизни, строитель оказался бывшим афганцем и уговаривал меня поехать в какую-нибудь горячую точку, благо таких к тому времени образовалось очень много – подработать наёмным солдатом. Он бы сам поехал, и был бы даже не простым солдатом, а начальствующим, потому что у него есть опыт боевых действий, но он не хочет – стар стал, психика уже слабая, будет всё время нервничать, что могут убить. Я ответствовал, что да, это неприятно, да и самому убивать тоже как-то не очень-то, на что он возразил – нет, в этом как раз нет совершенно ничего особенного, он сам неоднократно убивал людей, в том числе и врукопашную. Сначала, действительно, противно, но потом привыкаешь. Режешь, как матрас.

Тут я решил, что мои друзья несколько задерживаются, и заглянул в отделение – выяснить, на какой стадии процесс их освобождения. Из обезьянника шёл мент с пустой бутылкой водки, очевидно, только что найденной в туалете. Он разглядывал её, как бы не веря своим глазам, и приговаривал: «Студенты! Экзамен сдали! Вот студенты! Экзамен сдали!». Тут я понял, что выпустят их нескоро и, распрощавшись с моим афганцем, отправился восвояси.

Со стариной мы тоже, конечно, попадали в милицию, в Петербурге. Сначала в первое, на следующий день во второе отделение. Мы бы попали и в третье, но надо было уже уезжать.

Мы тогда ездили в Петербург с моей глупой племянницей и моим братом. Им как раз было пятнадцать лет – самый возраст для поездки со старшим родственником в Санкт-Петербург, для аутентичного знакомства с культурной столицей. Ближе всего в культурной столице мы познакомились с гатчинским вермутом «Salvatore» («Спаситель»), выпили мы его страшное количество на улицах города, я столько вермута с памятного 1993–го года не пил.

И вот в одну из ночей мой брат уже не мог пить, мы прогуливались втроём: я, старина и племянница, и старина возмечтал показать нам место, называемое им «барной стойкой», неподалёку от его дома, на улице Писарева, там есть небольшой скверик – вот, перед его началом, если идти от ул. Декабристов. Дошли туда, и впрямь: кирпичный бордюр не менее чем по пояс, старина скидывает куртку и оказывается в белой рубашке, ловкими барменскими движениями выкладывает из сумки кетчуп, хлеб и другие уместные закуски и запивки, ставит на стойку вермут «Salvatore» («Спаситель»), и тут, как назло, подъезжает упаковка. Пока менты от машины идут к нам, я пытаюсь во внутренний карман куртки спрятать бутылку «Salvatore» («Спасителя»), но руки мои уже не тверды, бутылка выпадает и разбивается – эх! Милиционеры подходят и говорят злорадно: «Зря ты бутылку разбил, мы б тебе её отдали, когда выпускать будем», и потом: «Вытаскивай из карманов вещи и называй». Я, понятное дело, слушаюсь, вытаскиваю вещи и называю: «перчатки, блокнот, сувенирная трубочка, ключи...» Нас сажают в упаковку – причём нас со стариной сзади в тесный зарешеченный со всех сторон отсек для уголовников друг напротив друга сажают, а племянницу в салон! – и везут в первое отделение.

Там нас вдруг начинают запугивать, особенно меня, что меня засудят за спаивание несовершеннолетней (есть такая статья!), что её выпустят только когда за ней приедет из Москвы мама, затем спрашивают вдруг: «Правда, в Москве менты злее, чем мы?» («Неправда» – честно отвечаю я. В Москве меня в милиции никогда не запугивали даже

самую малость, кроме одного случая, который не в счёт и о котором ниже, и не возили за решётками), а затем сажают за какой-то столик ждать. Сидим мы за этим столиком, ждём с полчаса, даже уже засыпаем, и вдруг дожидаемся. В эту же комнату внезапно врывается две взрослые женщины, одна из которых горько плачет, два взрослых мужчины, некоторое количество милиционеров, милиционеры берут паспортные данные у женщин, и тут выясняется, что им ровно столько же лет, сколько моей племяннице – пятнадцать! – никогда б не подумал. Вдруг у одного из мужчин, повыше ростом и помоложе, звонит сотовый телефон. Возникает странная пауза. Телефон звонит еще и еще, как в каком-нибудь фильме. Моя глупая племянница, конечно, сразу встревает (она и до этого вела себя очень развязно), обращается к этому мужчине: «Это ж у тебя телефон звонит, возьми трубку!» Тут второй, кавказской наружности, подскакивает на месте как ужаленный и кричит: «Да! Это мой телефон, ты у меня его украл, вот, все видят!» Милиционеры быстро выводят нас из комнаты и желают счастливого пути. Я спрашиваю было по привычке, не заплатить ли штраф, но им совершенно не до нас, план явственно и без нас хорошо этой ночью выполняется, даже штрафа никакого они не берут, это, конечно, отличает их от московских в лучшую сторону, мы идём в тот же магазин, где брали разбитый «Salvatore» («Спаситель»), и покупаем за 69 рублей новую бутылочку.

На следующий день мы поехали со стариной, братом и кучей знакомых старины на гигантский компьютерный рынок «Юнона», старина был тогда компьютерщик и приобрел там запчасти для сбора компьютера (он тогда собирал компьютеры за еду и, если повезет, выпивку), брат нашел там очень задешево в сравнении с Курским вокзалом знаменитый порнографический шедевр «Екатерина II», и выпрашивал у меня на него денег, чтоб загнать втридорога своему другу, которому он поставлял тогда порнографию с Курского вокзала, предлагал со мной поделить прибыль, но я всегда негативно относился к спекуляции, даже когда работал с Мишкой Доктором, даже когда с любимым одноклассником Диком в электричках торговал мороженым (мы первые придумали в электричках продавать мороженое в 1992-м году, до нас там торговали только газетами, это было страшно выгодно: коробка мороженого продавалась за одну электричку, а торговали мы втридорога, и всё равно получалось дешевле, чем всё на том же Курском вокзале, но нам эта работа была так отвратительна, нас так от неё мутило, что мы её бросили после двух удачнейших опытов), в общем, на «Юноне» я купил только диск «Daydream Nation» группы «Sonic Youth», а еще встретил Тараса (Тарас – старинный приятель и земляк КК, мы с ним много и весело пьянствовали раньше в Москве и в Жуковском, где он работал, но за пару лет до встречи на гигантской «Юноне» он переехал в Санкт-Петербург, и след его затерялся. А тут он нашёлся, и дал телефон, и телефон этот пригодился не далее как через три месяца, когда я приехал к старине на третью неделю празднования его дня рождения, и старина был тих, смирен и просветлен, но у нас было всего 600 рублей на питерскую кислоту, она же ПиСиПи, а хотелось не ударить в грязь лицом перед нашим поставщиком, санкт-петербуржцем по имени Топор, и взять больше, тут-то я и позвонил Тарасу)! Когда мы возвращались с «Юноны», то разделились, и брат со стариной попали во второе отделение, потому что на одну из частей собираемого компьютера, по-моему, на коробку от системного блока, у них была недостаточно убедительная документация!

Вообще, конечно, мне грех жаловаться: даже когда случались у меня с милицией прямые конфликты, всё равно, не так уж она меня обижала. Однажды Мишка Доктор недолговременно обитал на ВДНХ, был практически мой сосед, а на Щукинской оставил только офис, и случалось нам у него попировать и пошуметь, на один из его дней рождения я просто-таки фантастически проблевался, помню буквально полную ванну блевотины, а боле ничего не помню, такой славный был день рождения. Так вот, однажды мой друг и учитель, а с ним директор нашей группы зимней ночью часа в четыре прилежно исполняли под гитару «Русское поле экспериментов» и другие шедевры русского рока, я сквозь

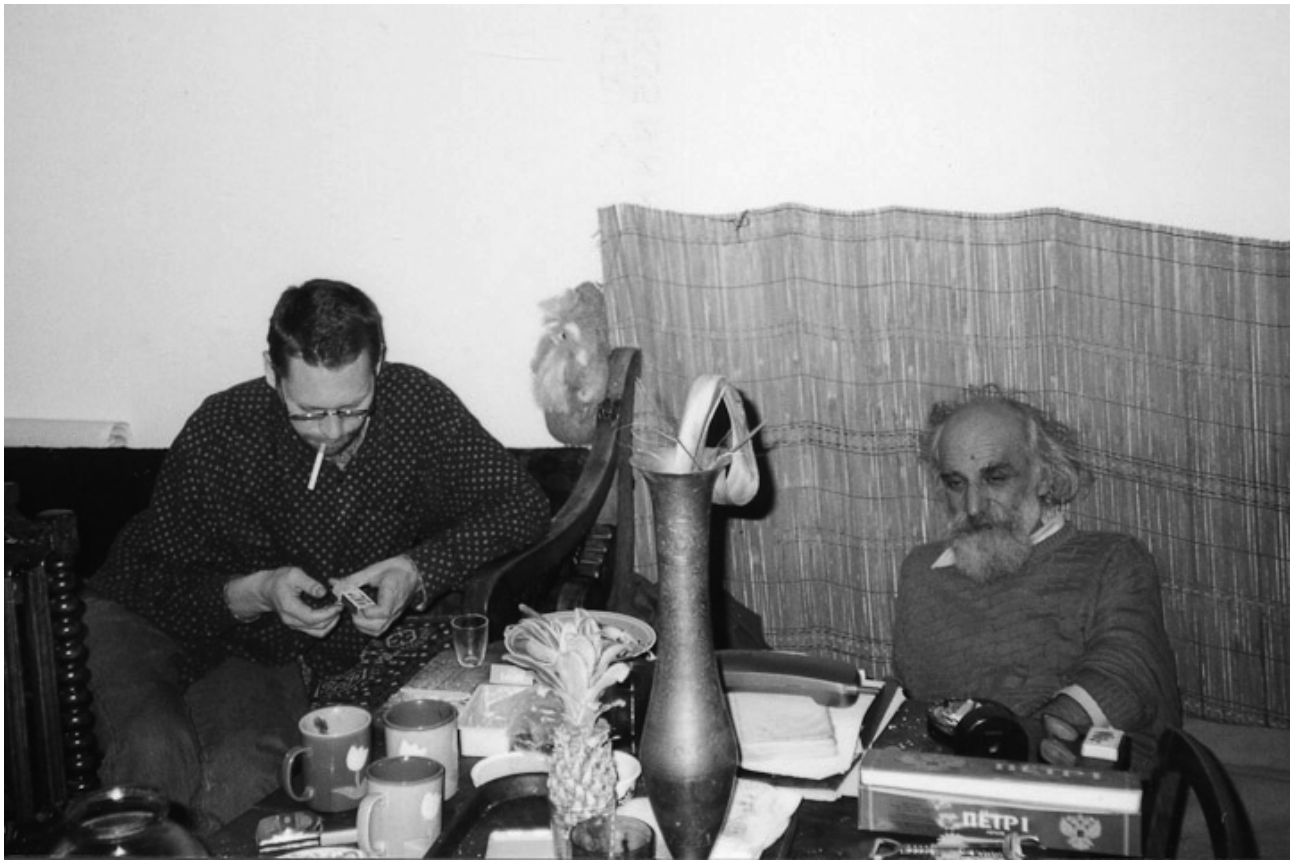
неглубокий сон слушал их вопли, а Мишка Доктор, по-моему, уже давно отрубился. Малокультурные соседи снизу сначала доставали нас звонками и визитами, а потом вызвали милицию – она исправно приехала, попросила не шуметь и уехала. Друг и учитель с директором сели и спокойно продолжили исполнение – я даже проснулся от удивления и спросил, отчего ж они не стихают, ведь они обещали милиции не шуметь, на что мне отвечали резонно, что милиция два раза подряд по одному адресу уж точно не приедет – не дураки. Случилось так, однако, что вскоре вновь зазвенел домофон – «милиция!» Пока милиционеры поднимались на лифте, мы коварно спустились по лестнице и направились ко мне домой. На полпути нас нагнала машина. Из неё вышел милиционер и сказал мне: «Ну что, дубинкой по голове, что ли, тебя стукнуть?» Я поступил, как любой нормальный человек поступил бы на моем месте – поспешно снял шапку и сказал: «Бей». Милиционер махнул на меня, неисправимого, рукой, сел в машину и уехал. Так что, тьфу-тьфу, милиция сильно меня никогда не обижала.

Не то со стариной: его вообще как-то чуть не посадили просто потому, что он бывал в каком-то офисе, из которого утянули кучу аппаратуры, его били и прочая, чтобы он давал нужные показания, он чудом остался на свободе – может, именно потому-то в любви к милиционерам старина и даёт мне пребольшую фору, не усматривать же корень этой любви в его давнем стремлении исправить мой критический разум, я, мол, зачастую ругаю то, в чём недостаточно разобрался, «невежи судят точно так: в чём толку не поймут, всё то для них пустяк» – вот это подходит к моим незрелым суждениям о милиции.

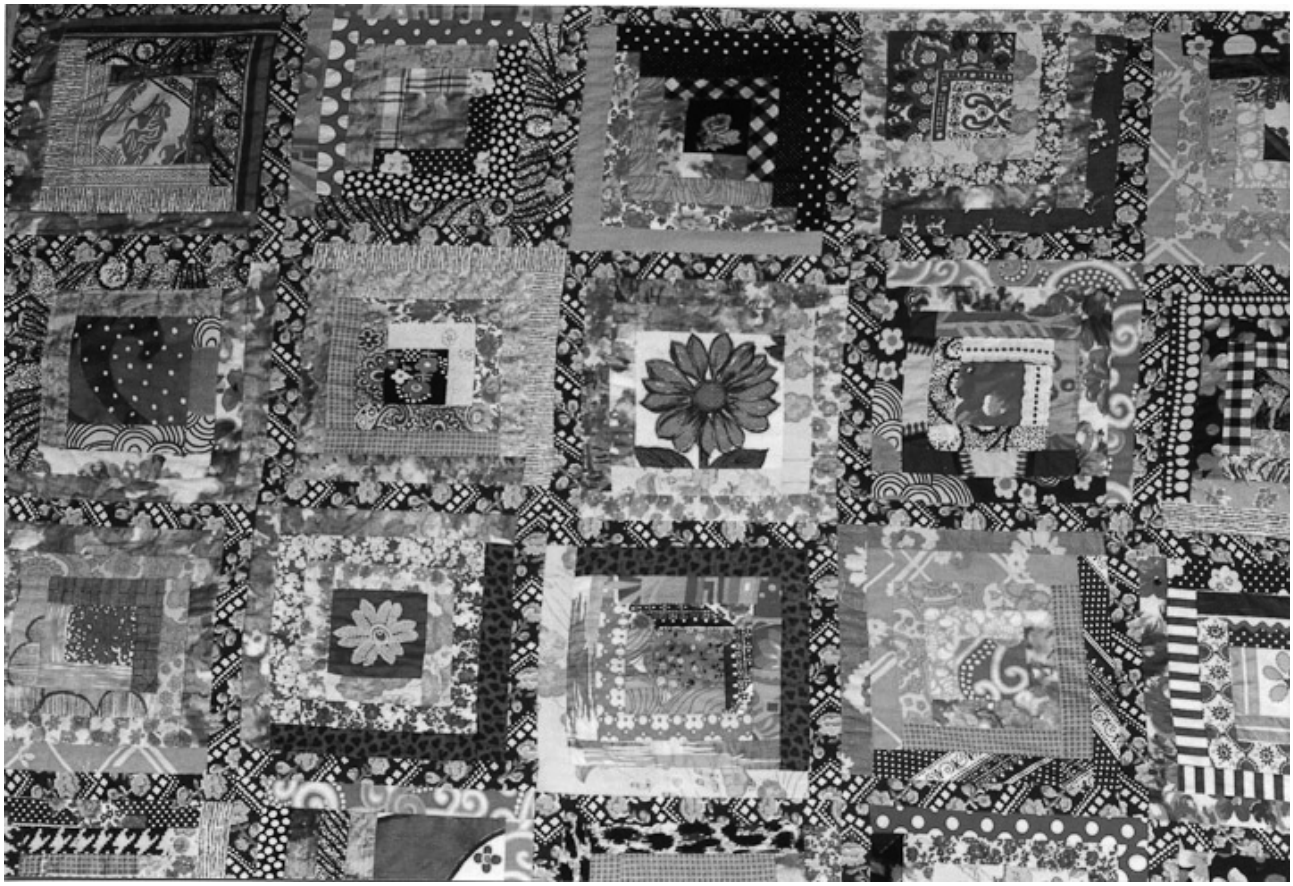
Да, о милиции я сужу незрело, я обо всех силовых структурах сужу незрело, и о государственном устройстве сужу незрело, и о выражении «власть от Бога» сужу незрело, мне и на сайте «Вконтакте» (здесь должна быть ссылка на сайт «Вконтакте») пришлось написать, что у меня «коммунистические» политические взгляды, потому что не было «анархических», и дедушка мне всегда говорит, что при анархии мы погрузимся в хаос преступности и лично меня, Д., убьют очень скоро, но я анархист – с тех самых пор, как в памятном 1993-м году мы с будущей женой, накупивши в магазине «Молодая гвардия», что на метро «Полянка», кассет с «Гражданской обороной», сидели на ступенях этого самого магазина, и будущая жена между прочим говорит: «Ну мы же анархисты». Я было сначала подумал сказать про хаос преступности и прочее, но тут очень просто пришло понимание, что да, мы анархисты, и иначе быть не может, иначе неправильно, и нечего тут больше было говорить. Эта минута, когда приходит понимание – обычно очень ценная минута, так однажды я понял, что чувство, которое я испытываю, называется любовью, так однажды в шорохе падающих снежинок на автобусной остановке я ощутил присутствие Божие, так однажды, лёжа в кровати и разглядывая тени от фонарей на потолке, я осознал, что вообще нет ничего абсолютного, кроме Него, ради таких минут я готов на незрелые суждения, на какие угодно противоречия. Монархизм, кстати, мне тоже очень нравится.

Так вот, мы жили тогда у Марка Лазаревича, любимого дядюшки старины. Марк Лазаревич выглядит как еврейский дедушка с седой бородой, каковым и является на самом деле. Он всегда немного пьяненький, потому что испытывает вследствие тяжелой болезни сильные боли, которые заглушаются только крепким алкоголем, лучше всего водочкой или спиртиком, а всякий там морфий на него не действует. «По капушке» – говорит Марк Лазаревич, и это значит, что следует выпить, а если нет выпивки, то сбегать и купить. Я очень по нему скучаю, надо будет навестить его при следующей поездке в Питер. Ведь он приобрел квартиру специально в центре города, чтоб все пути его многочисленных родных, близких, друзей и знакомых в ней пересекались. И действительно, там бывают самые удивительные гости – однажды, помню, пришёл пьяный и разбитый человек на костылях («Я абсолютно разбит» – жаловался как-то мой университетский товарищ Вовка своей гёрл-френд по телефону. «Еще б ты не был разбит – столько пить» – подумала она. Но

выяснилось, что он по пьяни бегал наперегонки, и так упал, что расцарапал себе всё от морды до коленей и сломал руку, а через день надо было выходить на новую работу и прочие страсти). Человек на костылях принес с собой еще водки, и пил её, а потом блевал, но поскольку ходить он уже совсем не мог, то блевал прямо в стаканы, расположенные на столе – я снимал эти маленькие памятники невоздержанности на новую видео-камеру жены – довольно эстетично получилось, даже не очень понятно, что в стаканах такое кремовое пенистое с черными точками, похожими на пережаренные семечки кунжута.



«. . . мы жили тогда у Марка Лазаревича, любимого дядюшки старины. Марк Лазаревич выглядит как еврейский дедушка с седой бородой, каковым и является на самом деле».



Лоскутное одеяло Марка Лазаревича.

Я принес Марку Лазаревичу 30 номеров «Невской клубнички», и он дельно размышлял о кустарном уровне отечественного производителя в области порно-индустрии в силу слишком недавнего падения цензуры. И впрямь... Но здесь молчание сковывает мои уста, потому что снова я не хочу порочить честь и достоинство знаменитостей, снова воспользуюсь правом не давать показания, хотя спасибо знаменитости мне не скажут, это точно.

КК, помню, очень живо тоже реагировал на «Невскую клубничку», пересказывал даже всем с увлечением какой-то эротический рассказ, как бабу обрили наголо, обоссали и разрисовали матерно, и КК удивлённо разводил руками: такая вот эротика.

Кроме журналов, однако, мне заплатили еще и деньгами, 600 рублей как одна копеечка, и вот – пришло время потратить их на питерскую кислоту, она же ПиСиПи. Еще 300 рублей – для солидности! – дал Тарас, и вторая встреча с Топором (еще была у меня с ним третья и четвертая встречи) прошла в уютном скверике на площади Репина, там, прогуливаясь по Старо-Калинкину мосту, мы проводили время в мирной беседе, Топор был с приятелем и двумя девушками. Одна из них мне очень понравилась. На следующий год я встретил её уже с Тарасом на фестивале СКИФ. Как так получилось и почему, я у них даже уточнять не стал. Только в бульварной литературе все любят ахать – какое совпадение!

Совпадение – это нормально, Промыслитель шутит в рабочем порядке, подбадривает своих деток – нормально. Независимо от Тараса я встретил там, на СКИФе, и Топора – нормально. Это была последняя моя с ним встреча, четвертая, и самая смешная.

Московский проспект, 28.

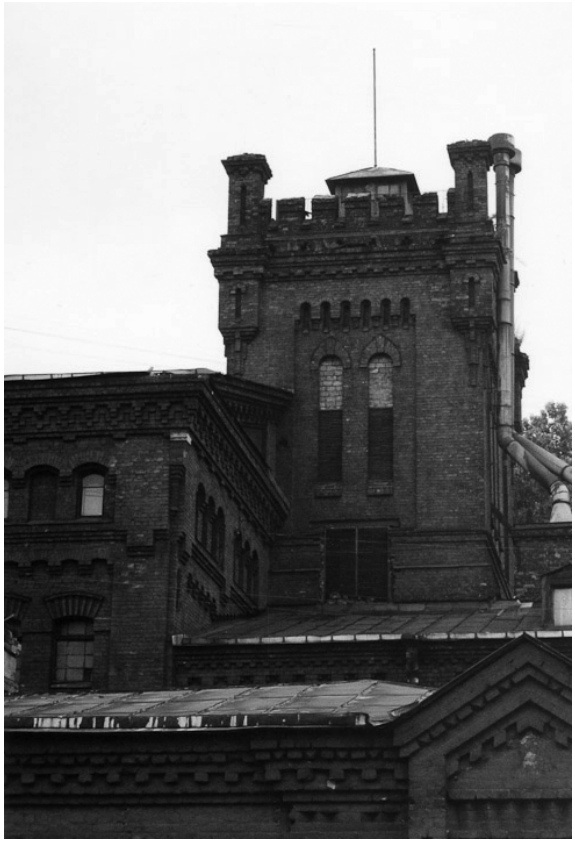
Московский проспект, 17. В соседнем доме жил Менделеев.

Набережная Обводного канала, дом 191.

Набережная Обводного канала, дом 136. Завод «Красный треугольник», затем просто «Треугольник». Мы на нем впоследствии выступали с моей группой в рамках фестиваля InterZona.

Прогулка по Обводному каналу. Завод «Красный треугольник», затем просто «Треугольник».

Набережная Обводного канала, д. 199 и 197.



Набережная Обводного канала, д. 199.

Набережная Обводного канала, д. 116. Церковь Воскресения Христова на Обводном канале.

Представьте себе, только представьте: раннее утро (ближе к семи) 28 апреля 2003 года (а где вы были в то утро?), Ленинградский Дворец молодежи (ЛДМ), что на Аптекарском острове, на улице академика Попова, в самом её конце (а на другом её конце, в Ленинградском электро-техническом институте, ЛЭТИ, учился мой дедушка), в общем, это утро после завершения фестиваля СКИФ-7. Народу уже почти нет, все расходятся. Мы со стариной, его прекрасной дамой и её великовозрастной дочерью стоим в вестибюле ЛДМ, прекрасные дамы явственно желают слинять в тёплые постельки – утро понедельника! – а мы со стариной явственно желаем резвиться, потому что я, к примеру, отвыступал и абсолютно свободен – главная для меня достопримечательность Санкт-Петербурга – ни одна паутинка взаимообязанностей не липнет, все связи, от дружеских до семейных, упразднены, а социальный статус и вовсе, старина же на тот момент находится в этом состоянии всегда, оттого стал даже немного командир по части подвигов и деяний, и потому расценивает слабые попытки прекрасной дамы и её великовозрастной дочери отказаться от продолжения банкета как побег с поля боя и коллаборационизм. Назревает расстрел дезертиров. Дезертиры понуро готовы плестись за нами куда угодно и делить с нами все невзгоды бурной молодости. Мне это совсем не по душе, не люблю унылых лиц, и я тщательно опутываю старину словесной вязью – убеждаю его отпустить девиц, и в основе моей аргументации лежит свежий биографический факт: только что я встретил здесь Топора, и теперь у нас кое-что есть.

Цель была достигнута, дамы свалили, но мне пришлось и дальше усыплять бдительность старины, погружать его в силлогизмы, подвергать измышлениям и праздной мозговой игре, уличать даже в самообмане, поскольку ничего похожего на дюны оранжевого ПиСиПи Топор нам на этот раз не предоставил (в самом деле, странно было бы ожидать от него постоянного ассортимента, мы даже пофантазировали со стариной на тему минимаркета, ассортимент в котором полностью сменяется каждый новый день, это была даже сеть из ста минимаркетов, сто дней абсолютно нового ассортимента в каждом из них, сто утренних машин перевозят все товары из каждого в следующий по очередности и т.д.), ведь порадовать старину я мог по большому счёту только историей нашей с Топором встречи и своим хорошим вследствие этой встречи настроением, не считать же гашиш тем предметом, который мог бы заменить старине компанию его прекрасной дамы и её великовозрастной дочери.

А было так. Прогуливаясь по огромному ЛДМ после выступления (одних концертных площадок было четыре, не считая чилл-аута в зимнем саду и барабанщиков в вестибюле), я поразмысливал среди прочего о том, нет ли здесь, на прекрасно организованном фестивале (так хорошо организованном, что мы выступали не на той сцене и не в тот день, когда были по расписанию, вследствие чего не смогла выступить Татьяна Парфёнова – ангельский голос – ей надо было в понедельник выйти на работу, мы специально об этом предупреждали организатора, из-за своей оплошности он попал в книгу смерти моей жены, как жаль!), так вот, я поразмысливал, нет ли здесь возможности чего-нибудь достать. Как бы в ответ на мои мысли на том самом месте, где я стоял потом со стариной и прекрасными дамами, материализовался Топор. Характерный взгляд из-под приспущенных век с высоты подбородка говорил, что он, как обычно, чем-то угандошен.

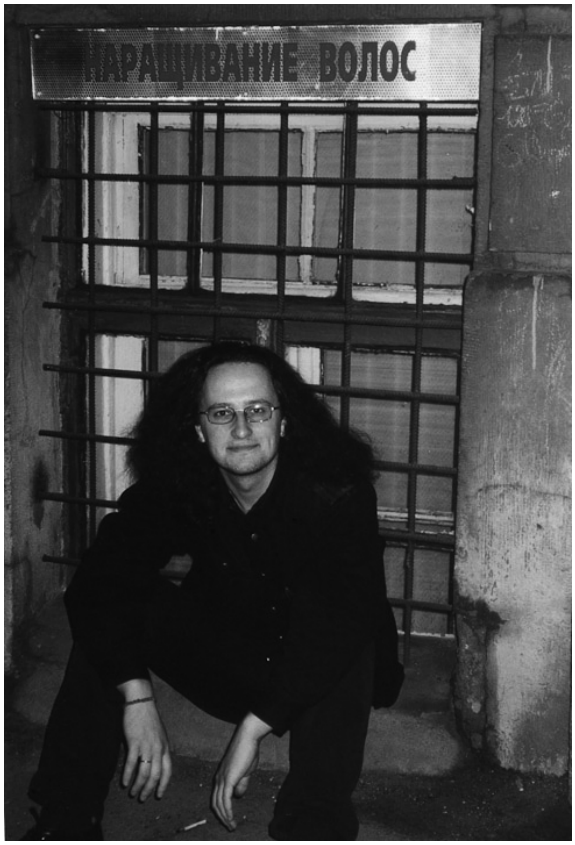
Я не стал кидаться к нему на шею со словами «Топор! Топорушечка! Дорогой! Как же давно мы не виделись! Какое же сильное и грязное было твоё ПиСиПи, как же нам было от него ГОГОГО!», потому что понимал, что он вряд ли меня узнает, три встречи слишком мало для узнавания такой ординарной физиономии как моя. С Волшебницей, выглядевшей куда вменознее, я знакомился, как вы знаете, восемь раз, пару раз через Нину с Сахалина, пару раз через друга лидера своей группы, знакомился через филантропа, который навёл меня на Топора, через Шуру Ялтинского, самостоятельно тоже к ней в гости приходил, и на даче у меня она гостила на выходных, загорала там неглиже, кстати. Но нет, ничего

не помогло, и сейчас она меня не узнает при встрече, а может, и я её... Вот так и в ином перерождении мы только с большим трудом узнаем своего старинного знакомца, и то не всегда...

Я сдержанно поздоровался с Топором и спросил без обиняков, нет ли возможности что-нибудь приобресть.

Топор – великий конспиратор. Еще совершая со мной променад по Старо-Калинкину мосту от площади Репина и обратно, он предупреждал, чтобы я не слишком болтал в тусовке о том, что он чем-то таким занимается! В вестибюле ЛДМ он посмотрел на меня с высоты, и вполголоса сказал, что сейчас ничего нет, но через некоторое время могут появиться таблетки. Я доверчиво дал ему сразу денег на три штуки, и мы договорились увидеться на том же месте примерно через полчасика. Ни я, ни он от места далеко не отошли, тут же в вестибюле и остались, просто минут через десять снова сблизились, и он отдал мне два темных камня характерной формы. На мой вопрос, отчего же это не таблетки, он не смог ответить удовлетворительно. Тут же в зимнем саду мы с ним изрядную часть этого камня пустили в ход, разделив его с какими-то нашими общими близкими друзьями, и немного осталось даже старине, и хватило нам на долгую и счастливую утреннюю прогулку до его дома.

Что может быть лучше долгой прогулки, заканчивающейся приходом в гости! Пожалуй, ничего. Я всегда мечтаю о такой прогулке, инициирую такую прогулку, меня всегда можно на такую прогулку звать, и я ни за что не откажусь. Хотите меня порадовать – предложите мне долгую прогулку по городу с конечной целью в виде гостеприимной квартиры, пусть даже моей собственной, и я ваш на весь день. Сколько таких прогулок у меня совершено и сколько еще остается запланировано – не счесть! Какие маршруты созрели и зреют в моей голове, какие экскурсии!



По дороге к Вадимиру.

Так можно гулять по солнечным дворам летней Москвы, полным тополиного пуха, детских площадок с перевернутыми каруселями, далеких трамвайных звонов, дворам, полным дневного зноя и умиротворения, с бутылочкой сухенького, как мы делали с Малышком. Или провести вечернюю алкогольную экскурсию (тематика – наливки на основе чернослива – «Сливянка», «Запеканка» и «Спотыкач») по бульварному кольцу с заходом на Новый и Старый Арбаты – там мы со стариной, братом и племянницей в одном из подземных переходов долго просили уличных музыкантов спеть нам то, что им самим нравится, но они желали петь только то, что нравится нам. Что ж! - мы попросили их спеть АЛИСУ. «Алису?» – растерялись они. Но потом сразу нашлись: «Ах, Алису!» И запели. Они запели, да. Противно так. «Алиса не любит гостей...» – «Неет», - сказали мы со стариной, братом и племянницей, вручая им деньги, - «не такую Алису. А вот какую» – и тихо, потом всё громче, громче, как «Варшавянку»: «Шаг за шагом босиком по воде, во времена, что отпущены нам...» – пели мы, обнявшись и исчезая за горизонтом подземного перехода – впереди нас ждало ещё многое. Или затея под названием «Три пешеходных моста Москвы с ночевкой у друга лидера моей группы на пыльном полу»! Или ночная прогулка по Питеру за крепким алкоголем, который нынче в Питере не продают, и потому приобретать его надо хитростью – однажды я за время такой прогулки наблюдал 3 (три!) независимых друг от друга драки, в одной из них дрались между собой два инвалида костылями – вот это было зрелище! – не такое, конечно, как может представиться нашей современной молодежи, возбужденной пропагандой насилия с голубых экранов своих компьютеров, мыслящей такими категориями, как «уличные бои», «банды Нью-Йорка», «Мортал Комбат», «Шао-Линь», «КиллБилл-2».

Драка – зрелище крайне незрелищное, очень некрасивое.

Сколько драк я видел, в скольких участвовал, о скольких слышал, никогда их нельзя было назвать даже толком дракой, или, тем паче, таким паскудным словосочетанием как «уличный бой», а можно было скорее назвать либо парой тычков в морду, либо избиением. Обычно били, конечно, меня. Мне, правда, тоже иногда удавалось стукнуть оппонента, с тех самых пор, как я подрался в первом классе с мальчиком из четвертого.

Ему заморочили голову своими историями обо мне мои одноклассники, они рассказывали, что я умею строить изумительно страшные рожи и дико рычать – никто не может смотреть на меня без страха, когда я их строю и рычу.

Он был заинтригован.

Он захотел испугаться.

В общем, он не испугался. Я состроил одну страшную рожу, я состроил другую страшную рожу, а потом и третью, я рычал, как тысяча медведей, но ему было совершенно всё равно, он непонимающе морщился и говорил «Ну и что, хули». Я не мог потерпеть фиаско. Я не мог потерять лицо. Я подумал «Ах, так!» и изо всей силы ударил его кулаком в глаз. Я еще помню, что бить приходилось почти вертикально вверх, он был выше меня как раз на мою вытянутую руку. Но драки не последовало. Я тут же извинился, списал всё на необычайное состояние аффекта, возникающее, когда я корчу рожи и свирепо рычу, что плохо себя контролирую в такие минуты, признал, что увлёкся. Он был так удивлён, что не стал меня бить.

Бивал я и одноклассников, но позже. В старшей школе к нам пришел новый преподаватель по истории – заслуженный учитель СССР Валентина Васильевна Кострюкова. Я уже слышал кое-что о ней до этого: в парикмахерской, где я стригся (эх, последний раз я был в парикмахерской в 1992 году, прихорашивался перед выпускным балом, а вы?) работал мальчик на два класса старше, известный во всей школе гомосексуалист, его потом убили, так он, когда моя мама (она всегда меня водила в парикмахерскую) спросила, как ему Валентина Васильевна, отрекомендовал её как замечательного педагога, превосходного. «Замечательный педагог» – ну, вы знаете эту бабью манеру провинциальных

гомосексуалистов говорить. Именно она всегда от нашей школы ездила на всевозможные официальные мероприятия, типа Всесоюзных съездов учителей.

И вот она пришла. Высокая, худая, светлая, в огромных затемненных очках. Поставленным голосом, прекрасно артикулируя, она в течение четырех первых занятий говорила только о том, как мы будем проводить занятия. Видимо, перестройка и гласность немного подточили крышу заслуженного учителя, старого партийца и КГБшника – на него свалилось слишком много новых исторических сведений, слишком быстро стал качаться маятник школьной программы по истории – каждый последующий класс должен был знать уже совсем не то, что предыдущий, хорошие становились плохими, потом никакими, марксизм-ленинизм скончался в судорогах, переоценка исторических ценностей стала хорошим тоном, чем чаще, тем лучше. Видимо, она пыталась объяснить нам, что хочет преподавать нам не по безумным программам, не по странным учебникам, а по своему разумению, и мы тоже должны будем не заучивать историю, а пытаться понимать процессы с разных точек зрения. Всё это было бы очень мило, но вступление слишком затянулось: одного занятия было бы вполне достаточно, а тут четыре. К тому же она допустила другую, гораздо более серьёзную методическую ошибку (для заслуженного-то учителя тем более серьёзную!) – наверное, это новое мышление и гласность сбили её с толку. Еще и наша школа тогда перешла на частично свободный выбор предметов, а перед этим сгорела и ютилась во вторую смену по чужим помещениям. В общем, она сказала, что кто хочет учиться, тот и тройке будет рад, а кто не хочет, тот может совершенно без проблем получить свою «цифру пять» и больше не появляться – не мозолить глаза.

С этого момента я стал за ней записывать. Это было уже на первом занятии. Так что последующие три я увлеченно конспектировал её речи, единственный в классе, все её обороты и выражения подробно. Мысль свою о «цифре пять» она подчеркнула и перефразировала не единожды, и вообще, конечно, много, очень много раз подставилась с равноправием и демократизмом – в такой консервативной области как образование, да и во всех других, думается мне, равноправие ученика и учителя – довольно странная затея. Что-то вроде равноправия и демократии на корабле в открытом море во время шторма.

В общем, я устроил ей «Броненосец Потёмкин». На пятое, шестое и седьмое занятие я не пришёл, пришёл сразу на восьмое, прямо по Ерофееву (с пятой по девятую не пить, а выпить сразу десятую), и сел на своё место. Я очень хорошо подготовился к этому уроку. Не надо было ей меня трогать. Тем более так, как она это сделала: «Рылов, встаньте». Сразу на «вы» и по фамилии, нехорошо. Демократия закончилась, жаль. «Почему вы не были на предыдущем занятии?» В ответ я произнёс фразу, выношенную долгими одинокими прогулками по городу во время уроков истории: «Валентина Васильевна, поставьте мне цифру четыре». Последующие фразы я тоже хорошо продумал. Мы беседовали с ней каждый урок в течение месяца. Я вставал и начинал общаться. Я говорил только готовыми шаблонами, которые она сама неоднократно произнесла на первых четырех занятиях, чтобы аудитория узнавала её стиль, чтобы она сама его узнавала, я хорошо выучил все её выражения, чтобы свободно говорить только ими. Начиная с третьего занятия наших бесед стали вставать и другие ученики. Мы общались бесконечно. Нервы у неё сдали сразу, она с самого начала проиграла: в одно мгновение она потеряла самообладание. Для заслуженного учителя это тоже, конечно, большая ошибка. Когда спускаешь демократию сверху, готовься к уступкам, иначе будут проблемы. Уважение учеников таяло. Но не всех.

В нашем классе учился сын её подруги – учительницы английского, Женя. Он не мог поступить иначе, к тому же он был дурачок. В какой-то момент, в общем, у нас с ней зашел разговор о том, что мы двое в одном помещении находиться не можем, кто-то должен уйти, и я, разумеется, сказал, что уходить не намерен. «Ну я-то останусь» – сказал я. Она выбежала в слезах, и тут Женя, медленно, со своей глупой улыбочкой пошел со своей первой парты ко мне, подошёл и вдарил мне, сидящему, прямо кулаком в морду. Я очень

удивился. Я сказал: «Женя, что ты делаешь?!» Тут Женя снова ударил меня кулаком в морду. Я понял, что сидеть и удивляться больше не следует, встал и побил его. Из носа хлынула кровь, Женя побежал умываться в туалет, я понял, что несколько перегнул палку, пошёл искать учительницу, нашёл внизу на этаже в слезах и извинился, сказал, что был в состоянии аффекта. Она не простила меня, только сильнее заплакала. Потом мы с любимым моим одноклассником Диком гуляли по улицам, кушали мороженое, встретили пару раз весь остальной класс, который бегал по городу в поисках Жени, потому что Женя пропал! Как бы не покончил жизнь самоубийством! Мы с Диком качали головой, озабоченно цокали и прогуливались дальше.

На следующем занятии Валентина Васильевна отдельно поблагодарила благородного рыцаря, который, единственный, вступился за честь дамы и избил негодяя, затем мы продолжили прения. Это было вскоре после Первого съезда народных депутатов, нам было на кого равняться.

В общем, она сдалась, полностью и окончательно. Все делали, что хотели, ходили, как хотели, на все три её предмета – история Отечества, Новейшая история и Обществоведение. Я тоже, случалось, появлялся на занятиях, перерисовывал даже из любопытства безумные цветастые таблицы, которые она сочиняла в соавторстве с учениками. Иногда она придумывала новую организацию занятий, что она будет, к примеру, читать лекции и не станет ни спрашивать, ни как-либо еще работать с классом, потому что чувствует себя в нашем классе в стане врага, такого класса она еще не встречала – еще и с девочками у неё конфликт вышел на одном из занятий, где меня не было, они – подумать только! – списывали на ЕЁ уроке! В конце обучения по всем трём предметам она всем до единого поставила пятерки, мотивируя это тем, что в нашем классе всё у всех на «отлично» – подлость, низость, трусость, но и благородство, честность и т.д. Раздался мой торжествующий шёпот: «Я же говорил!»

Через пару лет у кинотеатра «Художественный» я подрался точно по такому же сценарию. Мы с прекрасной дамой, моей будущей женой, Диком, любимым моим одноклассником, и панками, встреченными нами тут же, сидели на бордюре перед кинотеатром «Художественный», очень пьяные, практически в беспамятстве, потому что нашли до этого довольно много не до конца допитых бутылок в мусорных урнах Арбата, даже настоящего джина почти полбутылки! К нам подошло четыре гопника, тоже очень пьяные. Один из них был маленький, буквально лет десяти от роду, другой очень большой, но он не мог ходить, садился на асфальт, затем ложился и стонал, жаловался на боль в ногах, третий затеял драку с одним из панков, а четвертый подошел ко мне сидящему, прямо как Женя, и с удивительной непринужденностью двинул прямо в табло кулаком. Я, как и в случае с Женей, удивился и тоже успел задать какой-то недоуменный вопрос, прежде чем он двинул мне в табло вторично – я даже очки не успел снять. Тут я встал и побил его.

Помню я эту историю очень плохо, потому что был в беспамятстве, помню скорее даже со слов Дика и прекрасной дамы, чем сам, но вот это я запомнил хорошо: весенний тёплый вечер, закатное небо, приятная компания, я сижу на враге и молочу его по лицу кулаками. Потом, по свидетельству очевидцев, я чего-то страшно испугался, крикнул: «Бежим!», вскочил с врага, вручил прекрасной даме какую-то кофту, и мы побежали. Вслед за нами бежали гопники, особенно плохо бежал самый большой, с больными ногами. Наконец кто-то из нас сообразил, что кофта – это наш трофей, они преследуют нас не из ненависти, им просто жалко свою кофту. Мы бросили кофту и спаслись бегством.

В те времена, в памятном 93м году, я вообще был необуздан и довольно много дрался, даже с друзьями – ну это было благородное помешательство на почве любви к прекрасной даме. Неоднократно я бил своего друга, её предыдущего молодого человека; яростно катался как-то по вестибюлю первого гуманитарного корпуса Университета, называемому в просторечии «большой сачок» в обнимку с Сан Санычем Кривцовым (будущий перевод-

чик и издатель Алекс Керви); однажды даже покалечил товарища, с которым впоследствии пил на метро «Университет» (то есть не пил – мы только открыли бутылку! – как подъехала упаковка) и сидел там в ментовке.

Это был Алекс.

Алекс вообще прекрасный человек и стоит отдельной поэмы, лет за пять до описываемых событий его отчислили с юрфака, он жил в общежитии у студентов, если было свободное место на полу, а если не было – просто на матрасике между этажами запасного выхода (когда меня отчислили в первый раз, я тоже там спал иногда, я называл это «вписываться у Алекса»). Он был кумиром целой тусовки за свою способность фантастически быстро напиваться и рассказывать бессвязные истории без малейшего сюжета и морали. В его анекдотах никогда не было соли – даже самый смешной анекдот он рассказывал так, будто его сочинил шизофреник. Фамилия его была Борисов, и его истории коллеги-филологи прозвали «борисинки» – это был целый лирический жанр. Примеров я помню немного, потому что они очень сложно запоминаются. «Кстати. Сижу я сегодня у входа в столовую, читаю, как всегда, МАСОНСКИЙ ЖИДОБОРЕЦ, и тут мимо проходит мой чёрный, как сапог, друг». Точка. Или. «Кстати. Просыпаюсь сегодня в ДСК (Дом студента на Кравченко, семейное общежитие МГУ им. Ломоносова – прим. автора), смотрю на солнце – без десяти восемь. Пора пиздовать.» Конец истории. Таких историй было очень много и по трезвости, но трезвость слишком быстро сменялась крайней степенью опьянения, так что оставалось понятным только вступительное ко всем историям слово «кстати», сопровождавшееся вздёрнутым к верху указательным пальцем. Палец у Алекса не сгибался. Это из-за меня.

Однажды случился в моей жизни кризис – это было 28 мая 1993 года (а где вы были в этот день?), ровно за четыре года до знакомства с другом лидера моей группы, с которым тот подливал кислотку в чаёк знакомым. Столько всего произошло в тот день, что потом меня моя одногруппница, которую я тогда встретил, спрашивала равнодушно: «Д., ты еще жив?» Это был день рождения предыдущего, выражаясь современным языком, бойфренда моей прекрасной дамы, он тоже жил в общежитии, у своей новой пассии Лены, и я зорко следил за ним, чтоб он не сбежал в Университет, где мог встретиться с моей прекрасной дамой, потому что, как говорил Юра Поручик, «бывших не бывает»! И надо же было такому случиться, что я не уследил – напился, празднуя его день рождения, и заснул. Он тут же сбежал, конечно, в Университет.

Ох, и зол я стал! Ух и страшен во гневе!

Заснул-то я не только потому, что праздновал его день рождения. Я еще с раннего утра пил на минус первом этаже у Сидорова. Сидоров работал тогда инженером при актовом зале нашего общежития, ДСВ (Дом студента на пр. Вернадского, прославленное общежитие МГУ им. Ломоносова - прим. автора), и там же была комнатка с аппаратурой, она же «инженерник» («сидоровник»), куда вмещалось кроме аппаратуры два обоссанных и заблеванных матраса. На одном из них в позе пьяного эмбриона всегда спал сам инженер: джинсовый костюм, грязные длинные волосы. Я увидел его лицо впервые только на пятый или на шестой визит, а многим познакомиться с ним так и не удалось. Еще в комнатке помещалось до шести пьянствующих, сплошь великие люди, ныне властители дум и творцы миров. Зачастую очень громко – во всю мощь концертной аппаратуры – играл Джетро Талл, Yes или The Who. Я убежден, что это было одно из самых прекрасных мест на Земле.

Одноклассник его Зимин (ныне главный редактор журнала Афиша-еда), студент филологического факультета на курс старше меня, находился в тот май на излечении в дурке – для академического отпуска. Описываемый день был пятницей, перед выходными Зимина выпустили. Из дурки он принёс какого-то экспериментального лекарства – ампулы без маркировки – и они с Мишкой Доктором его храбро запили водкой и потеряли память

на весь день.

Зиминым овладело священное безумие – неудержимая клептомания. Он сказал, что сейчас мы с ним пойдем в магазин, украдём там муки, после чего всех засыплем мукой. Как же это будет весело (сразу скажу, что наше предприятие тогда не удалось, но оно удалось ему в другой раз, все были мало того, что засыпаны мукой, еще и залиты томатным соком)! Я, конечно, тоже, как Зимин, большой любитель красть в магазинах, и с удовольствием согласился.

Сколько я всего украл в магазинах! Прихожу однажды в «Мелодию» на Арбате – глядь, новая пластинка Гражданской Обороны – «Попс». «А дайте вооон ту пластинку посмотреть» – говорю продавцу. Он дал и отошел куда-то по своим делам. Ну, я пластинку унёс, конечно. В другой раз в букинисте МГУ продавалась «Младшая Эдда» в серии «Литпамятники», в мягкой обложке, и прекрасная дама моя, проходя мимо, похвалила эту книгу. Стоила она аж 12 000 тогдашних рублей, а водка стоила 400р 0,7 литра – то есть 30 больших бутылок водки! Пришлось украсть, чтоб презентовать прекрасной даме. А «Попс» я Дику подарил, у меня и проигрывателя-то не было... Ну, неважно...

Итак, мы с Зиминым пошли в ближайший гастроном (№ 33), он взял там из железного контейнера с мукой пакет муки и пошел с ним на выход. Продавщица остановила его и отняла муку. Мы потоптались немного, и он вторично пошёл к железному контейнеру, взял муку и пошёл на выход. Продавщица снова отняла муку. Мы вышли из магазина, и Зимин составил новый план, еще более коварный: он будет отвлекать продавщицу и красть муку, а я буду стоять у входа в магазин. Через пару минут он вышел с двумя яйцами и пластиковым ящиком для бутылок, вещью, по его рекомендации, очень ценной – её можно пропить в ларьке (замечу в скобках, что пропивалось тогда всё и всеми, особенно хорошо почему-то чужие вещи. Удачно как-то с тем же Зиминым мы пропили две коробки с кроссовками, которые нашли у меня в комнате. Какие-то китайцы или вьетнамцы жили летом в моей комнате вместо нас, студентов! Ну, ключ-то был от комнаты – приходим, посреди комнаты огромный короб, внутри множество коробок с обувью, и банка консервов на подоконнике. Консервы съели, пару коробок с обувью забрали, за одну получили в ларьке бутылку «Абсолюта» – здесь должна быть ссылка на сайт «Абсолюта», - за другую две маленькие бутылки «Смирноff» – здесь должна быть ссылка на сайт «Смирноff». В другой раз мы с Зиминым пропили все ваучеры моего семейства: сдали их Мишке Доктору, а он потом на биржу отвёз. Семейство моё сначала огорчалось, а потом хвалило меня – я правильно их вложил. Мой сосед по блоку Андрюха Путилин любил пропивать книги своего соседа по комнате, тот потом находил их в ларьке с собственным факсимиле на форзаце и очень удивлялся. Ларёк же, в котором всё, в основном, пропивалось, находился прямо напротив входа в ДСВ и назывался «Перспектива»).

В общем, мы принесли эти яйца и положили в холле на журнальный столик – почему-то в тот день инженер открыл еще и холл, а не только комнатушку с аппаратурой. Сидим, пьём. Вдруг – шшшшш – бщ! – одно яйцо покатилось, шлёпнулось на пол и разбилось. Пьём дальше. Через пару молчаливых тостов второе тоже – шшшш – бщ! – покатилось и разбилось.

Тогда я пошёл следить за бывшим бойфрендом жены в комнату к его новой пассии Лене, на одиннадцатый этаж, где уже в разгаре был день рождения, да не уследил, заснул.

Ох, и зол я стал, когда проснулся! Ух и страшен во гневе!

Пошёл я тогда пить дальше, копить гнев и злобу, уже у Мишки Доктора в комнате, куда все переместились из инженерника, и ещё более народу пришло, и ожидались какие-то ещё более замечательные люди, и надо же! – тут со мной взялась шутить одна легкомысленная девица, впоследствии жена одного из моих кумовьёв и мать четверых детей. Когда я сказал ей мрачно по какому-то поводу, что семьдесят пятого года рождения, она весело усомнилась, и говорит: «Нет, ты не семьдесят пятого года рождения», думая скорее всего,

что я ещё моложе! Я сказал разъяренно: «Пойдем, я тебе паспорт покажу» – и побежал через три ступени с восьмого этажа Мишки Доктора на свой одиннадцатый, волоча за руку легкомысленную девицу.

Пробегая один из этажей, вдруг увидел я боковым зрением, что сидят голубчики – моя прекрасная дама и её бывший бойфренд, общаются умилённо, и Алекс тут же стоит, пошатываясь, с бутылочкой водочки пустой (он, оказывается до этого очень долго полз с ней вверх по лестнице к ним и вот добрался, наконец, встал даже, но очень неуверенно, как младенчик). «И ты тоже, Алекс!» – вскричал я по-цезарски, толкнул Алекса раздраженно, и, убегая уже дальше, вверх через три ступени, волоча легкомысленную девицу, увидел, что Алекс выписывает плавную дугу, летит через лестничный пролет и падает прямо на бутылку водки. В общем, ворвался я потом в комнату, достал паспорт, тыкнул его в нос девице и говорю: «Видишь, видишь! Семьдесят пятый год рождения у меня». А она: «Не семьдесят пятый, а тысяча девятьсот семьдесят пятый... Тысяча девятьсот... Иииии... « – и заплакала горько-горько.

Много еще было всякого в тот день – я выяснял отношения и слегка дрался с друзьями Алекса (они же мои друзья), зачем-то подкидывал и разбил чашку (осколки отлетели в соседа по комнате и слегка его поранили), коротко и навсегда поругался с прекрасной дамой (потом, правда, мы поженились), пошел, раз такое дело, топиться в грязный пруд через проспект Вернадского, прямо в очках и свитере со значком «Гражданской обороны» (можно считать это с некоторой натяжкой одним из трех случаев, когда я покушался в тот год на свою бесценную жизнь), но всплыл и долго лежал под каким-то деревом, полным каркающих плотоядно ворон, вернулся мокрый в свою комнату и обнаружил, что мою кровать соседи по общежитию выкинули, решили, видимо, этим мягко мне намекнуть, что не хотят со мной больше жить, тогда я лёг на кровать одного из соседей, того, которого поранил – она доолго потом пахла тиной – еще, помню, среди ночи проснулся от холода, принял тёплый душ во всей одежде и дальше лёг спать, а сосед спал на стульях, да... Но главным итогом того кризиса остался навсегда вздёрнутый к небу указательный палец Алекса – осколки бутылки, на которую он упал, разрезали ему необходимое для сгибания этого пальца сухожилие, и он уже никогда не восстановился. Много потом мы виделись с Алексом, когда он торговал батонами на метро Университет, когда бомжевал на Китай-городе, когда приходил в гости к моему драгоценному куму Коровину, просто на метро Алексеевская вдруг однажды встретились, и всякий раз он подчёркивал, что не сердится на меня за тот случай – это очень хорошо, наверное.

А Зимин с Мишкой Доктором до позднего вечера еще пили и функционировали, но так и не помнили ничего, начиная с девяти утра – с момента принятия экспериментального лекарства. Это было большое геройство: мы тогда почитали беспамятство за великое достижение, и очень к нему стремились. На моей свадьбе, длившейся три дня, Сидоров впал в беспамятство восемь раз, Дик шесть, остальные были в безнадёжном отрыве и чествовали их с большой завистью. Когда потом моя жена стала меня воспитывать, что пить можно и в меру, что целью пьянства может стать всего лишь весёлое расположение духа, а не беспамятство, это стало первым большим переворотом всей моей картины мира и всей моей системы ценностей, первой в моей жизни глобальной сменой парадигмы – я так никогда от неё и не оправился.

На женщин, по примеру КК, я тоже поднимал руку, но этот постыдный факт биографии еще ждет своего описания, если я стану, конечно, писать работу на тему своих отношений с прекрасным полом. Думаю, такую работу писать не стоит – зачем! – только растлевать молодёжь, так что вряд ли этот факт дождётся своего описания, очень вряд ли. Я достаточно молодёжи уже в своей жизни растлил, мне на мой век хватит, думаю.

Конечно, случаи, когда я выходил победителем из кулачных поединков, единичны, то есть буквально все они уже тут упомянуты, и составляют исключение из правила. Обычно

я всегда бывал бит. Даже из драк с собственной женой – кстати об избиении женщин – я ни разу не вышел победителем.

Хотя надо признать, что для коренного электростальца я бывал бит на удивление мало.

Дело в том, что на моей малой родине, в Электростали, три завода: Завод Тяжелого Машиностроения, завод Электросталь и просто Машзавод. Первый выпускает прокатные станы, он был эвакуирован из Краматорска во время войны с семьей моей бабушки, там работает моя мама и работал мой дедушка, тот, что учился в ЛЭТИ. Второй завод варит сталь в инновационных электрических печах, это первый в мире завод с электрическими доменными печами (год основания – 1917-й), там работал до недавнего времени мой отчим. Третий завод – секретный, там делают топливо для ядерных боеголовок, там очень круто всё, высокие зарплаты, соцпакет, никто из моей семьи там не работает, только если дальние родственники. Если вы едете по Электростали на электричке, вы проезжаете сначала станцию «Металлург», потом «Электросталь», потом «Машиностроитель». Жилых домов вы не увидите на протяжении всего пути на электричке, только заводы. Из всего вышесказанного следует, что в городе очень много рабочей молодежи (а во времена моей молодости было значительно больше). Досуг рабочей молодежи – разумеется, нажраться и отпиздить кого-нибудь. Надо мной даже издевался из-за этого один из моих кумовьёв, Асратян, когда я полемично заявлял, что мне незнакомо чувство ностальгии, чувство тоски по Родине, и вообще любви к Родине. Что это за любовь к месту такая? Людей любить – это я ценю, а вот любовь к предметам – к денежным знакам, золоту, брильянтам, к машине, квартире, даче, к Родине мне кажется не слишком почтенным занятием. Ведь Родина – это именно что предмет, а не хорошие и верные товарищи. Потому что хорошие и верные товарищи в большинстве своём уже свалили. Человеку Отчизна – Вселенный круг, а никакая не Родина – не надо было Пришвину переделывать Сократа, не висела б во всех школах эта цитата, не позорила б его. И так далее.

«Какая уж тут ностальгия...- отвечал один из моих кумовьёв, - По тумакам в темноте, разве что! Дыщ-дыщ! Дыщ-дыщ!» Один из важных способов избежать избиения и насилия – никаким образом не вступать в контакт с хулиганами и маньяками, становиться прозрачным для них и глухонемым (вообще уметь становиться прозрачным очень важно – чтобы проходить бесплатно в платные места, чтобы не общаться лишний раз с неинтересными людьми, будь то цыгане или милиционеры, чтобы нарушать безнаказанно разного рода законность). В этом я убедился на собственном опыте еще в последнем классе школы, перед выпускными экзаменами.

С чего начинается Родина? Солнечным днём в собственном дворе я встретил ребят из соседнего подъезда. Видимо, это меня и расслабило – всё-таки не незнакомые хулиганы. Но с ними был паренёк постарше, который спросил, отчего у меня так расписаны джинсы – а я их лично расписал ручкой названиями любимых групп и советскими лозунгами. Мне бы промолчать и пойти дальше. А я остановился и ответил. Самое большое неудобство заключалось в том, что в руках у меня была стопка учебников для подготовки к выпускным экзаменам, которые, когда меня стали бить, разлетелись по двору, и я никак не мог их собрать, потому что очень сложно собирать с земли и не заляпать кровью учебники, если вас при этом сильно бьют ногами и руками несколько человек.

Иногда никак невозможно избежать общения – а что может быть важнее приятного общения! - если вам перегораживают дорогу и не дают пройти. Тогда тоже изредка удаётся отбазариться, но изредка. Однажды нам с любимым одноклассником удалось. А в другой раз, через пару месяцев, не удалось – но в тот раз, кстати, нам никто не преграждал дорогу, это он, вдохновлённый предыдущим успехом, решил отвечать на окрики, у нас еще и по бутылке в руках было. Когда тебя бьёт ногами более трёх человек, на мой взгляд, важно суметь встать и уйти. Мне это удалось. Другой концепции придерживался Дик. Он лежал, закрывшись руками. Я пришел домой, где нас ждали из магазина наши жёны и еще один

одноклассник, тоже Д. Когда он узнал по моему виду, что нас избили, а с моих слов, что Дика бьют и до сих пор, его негодованию не было предела. Он бесстрашно схватил 2 (два!) газовых баллончика, выбежал во двор, и с криком «Получайте, гады!» выпустил оба баллончика себе в лицо. Гопники опешили от такой отваги, а главное, он неблагородного применения спецсредств, и избили его тоже.

С этим вторым Д. нас как-то избили еще и в Москве, на концерте его группы «Бертолетова соль» (потом она переназвалась в «Каберне-Денёв»). Было это в «Р-клубе», в те времена он находился еще на Волгоградском проспекте. Думаю, что обидчиками были обитающие там байкеры (с байкерами мы как-то и перед университетом дрались), но это мои домыслы, сам я ничего об этом случае до сих пор не знаю.

Тогда, в 1996-м году, приобрела популярность водка в жестяных баночках. Она и посейчас продаётся в жестяных баночках, но в виде слабоалкогольного коктейля с водой, лимонной кислотой и углекислым газом. А тогда она была совсем ненадолго 40 оборотов прямо в баночках. И вот в Р-клубе мы со вторым Д. выпили немало таких баночек. А потом я познакомился с девушкой. Помню, она мне говорит: «У меня очень странное имя. Меня зовут Люка». И сразу после этих слов я просыпаюсь у себя дома на Пресне с ужасной головной болью. Сначала я думал, что это похмелье, съездил на Горбушку даже с женой, но к вечеру понял, что сотрясение мозга.

Жена рассказывала: когда вечером она открыла дверь, на пороге стоял второй Д., держа за шкирку совершенно гуттаперчивого меня. Я легко перегибался пополам во все стороны и подкашивал колени, лишь бы не стоять на ногах, находился, одним словом, в совершенном невменозе.

Второй Д. сказал моей жене и тёще: «Не волнуйтесь, только не волнуйтесь. Он не пьян. Просто его очень сильно ударили по голове».

Друзья из «Бертолетовой соли» рассказывали, что они успели выступить, а остальные группы нет: после того, как нас со вторым Д. побили, он вызвал в Р-клуб наряд ОМОНа, и концерт закончился. Потом он собрал со всех знакомых денег на такси, чтобы отвезти меня домой. Я же долго валялся в проходе, избитый, и все об меня спотыкались. Вот всё, что я знаю.

Сам второй Д. (у нас с ним в школе была даже рок-группа, которая называлась «2Д») был очень невезуч: он несколько раз попадал в автокотострофы, полез как-то к девушке в общежитие по стенке, потому что его не пустила охрана, и упал с высоты третьего этажа, поломался, лежал в Склифе, потом женился на этой девушке, и на её дне рождения совершенно случайно выпал из открытого окна насмерть. Перелом основания черепа – болезнь, от которой нет лекарства.

Он так никогда и не рассказал мне, что произошло в Р-клубе.

Вообще истории о рукоприкладстве и поножовщине можно рассказывать бесконечно и никогда не остановиться – полные ненависти, отравленные ненавистью, подавленные ненавистью живут люди: моего драгоценного кума Коровина чуть не убили однажды в собственном дворе случайные собутыльники (он очень любит проповедовать, а никто лучше для этого не подходит, чем случайные собутыльники, я его за это ругаю популистом), моего любимого одноклассника Дика однажды зарезали так, что он месяц лежал в больнице, а старину однажды зарезали так, что он даже умер ненадолго, а потом заново учился ходить и научился – пришлось ему для этого заниматься йогой и подобными практиками. Это объясняет, думается, почему своё тело старина чувствует несколько иначе, чем, например, я, и почему все вещества на него действуют по-другому.

А как убивали даже лучшие из людей других лучших из людей! Как Джошуа, гитарист позитивного движения «Джа Дивижн» забил до смерти аккордеониста позитивного движения «Джа Дивижн»! А как хиппаны Смертник и Балаганов сожгли заживо хиппана Диму Царевского! А как рок-звезда Фёдор Чистяков чуть-чуть не зарезал рок-звезду

Ирину комаровскую!

Стоит вспомнить, сколько людей убито только в электричках (наверняка больше даже, чем в результате всех устроенных спецслужбами терактов вместе взятых) – от чемпиона России по каратэ Якова Кана и поэта Дмитрия Кедрина до отца Виталика Долгого, моего одноклассника – как начинают одолевать депрессивные мысли о кризисе гуманизма, конце Ренессанса, и прочих грустных вещах, о которых лучше не думать на ночь.

Моя третья встреча с Топором состоялась на Петроградской стороне – непосредственно на месте его работы промышленным альпинистом в обеденный перерыв. Он – в грязной рабочей одежде на этот раз – вручил мне пакетик с оранжевым порошком, сказал, что это четверть грамма того, который за $120 (того, про который он ранее говорил, что это самый плохой) и порекомендовал пустить его «по шнуркам». Особо он подчеркнул, что здесь имеют место «некоммерческие расклады», это было, по его мнению, очень важно, он говорил это и на площади Репина. Это действительно оказалось очень важно. «А сколько здесь?» – спросил я. - «Четверть грамма». «А сколько надо употреблять из этого зараз? Сколько доза?» – переспросил я взволнованно – я и тогда боялся передозировки, не зная, что это такое на опыте, и сейчас, после многих передозировок, не слишком её люблю. Тут Топор и его сотрудники добродушно рассмеялись, прямо как добрый дедушка Ленин и ходоки, а когда отсмеялись, он сказал: «Ну это уж я не знаю – сколько ТЕБЕ надо».

Я гулял долго после этого по по Петроградской стороне, заглядывал на Аптекарский остров, среди прочего попал случайно в место, где учился мой дедушка – Ленинградский электро-технический институт, ЛЭТИ, что на улице академика Попова рядом с речкой Карповкой и Ботаническим садом, фотографировал фотогеничную фабрику на той стороне Большой Невки на Выборгской стороне – в тот визит я вообще сделал довольно много фотографий, следует, наверное, приложить их к книге как документ эпохи – я сфотографировал бы с особенным удовольствием и Топора, и девушку, которая мне понравилась тогда, на площади Репина, а через год на СКИФе-7, но вот именно они-то фотографироваться и отказались – старые конспираторы. Зато есть фотографии их друзей.

«Не слишком болтай в тусовке, что Топор чем-то таким занимается» – услышал я на Старо-Калинкином мосту, передавая денежки, 900 рублей (кстати, это произведение, которое вы сейчас читаете – плод мозговой игры автора, надеюсь, вы поняли это из эпиграфа, не правда ли? Все события и персонажи напечатаны на компьютере, возможные совпадения с так называемой реальностью – плод галлюцинаций и сновидений читателя. Фотографии тоже). Как будто в тусовке никто не знает, чем и кто занимается. Как говорил один мой поставщик, «да все про всех всё знают». И старина подчёркивает всегда то же самое. Он это излагает, используя образ камеры слежения за собой, которая вмонтирована в каждого, так называемая совесть. И КК любит говорить, правда в несколько другом контексте: «Бог не фраер, он всё видит», хотя контекст тот же, по большому счёту.

И вообще, какие уж тут секреты. Некоторое время назад в интернете появилась лавина зарубежных научно-популярных фильмов обо всём на свете, в том числе и прежде всего научно-популярные фильмы, объясняющие всё сразу. И некоторые мои не в меру юные знакомые стали активно мне советовать смотреть эти фильмы. У одного из этих фильмов было характерное название «Секрет». Фильм смотреть я не стал, конечно, времени жалко. Но если бы я снимал научно-популярный фильм обо всём на свете с названием «Секрет», основным пафосом этого фильма было бы, что никакого секрета нету, хоть убей, вот и весь секрет. Нет никакого секрета в мироздании, никакой такой особенной недоступной простачкам тайны, никакой интриги и никакой загадки. Поэтому и разгадку искать не в чем.

Здесь, конечно, первое, о чём я дальше вспоминаю – это гнозис (знание). Но у меня аллергия на гнозис (знание), как у моей свояченицы аллергия на ментов (эх, забыл рассказать, как она однажды от них бегала! Ну и ладно, в другой раз). Соблазнил змий человека

красотой познания (гнозиса), устремился человек запретному древу и вкусил от него, и отпал от божественного места сладости, не пожелав по заповеди возделывать и хранить его, и всё. Очень не люблю любителей секретов, таящихся в яблоках познания, не люблю деятелей гностического толка, особенно современных. Они прям мои идеологические враги, хотя сами этого не знают. Возможно, они даже не знают, что они деятели гностического толка. Скажи какому-нибудь современному КГБ-шнику, что он деятель гностического толка, он, возможно, не согласится. Или молодому патриоту-евразийцу скажи. Или даркушнику какому-нибудь (термин Ставицкого). Или неоязычнику какому-нибудь скажи: «Да у тебя, братец, гностические уши торчат за километр. Вот ты любишь солнышко и предков, жжёшь священные кастрики, жжёшь церкви, занимаешься магией, проходишь обряд раскрещивания, мочишь клириков, а у самого гностические уши длиннее, чем у зайчика в твоём любимом лесу». И послушай, что он ответит.

Мне, кстати, вчера пришло письмо, что на каком-то ресурсе с гностическим уклоном (ну они сами называют себя скромно: современная философия – Дугин, Джемаль, ля-ля) опубликовали ссылку на творчество моей группы – приятно и лестно, просто охуенно. Современные ультраконсерваторы ссылаются на творчество моей группы, замечательно. Так, может, еще и в фашистах похожу, как Гамсун, как Мережковский, было б назидательно – не хрен было гностические тексты использовать в выступлениях.

Я бы написал про гностиков и всех их наследников подробнее, про Абатура бы написал, про Ялдабаофа и про Самаэля, помянул бы Симона Волхва, который летал по воздуху, и Маркиона с его каноном священных книг, и далее через века везде бы гностическую заразу сёк мечом красноречия – манихея бы распознавал в каждом, кто ищет врагов народа, кровожадность декабристов бы припечатал, тайную полицию всех времён приложил, разобрал бы подробно гностицизмом пропитанный двадцатый век (государственного масштаба гностицизмом!), даже недоброй памяти книгу про кота Да Винчи бы вспомнил, один из экземпляров которой лично сжёг в камине на даче, потому что девочка, которая её читала, воскликнула: «О! Я тоже всегда так буду отвечать, как здесь написано!», тут уж я решил, что если сей кот стал учителем жизни хоть даже на один ответ к случаю для одной маленькой девочки – сжечь немедля; да, большую панораму тут можно было б развернуть, но боюсь разозлиться, буду лучше писать про что-нибудь доброе и положительное.

Так хочется иногда поделиться счастьем со всем миром, передать секрет радости бытия, так хочется наполнить все сосуды тем же, что переполняет сейчас, и даже гуще, до переизбытка, до слетания крышки, и непонятно, как, как, как разъяснить, что всё хорошо, что Творец благ, что второй закон термодинамики, энтропия – это крохотный частный случай одного из суетных видов знания, а вообще-то всё заполняет эманация чистейшей и высочайшей пробы, и благо нисходит без малейшей потери качества, а только концентрируется, фокусируется, отражается и восходит обратно, и это прям правда-правдочка... Но ладно – умные люди, не дети, сами себя запутали, самим и распутываться, мне лишний раз волноваться и нервы тратить, оправдывая мир и его Творца, незачем – понимающий человек зевнёт и отвернётся, непонимающий ещё шире зевнёт и отвернётся. И оба скажут: «дурак». А девушки скажут: «дурачок».

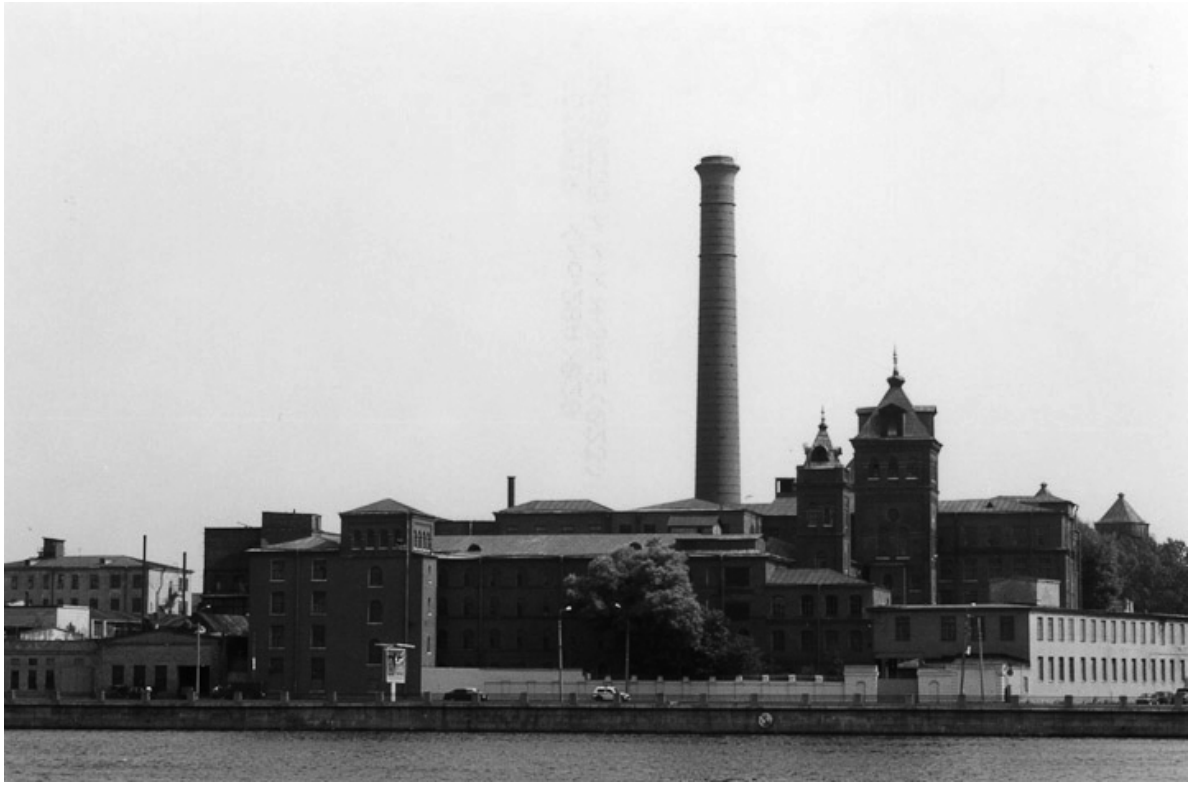
Понятно, что конспираторы мы все хреновые, даже лучшие из нас. Вот Лисовский однажды старине через весь Питер нёс в руке баян со свежесваренным винтом – донес, или, скажем, дочь моя средняя сегодня выдала старшую, что та не была в школе, потому что вчера нажралась в гостях, а старшая решила с ней за это не иметь дел остаток дней. Топорчик тоже, может быть, не стал бы со мной иметь дел остаток дней, если б помнил, кто я такой, такое про него рассказывающий, но он, к счастью, не помнит. И я бы, конечно, не стал выдавать его секрет, если бы это был хоть какой-то секрет. Прости, Топорушечка, мой дорогой персонаж, плод моей фантазии. Главное, чтобы твой секрет не узнали серые

черепахи и не догнали тебя, как многих других моих знакомых Ахиллесов. Уж от меня они точно его не узнают – они не читают элегий и героических саг, а даже если вдруг и читают – не элегии и героические саги будут им инструкцией к действию.

Да и все другие мои персонажи – простите меня за злобный нрав, идиотизм и лживость – я ведь неправду про вас пишу, вы все во много раз лучше, мне не хватает мастерства выписать вас такими как надо, вы гораздо больше подвижники, чем здесь кажетесь, деяния ваши и подвиги куда более немыслимы, чем здесь, на экране этого маленького монитора, просто я неумело заврался, пытаясь вас прославить, но мне очень хочется – честно! – прославить вас всех, ведь таких, как вы, только один экземпляр, такой уникальный, что даже жаль, когда понимаешь – все вы смертны. Хотя, если бы вы все уже умерли, я, не поступаясь порядочностью, мог бы писать и писать про вас, еще больше бы написал.

Порядочностью придется поступиться.

«место, где учился мой дедушка - Ленинградский электро-технический институт, ЛЭТИ, что на улице академика Попова рядом с речкой Карповкой и Ботаническим садом. . . »



«. . . фотографировал фотогеничную фабрику на той стороне Большой Невки на Выборгской стороне. . . »

«. . . я сфотографировал бы с особенным удовольствием и Топора, и девушку, которая мне понравилась тогда, на площади Репина, а через год на СКИФе-7, но вот именно они-то фотографироваться и отказались - старые конспираторы. Зато есть фотографии их друзей.»

Все события и персонажи напечатаны на компьютере, возможные совпадения с так называемой реальностью – плод галлюцинаций и сновидений читателя. Фотографии тоже». Это я в сквере на площади Репина.

На следующий день с утра приехала моя жена – как же я по ней к тому времени соскучился! Я даже с интересом, даже с сожалением – вот до чего дошло! – слушал КК, который рассказывал, что в тот самый день, когда я работал в порноиндустрии, а старина жил у любимого дядюшки, заходили девушки, которые очень хотели с нами познакомиться, и не познакомились.

Жена приехала выступить на фестивале рок-музыки, который должен был проводиться «на ступенях ЛЭТИ» (института, где учился мой дедушка!) в составе группы «Ключ». Но она там не выступила – группа «Ключ» не успела вернуться с другого фестиваля. Зато ночью после ступеней ЛЭТИ мы-таки все нажрались оранжевого ПиСиПи с Тарасом вместе, а ещё с незабываемой девушкой по имени Маугли!.. Впрочем, по порядку.

С самого утра в день приезда жены, прямо с вокзала, мы попали на ужасное испытание: просмотр в оснащённом по последнему слову техники кинотеатре «Аврора» последнего на тот момент достижения мирового кинематографа «Люди в черном-2» (он был свежее даже чем «Звёздные войны-2», которые мы хотели посмотреть, но они уже почти отошли – только в каком-то невзрачном заведении под названием «Баррикада» с моно(!)системой звуковоспроизведения предоставлялись неубедительные услуги по его просмотру, но смотреть ТАКОЙ фильм без долби-суррaунда – это не уважать себя и старину).

Вообще-то я, конечно, очень люблю современную действительность, и не только потому, что не нашёл в ней своего места и теперь уже точно никогда не найду, но в первую очередь потому, что НИКТО не имеет в ней своего места: давно уже нет никакой современной действительности. У каждого нынче своя современная действительность, совсем ничего не имеющая общего с современными действительностями окружающих, свой странный наборчик для игры в «от чего меня прёт», и даже если вдруг возникает такое чудо как сходный элемент в наборчике товарища, это совершенно не означает, что вы с ним

сможете поиграть вместе, и даже напротив – это вообще ничего не означает.

Мало того, что люди не одно и то же имеют в виду под одними и теми же словами (поэтому, думаю, опытные отцы никогда не советовали начинать духовные практики с сосредоточения на «любви» – столько всякого сразу в это понятие хочет влезть и примешаться, что уж лучше до поры о «любви» много не думать и не говорить – тут же утянет за собой какая-нибудь опасная примесь), как правило, здесь мы имеем дело даже не с родственными языками. Указывать в списке своих интересов «музыка» так же неправильно, как «я люблю слушать музыку», указывать в списке своих интересов «ritual industrial» так же неправильно, как указывать в списке своих интересов «apocalyptic noise», указывать в списке своих интересов группу «Anal Cunt» так же неправильно, как указывать в списке своих интересов группу «Чернобляд», не потому, что это неправда, а потому что «от чего ИМЕННО меня прёт в том, что меня прёт» у всех разное.

Даже едучи в поезде с семьёй случайных попутчиков в места весьма странной курортной ценности, скорее ТУРИСТСКИЕ – всё равно видишь: люди, по-настоящему близкие друг другу, близкие настолько, что едут отдыхать не на юга, не на море, а в чащу леса, и по обоюдному желанию, а не один другого тянет показывать любимые места, и эти люди разговаривают совершенно мимо друг друга. Или наблюдая застольный разговор двух собственных старейших друзей (один из них, мой любимый одноклассник Дик, исповедует не что-нибудь, а революционное насилие, любит из музыки только Егора Летова и Аркадия Северного, работает юристом в Останкино и преподает в вузе, дома у него в полном составе проживает таджикская семья жены, а второй не кто иной как Ангел, девственник, монах-расстрига, разочаровавшийся в церковниках, но не в Церкви, из музыки предпочитает англо-американскую психоделику 60х-70х, читает только Вальтера Скотта, охоч до архитектурного туризма - всё время фотографирует какие-то церкви в разных городах), который год наблюдая этот самый разговор на неисчерпаемую тему «кто кого больше угостил в жизни вообще и сегодня в частности», остаётся тихо радоваться, что НИ ОДНА деталь в наборчике для игры в «от чего меня прёт» у них не совпадает даже номинально.

Или вот мой чудесный брат. Его наборчик для игры в «от чего меня прёт» в разное время составляли:

- вкладыши от жвачек. Это, впрочем, раннее увлечение, его можно было не писать;

- русский рок, который в некоторых стрёмных местах (Юрий Наумов, КОТ) он изучил даже лучше меня при моём полном и всестороннем одобрении и поддержке;

- мировой футбол, который изучен им ещё более основательно вопреки полному моему осуждению и презрению;

- компьютерные игры, особенно «Q3» и «WC», ну к компьютерным играм я отношусь со смешанным чувством, скорее отрицательно. Недавно вот понял, что боле они меня не вставляют, а как вставляли, несмотря на смешанные чувства, как вставляли! - с того самого момента, как в 1986 году впервые я посидел в одном научном учреждении за персональным компьютером и поиграл в игру, где существо задвигало камнями монстров в лабиринте – вид сверху – и собирало сокровища, причём камни оно отталкивало ногой, и они летели до конца с весёлым свистом и очень-очень смешно давили монстров – как же радостно я хохотал тогда! – и вплоть до того момента, как сколько-то лет назад я на один день увлёкся «Эластоманией» и прошёл её всю, все 18 карт, меня вставляли компьютерные игры.

- психоактивные вещества, к которым я тоже отношусь со смешанным чувством, скорее положительно. А брат, кстати, их не очень-то долюбливает, всегда при упоминании о них озабоченно качает головой и цокает языком.

Я сую везде своё отношение к увлечениям брата не только потому, что у меня мания величия, но и потому, что моё отношение к увлечениям брата было всегда для него крайне

важно, и, несмотря на всю декларируемую важность этого моего отношения, оно, как мы видим на примере его основных увлечений, брату оказывается, в общем-то, весьма похуй, потому что дело касается ЕГО наборчика для игры в «от чего меня прёт».

Я мог бы здесь себе возразить, что, конечно – да, глубина взаимонепонимания велика, да, все мы несчастные солипсисты, аутисты, интроверты, нашедшие как-то в этой тугой реальности маленькие радости бытия, свои грязные песочницы, в которых можно иногда поковыряться, и нет смысла, кажется, искать взаимности, но – возникает вдруг искра понимания, трепещет вдруг знамя понимания, и такие минуты, они особенно ценны обычно – мог бы возразить, но не буду. Соблазнительная какая-то мысль, сразу вспоминаются «родственные души», «общий язык», «две частички одного целого», «давай я помогу тебе покончить с твоей вредной привычкой, давай будем вместе торчать, а потом вместе бросим» и прочая межполовая тематика, нет уж, продекларировал разобщённость и ладно.

Так вот, о современной действительности в исполнении старины, в случайном порядке:

- компьютерные игры. Где-то как-то, конечно, можно сравнить то, как он вставляется от компьютерных игр с тем, как я вставляюсь от компьютерных игр, даже ближе это, пожалуй, будет к тому, как мой брат вставляется от компьютерных игр;

- наркотики. Старина «полинаркоман» (термин старины и одного известного рок-музыканта), то есть он любит все вещества, которые проникают в его организм и меняют химию этого самого организма, чем сильнее, тем лучше. Цитата: «Я не знаю никого, кто хотя бы близко подошёл к тому, что я делаю с глюкозой»;

- музыка, понятно. Обязательно громкая, поэтому Раммштайн прежде всего, остальное факультативно, транс мы за музыку не считаем, это относится к следующему разделу;

- танцы. Старина – рэйвер со стажем, мы с ним танцуем по возможности всегда, но вот на какой-нибудь выдающийся многотысячный рэйв, где сексуальная энергия аж воронкой закручивается до самого ада, прям как на футболе каком-нибудь, ему так меня сводить и не удалось, ну, надеюсь, мы ещё сходим с ним;

- театральное искусство, педагогика. Старина преподает сценическую речь, и не только сценическую, вообще людей говорить учит, меня тоже во многом научил, как-то сильно он связан с театралами, и с педагогами тоже связан, недавно в рамках года молодежи в РФ ездил на Селигер с аутистами, но и вообще любит молодёжь учить, особенно девушек;

- православие. Старина еще и поёт в православной церкви, и вообще, всё, что связано с православием очень ценит. Он и меня в свою веру обратил;

- свежий Голливуд. Старина обычно умеет ловко объяснить свои чувства к голливудскому фильму чем-то вроде «Ну как он это делает!», но я никак не смогу это адекватно передать.

Я что-то наверняка упустил, старина – разносторонний парень, возможно, кстати, пока мы не виделись, его современность украсилась какими-нибудь новинками, он ими всегда охотно делится, как и новыми знакомыми – это очень отрадное качество. Некоторые фрагменты его современности я разделяю и понимаю – например, обучение юных девиц жизни тоже почитаю за одну из важнейших своих задач. Но вот свежий Голливуд и «как он это делает!» для меня совершенно чужды, хотя из любви к старине, в угоду старине я стараюсь, конечно, смотреть фильм, находить радость в зрелищных спецэффектах, в долби-суррaунде, в харизме актёров, в обольстительности актрис (гогого!), а уж голливудская драматургия иногда бывает – прямо не прицепишься – «верю!» да и только, но вот в фильме «Люди в черном - 2» не было ровно ничего этого, вообще (здесь должна быть ссылка на сайт «Людей в чёрном - 2»).

Такого сумеречного состояния духа, как у меня с супругой и у старины с его прекрасной дамой после просмотра этого фильма, я не припомню за все поездки в Санкт-Петербург. То утро легло тёмным пятном на наши со стариной отношения, он и так и эдак все последующие годы пытается сгладить произведенный на нас тогда эффект, и мне даже иногда

начинает казаться, что я отошёл, что не оставило это такого следа в моей жизни, жизнь продолжается, но нет – вспоминаю – и снова тяжесть давит грудь, снова перед глазами это серое утро смерти веры, надежды и любви к человечеству.

Какая же это была непередаваемая гнусь! Мы еще и сидели на первом ряду! После этого все выставки современного искусства, весь интернет, всё телевидение и вся реклама мира не кажутся более мне ужасными – толерантность навсегда потеряна, дефлорация произведена навылет, жестокая прививка убила организм.

Многие говорят о пользе отрицательного опыта. Я не разделяю это мнение. Вот у меня отец умер, когда мне было семь лет, я был единственным свидетелем его смерти в новой квартире, где не было телефона, и куда мы еще даже не переехали, мне пришлось переворачивать его, чтобы отыскать в кармане штанов ключ от квартиры, бежать звонить с улицы маме на работу и прочие ужасы – никак не считаю такой опыт полезным, никому не пожелаю. В тюрьме и в армии я пока не бывал, тьфу-тьфу, но тоже не чувствую пользы от этих учреждений, если судить по людям, которые оттуда выходят, и по книгам, которые об этом пишут.

В общем, лучше бы было нам не видеть этого фильма – мы были бы чище, невиннее, лучше. Теперь уж ничего не поделать, ничем это не исправить, не смыть, жизненный путь навсегда покорёжен, навсегда. Я надеюсь, что в конечном счёте это не фатально и не бесповоротно, трагедии нет, мы выйдем ещё на светлую дорогу и пойдём по ней взявшись за руки, и никто нам не будет нужен, но обычно надежда быстро меня оставляет, и тогда я предаюсь отчаянию – грызу ногти, смотрю в одну точку, покачиваюсь на стуле и вспоминаю те времена, когда еще даже не слыхивал о фильме «Люди в черном - 2», не то что лично посмотреть его из первого ряда с долби-сурраундом, и всё думаю, как можно было бы всё изменить, исправить, снова и снова прокручиваю в голове всю ситуацию, вот мы выходим с Московского вокзала, идём по Невскому проспекту, заходим в кафетерий, там старина меня проверяет, говорит: «Что это там такое написано?» – я отвечаю: «Торты» – и выясняется, это он меня проверял, правильно ли я, ФИЛОЛУХ, ударение поставлю (или это было в другой раз?), потом дальше на Невском проспекте напротив Катькиного садика крутим каменный шарик под напором воды, ищем в одном кинотеатре, во втором, в третьем, третий уже почти у Эрмитажа, возвращаемся всё же в первый, почти у Московского вокзала, выясняем, что утренние билеты не так уж и дёшевы – 70 рублей на человека, 280 рублей на четверых – вот тут возникает минутное колебание – все смотрят на меня – да! Вот этот момент! Я мог бы тогда сказать: «Кажется, это гораздо дороже, чем я рассчитывал, может, лучше Salvatore (Спасителя) четыре литра?» У меня был выбор. Но в гордыне своей я решил, как обычно, что деньги на то и существуют, чтобы тратить их на всякую хуйню для друзей, а зачем же еще!

И мы зашли внутрь, и фильм уже шёл, и сразу было видно, что всё в нём очень плохо, но я не предложил жене тут же бежать отсюда, погулять где-нибудь и встретить старину с прекрасной дамой после сеанса, а послушно сел на своё место и просмотрел всё до конца. Моей гордыне, конечно, сразу утёрли нос – выяснилось, что бюджеты хуйни могут быть в 14 миллионов раз больше, чем я на неё скрепя сердце трачу, запросто.

Дальнейший день я помню смутно, как в бреду, даже и вовсе не помню. Кажется, мы пришли к Марку Лазаревичу, кажется, впали в забытье, очнулись на следующий день – предположим, это было так. Не это главное.

Главное – ко мне приехала жена! Событие столь радостное, что затмило даже леденящее кровь воздействие «Людей в черном – 2», особенно нечего и вспоминать тут – она только на следующий день должна была выступать в составе группы «Ключ» на ступенях ЛЭТИ, а так – мы гуляли. А что может быть лучше долгой прогулки по городу, да еще с женой!

О, кстати, хотите расскажу, как я с женой познакомился? Вижу, блестят, блестят чи-

тательские глаза в ожидании клубнички, и она будет, конечно (а как вы познакомились с самым неслучайным человеком в своей жизни?).

«На следующий день с утра приехала моя жена - как же я по ней к тому времени соскучился!»

«. . . дальше на Невском проспекте напротив Катькиного садика крутим каменный шарик под напором воды. . . »

«. . . ищем в одном кинотеатре, во втором, в третьем. . . »

«Главное - ко мне приехала жена!»

«. . . мы гуляли. А что может быть лучше долгой прогулки по городу, да еще с женой!»

Лучок на подоконнике.

Это было в том же приснопамятном ДСВ (Дом студента на пр. Вернадского, общежитие факультетов 1-го гуманитарного корпуса МГУ – прим. автора).

Ах, ДСВ, ДСВ! Сколько гимнов уже сложено в твою честь, сколько од, сколько панегириков, сколько дифирамбов! Сколько маститых властителей дум вышло из твоих стен, сколько творцов Вселенных (присоединю, как умею, к их славному хору кислый голос моей музы)! Ты был нашим зачарованным замком, раз попав в который, неделями не мог выйти обратно запивший рыцарь! Ты был нашей башней Вячеслава Иванова о двадцати двух этажах! На бордюре твоей крыши однажды в грустную минуту я стоял, порвав и сбросив вниз все свои архивы, и сам вслед за ними хотел улететь, но побоялся (второй из трёх случаев, когда я вяло сводил счёты с жизнью в памятном 93-м году). Здесь, в сидоровнике (в инженернике), носил я на руках с обоссаного матраса на сухой Вадима Вадимовича Гущина (пионера интернета. Не актера и не фотографа), зажавшего в руках свои очочки. Здесь получил своё прозвище Костя Ибо, ходивший по этажам с фразой «Ибо, ибо, ибо... Ибо охуел Господь Бог». Здесь получил своё прозвище Дима Суицид за своё лицо и нрав. Здесь получил своё прозвище Макс Идиот, потому что был идиот.

Здесь впервые познакомился я со странным и горестным состоянием полного одиночества, когда в комнате, куда въехал, обнаружил оставшийся от предыдущих хозяев культурный слой едва ли не по колено (несколько выходных костюмов и много другой одежды повсюду; педаль от ударной установки; женское бельё; ещё женское бельё; до двухсот экземпляров печатной литературы – запомнились словарь Вебстера и журнал «Безбожник» за 1924 год, на обложке которого был изображён поп, возносящий распятие с голой бабой, а также маленькая книжечка со стихами молодых поэтов Ташкента, среди коих были стихи М. Гронаса, оказавшегося впоследствии одним из предыдущих хозяев комнаты; многое другое), и целыми днями только и занимался археологией своей комнаты, читая странные журналы, ни с кем не общаясь, никуда не выходя далее булочной – в ней был занятный ассортимент тортов: «Шалунья», «Ночка» и «Грибки» – но я покупал там только батоны и ел их со шпротным паштетом – мама дала мне его банок двадцать. У соседа сбоку играла всегда только одна песня – Precious Энни Леннокс – она и стала гимном моего одиночного сумасшествия.

Однажды ко мне постучал сосед по блоку из комнаты напротив и попросил сахару. Я дал ему в ответ одну из книг, которую нашёл недавно на полу: «Сказания русского народа, собранные И.П.Сахаровым». Сосед понял, что я ебанутый. Мы, конечно, подружились. Очень подружились. У него были гнилые зубы, зрение минус одиннадцать и пегие кудрявые волосы по плечи – все говорили, что нас путают, словно близнецов. Он уже закончил университет, но общежитие не покинул, мы бухали с ним и его друзьями, жившими с ним и вписывавшими его, а потом и не только с ними.

Как говорится в таких случаях, я познакомился с замечательными людьми.

Я познакомился с Рашидом, который был пятнадцатью годами старше меня, но ещё жил в общежитии, носил с собой всегда пакеты и коробки с вещами, контрастировавшие своей огромностью с его изможднной фигурой. Говорили, что там находится какая-то раритетная порнография и тараканы.

Я познакомился со Славкой Ржевским, который всё еще надеялся сдать академическую разницу из 30 предметов на философском факультете, хотя не учился там уже лет пять. Он был художник в переходе на Охотном ряду, рисовал всегда одну картину – Собор Василия Блаженного. На спор он мог нарисовать его с закрытыми глазами. У него была палитра с красками, и рядом были подписаны названия цветов: он был дальтоник. Всегда почему-то вспоминаю о нём такую историю. Бухал он с некоей прекрасной дамой, и, нажравшись, стал домогаться. Она отказала ему в интимной близости. Он вскричал по-викингски: «Ну так я тебя силой возьму!» и упал без чувств. Произносил он всегда только один тост: «Sic transit gloria mundi».

Я познакомился с соседом сбоку – не тем, который ставил Precious Энни Леннокс, он уже съехал, а жившим в той же комнате Андрюхой Путилиным – законченным алкашом в свои двадцать два года. Все пили постоянно, но он пил с остервенением, незнакомым самым ярым. Он пил зачем-то даже чистый спирт стаканами напоказ – помню, однажды мой новый друг попросил его продемострировать это умение гостям, и на пол-стакане ему вдруг отказали его таланты, он поперхнулся, закашлялся, проблевался раз, проблевался другой, третий, четвёртый, пятый – аудитория была смущена и изумлена таким своеобразным мастерством, а в другой раз он хватил вместо спирта уксусной кислоты – его увезли на скорой, отхватили часть желудка. Он уезжал домой, зашивался там, возвращался в новой дорогой одежде, пару недель мрачно не пил, потом развязывал, мрачно пил, пропивал новую дорогую одежду, старую дешёвую одежду, вещи собутыльников, вещи соседей по комнате, вещи соседей по блоку.

Я познакомился с Алдром Алдровичем Малиновским – выдающимся анархистом, знатоком средневековья и рыцарства – мы организовали с ним и Дюшей Басистом рыцарский орден, и ни в одной организации я не состоял с такой гордостью ни до ни после, благо в организациях я стараюсь вообще по возможности не состоять – если только номинально. Приятно иметь какую-нибудь корочку, что ты преподаватель МГУ, скажем, или журналист издательского дома AFS (это у меня такие корочки), но не более того. Алдр Алдрыч выглядел прекрасно: он полностью зарос чёрными огромными прямыми волосами и бородой, мутные очки и желтые зубы из них были еле видны. В университете зачастую можно было видеть его валяющимся на лавочке в вестибюле, называемом в просторечии «большой сачок», и уборщица говорила девочкам: «не садитесь на эту скамейку, на ней бомжа спала». Он не жил в общежитии, но постоянно в нём запойничал. В начале запоя он всегда звонил маме, что не вернётся домой. Мама говорила: «Саша, ну ты же опять нажрёшься и будешь блевать... « – «Не надо патетики, мама!» – ответствовал сэр Александр Гневный, рыцарь Основания Ордена. Иногда он разговаривал только аббривеатурами, и тогда «ДХ» в выражении «ДХ, ДХ, полцарства за ДХ!» означало «давайте хуйнём», а «ПЗД» в выражении «Выпьем за ПЗД!» означало «присутствующие здесь дамы», иногда у него начиналась специфическая эхолалия, и все слова собеседников он повторял, заменяя центральную часть слова на «хуй». Так, универ становился хуевер, а филфак становился хуйфак. Все старались его озадачить словами, которые уж точно не заменишь на слово с «хуй», например, наивные девушки всегда предлагали ему само слово «хуй», но он не терялся, повторял за ними: «хуйуй!» Сентиментальный Славка Ржевский не выдерживал и кричал: «А хлебушек! Хлебушек ты тоже переделаешь?» – «Хуебушек», - бесстрашно декларировал Малиновский отсутствие святого. Он с удовольствием ходил с Путилиным пропивать всевозможные вещи, его собственные, впрочем, на пропой годились очень редко, но Кац вспоминает всегда о нём, что он автор фразы «Давайте пропьём мой пиджак» и, как мы видим, пиджака на нём нет.

Я познакомился там и с Кацем. А сначала я его только услышал – в своём одиночестве я часто слушал, что происходит в коридоре блока, и чего только не происходило даже в коридоре блока, что уж говорить о комнатах! И как-то я услышал страшный голос на весь блок, а то и на весь этаж, сопровождаемый страшным стуком в дверь напротив: «Открывайте, это Кац пришёл! Кац к вам пришёл! Кац трезвый пришёл!» Я опасливо выглянул в дверь и увидел огромнейшего толстого человека, шевелюра и борода его занимали весь маленький коридор блока, и я понял, что так должен выглядеть настоящий мужчина в расцвете сил, и захотел быть таким же, но познакомиться тогда не решился.

Я познакомился с Димой Суицидом. Дима Суицид был известен тем, что очень не любил, когда его называли Суицидом, и сразу лез в драку, когда слышал это слово. А еще он умолял всех рассказать ему, кто же, кто же, кто же придумал называть его Суицидом! Мой новый друг однажды сказал, конечно же, что это он придумал называть его

Суицидом (хотя это была неправда: его так назвал Юра Швецов, оббивший об его лицо все руки однажды, когда Суицид пришёл к ним в комнату очень агрессивно настроенный. Руки у Юры болели почти месяц, а Дима с утра привычно заклеил лицо пластырьками и пошёл извиняться за вчерашнее), мой новый друг вообще был великий любитель провокации, просто гений в этом смысле: однажды Костя Ибо выразился в том духе, что обладает имиджем доброго Карлсона, новый друг возразил, что лично ему он всегда казался жирным злобным хряком, эдаким Весельчаком У; другу Гронаса Паше Пономарёву (ныне исполнитель куплетов Псой Короленко) сообщил, что тот самый ёбнутый еврей из всех, кого он знает, что вдохновило потрясённого Пашу на написание известного ныне хита «Ябнутый»; когда однажды Малиновский, Алекс и Путилин выпили бутылку водки и совершенно не запьянели, потом еще одну и снова не запьянели, он сообщил им с изощрённой жестокостью, что это их Бог наказал, больше они не запьянеют никогда; меня он ласково называл не иначе как «волосатая хуйня», а уж когда я стал отбивать у него девушку – как он меня обижал! Как он меня уедал моей юностью и незрелостью! И невинностью! Пришлось его даже побить пару раз...

Утро Суицида начиналось с извинений. Он приходил к побитым им вчера (или побившим его вчера) людям и говорил со смущённой кроткой улыбкой: «Мне так стыдно, простите меня». «Мне так стыдно» – повторял он, выпивая рюмочку в кругу соседей по общежитию. Постепенно он замолкал, смущённая улыбка расширялась, обнажая зубы, глаза постепенно съезжались к переносице, лицо в боевых рытвинах приобретало багровый оттенок, и когда он снова открывал рот, дежурная фраза была уже несколько иной: «Все бабы суки. Все бабы бляди». Это служило сигналом опасности. Следующим этапом неизменно была драка. Помню, однажды непредусмотрительно отрубился я в комнате, где на тот момент проживал Суицид, и проснулся от звуков голоса смиренного его соседа: «Не бей меня, Дима». На что в ответ слышалась злобная скороговорка: «Будешь еще? Будешь еще?» и быщ-быщ, быщ-быщ. «Не бей меня, Дима» – «Будешь еще?» – быщ-быщ. Спать было совершенно невозможно...

Однажды я даже участвовал в проводах Добрейшего на родину (поскольку он очень нервно реагировал на Суицида, друзья стали называть его Добрейший Дима Туманов). Это был один из прекраснейших вечеров: пластинка Гражданской Обороны «Всё идет по плану» на проигрывателе в комнате Юли Г., предельная громкость, песня «Суицид», пьяный Добрейший сидит с фирменной безумной улыбкой в центре комнаты и вещает важно: «Да, я сраный Суицид», а вокруг радостные пьяные друзья смотрят на него с одобрением и пониманием – чего еще надо! - но затем почему-то я поехал провожать его на Курский вокзал вместе с одной пьяной девушкой, видимо, мы были энтузиасты и нам было совсем уж нехуй делать (или «не хуй» лучше писать раздельно?), и на ступенях вниз в метро «Проспект Вернадского», то есть в самом начале нашего пути, Суицид и девушка, обнявшись, падают ничком на ступени и лежат. Потом с трудом поднимаются, лица их полностью в крови. В общем, мы тайком вписали его в поезд, спрятали в туалете, потому что проводник наотрез отказался, гад, пускать пьяного окровавленного человека в вагон. Потом уже я обнаружил, сидя в зале ожидания (мы не успели на последний поезд метро), что руки у меня по локоть в крови и выгляжу я вообще довольно подозрительно. Вернувшись в общежитие, я экспроприировал его наручные часы в качестве компенсации за моральный ущерб того вечера. Потом он, правда, у меня их увидел и забрал обратно.

Последнее, что я слышал об этом замечательном человеке – работает ментом у себя на родине, в Симферополе. Может, когда-нибудь еще встретимся.

Я познакомился с Толиком Худяковым, самой харизматичной фигурой в моей жизни. Выглядел он так: бельмо на одном глазу, лысина, борода лопатой, зычный малоросский бас. Он не пользовался лифтом и не пользовался никаким транспортом, кроме рельсового. Он коллекционировал марки и мечтал уехать в Англию. Сам он никогда много не пил,

иногда только можно было ему налить в стакан «на два пальца» купленного у него же ужаснейшего – ужаснейшего! – свекольного самогона, который он называл «бураковка», а все остальные «худяковка». Всех иностранцев он называл «румыны». Среди других жемчужин его лексики мне запомнились «пареньки», которыми он любил неясно угрожать, и «бабец» в значении «прекрасная дама». Издалека всегда было слышно в вестибюле первого гуманитарного корпуса МГУ, называемом в просторечии «большой сачок» его громкое со знаменитым украинским фрикативным «г» приветствие: «Хайль Гитлер!», а затем и прощание: «Ну, хайль Гитлер тады». Наверное, он давно уже в Англии.

Я познакомился с Ваней Орловым, который учился у моего нового друга быть истинным хиппи и отрастил для этого длинные волосы. Он был славен тем, что все свои учебные работы приобрёл за деньги, а все экзамены сдавал, безбожно списывая. Это он на одном из экзаменов по зарубежной литературе постоянно цитировал автора по имени Хрест, пока преподаватель не задал вопрос, какие работы уважаемого учёного Ваня читал. Выяснилось, короче, что хрест. в скобочках означает хрестоматия.

Я познакомился с самим Мишкой Доктором! Мишка Доктор лучше всех играл в настольный хоккей, я тоже мнил себя мастером и даже, кажется, выиграл у него при первой встрече, но это было единственный раз в жизни – просто он был намного пьянее. Еще он, так же как я, собирал анекдоты про Штирлица, знал их даже больше («Штирлиц настоял на своём. Настой получился густой и липкий»). Я ему тоже понравился, потому что сказал, что никогда не похмеляюсь, я сразу пью. А как Мишка Доктор входил в комнату из-за шкафа (таково было устройство моей комнаты в ДСВ, что входивший в гости появлялся из-за шкафа), говорил с лёгкой небрежностью: «Так вот, о чём это я?» и в руках его материализовывалась бутылка водки «Привет» (Мишка во все времена был лучший знаток недорогой вкусной водки, тогда-то все пили спирт «Рояль», это было легендарное время спирта «Рояль», но и посейчас вы можете позвонить Мишке и спросить, какую водку нужно пить, он подскажет)! А ещё Мишка умеет острить как никто, я всегда старался его передразнивать, но я намного злее и грубее острослов, увы, у меня не получается острить и при этом быть добрым и тонким, как он. Мишка стал мой кумир на долгие годы, наши отношения не испортила даже совместная работа, не испортит то, что я о нём тут пишу, и вообще уже ничего не испортит!

Я познакомился со знаменитыми «ортодоксами». Сначала я их только слышал: в долгие шизовые ночи моего одиночества над моей головой катались пустые бутылки и доносились женские визги, иногда раздавались вопли под гитару, иногда громыхал безудержный топ и пляс. Я сдерживал порыв прийти туда, представиться соседом снизу, сказать, что не могу больше оставаться в стороне от такой пьянки, и поучаствовать по мере сил во всём, что там происходит. Потом уже, через многие месяцы, я узнал из благоговейных рассказов соседей, что там, прямо надо мной, живут сами ОРТОДОКСЫ! Имя это пугало и завораживало, что-то эпическое рисовалось воображению, что-то грандиозное.

Так и вышло.

Мой новый друг познакомил меня с ними: мы пришли, они сидели втроём на двух кроватях, они были триумвират, ортодоксы – Зимин, Коровин и Асратян. Между ними стоял спирт рояль на табуретке (еще полкомнаты было уставлено пустыми бутылками из-под рояля), круглый чёрный хлеб из той же ближайшей булочной, немногословная беседа (дело шло к отрубу, как мне показалось), в общем, ничего интересного не припоминаю. Но это, действительно, оказались величайшие люди из всех, кого я тогда знал. А может быть, и посейчас я не знаю никого более великого. От общения с ними с меня слетела мишура злословия, потерял значимость для меня культ печали, депрессивности и суицида, коим я страдал, от общения с ними я очень захотел стать другим, и надеюсь, что стал.

Коровин и Асратян крестили впоследствии моих детей, прекрасная дама Зимина тоже – я всегда всеми силами хотел удержать товарищество с ними, всегда страшно гордился

тем, что они мои наиглавнейшие учители жизни, хотя ведь почти каждый, с кем близко столкнула судьба, учитель жизни...

Я опасаюсь слова «друг». Неясный термин с подозрительной начинкой – вроде и липнет вместе с ним паутина взаимообязанностей, а вроде и никто никому ничего не должен, встретились на пути – разошлись на пути. Вроде и чувствуется тут какой-то сентиментальный подвох, а вроде и пьяные слёзы всего лишь, и никакой сентиментальности, чушь одна. Вроде есть человек в твоей жизни, и всегда есть, выпиваешь с ним, общаешься регулярно, в гостях принимаешь по неделе, а вроде, раз – и нету, как и не было никогда, где-то на горизонте попрыгивает, резвится, по своим делам бегает, рукой помахивает иногда при случайной виртуальной встрече, и ты пятернёй тоже делаешь эдак – а сказать уже нечего. Вроде и есть много народных пословиц, «верный друг нужнее, чем богатый родственник», «ради друга терпи вьюгу», «человек человеку – друг, товарищ и брат», «новая подружка лучше старых двух», а вроде и нет таких пословиц, есть другие, тоже идиотские. Об отсутствии юридической силы дружбы или о сравнении её с родственными и межполовыми отношениями даже говорить не хочу, слишком сильный аргумент, удар ниже пояса.

Я так всегда думал.

Но со временем – лет пятнадцать-двадцать взрослой жизни должно пройти – со временем, не сразу, вдруг оказывается – да, можно сказать – что с некоторыми людьми у тебя есть – да, можно сказать – кармическая связь. Не просто так этот человек существует в твоей жизни, и про этих же людей – да, можно сказать – что они твои учители жизни даже точнее, чем друзья.

Но друзья – тоже – да, можно сказать.

Хотя вот так просто человека отрекомендовать «моего друга зовут Д.», как это делал КК, когда знакомил меня с какими-то девицами у кинотеатра «Художественный», я не смогу никогда, непременно выйдет чёрт-те что. «Моего друга зовут старина Ипп» – нет, полная ерунда. Или – «моего друга зовут КК» – просто смешно.

Я познакомился, наконец, со своими соседями по комнате, вначале с соседом. Наше знакомство состоялось, признаться, уже 2 сентября нового учебного года: я лежал в кровати, совершенно разбитый («я совершенно разбит» – жаловался через много лет мой университетский товарищ Вовка, с ним я учился после пятилетнего перерыва на работу с Мишкой Доктором), потому что накануне посетил день рождения, а может, день знаний у своего любимого репетитора – какие уж тут занятия! И тут из-за шкафа появился не в меру юный деловой гражданин. Он оказался мой однокурсник с романо-германского отделения и по совпадению земляком предыдущего хозяина этой комнаты, вещи которого занимали всё её пространство и будили во мне археолога. Первым делом он уличил меня в девственности и в мастурбации, затем сказал непринуждённо несколько фраз на английском, потом совершенно забил меня интеллектом и тут же оставил в полном и горьком одиночестве на полтора месяца: уехал в другое общежитие МГУ жить там со своими друзьями по Ташкенту.

Когда он вернулся с одним из своих друзей по Ташкенту вместе, я уже запил.

Это было прекрасно.

Я просыпался в женском блоке на другом этаже ногами на унитазе, головой в коридоре. Я выбрасывал из окна нашего одиннадцатого этажа всё, том числе однажды кропотливо собранную коллекцию бутылок из-под «Рояля» и водки, штук тридцать или семьдесят, оставил только бутылки из-под шампанского, которые нельзя было сдать (независимо от меня мой новый друг проделал то же – ведь мы были похожи как две капли воды), а в другой раз огромную азиатскую дыню, которую прислали соседу из Ташкента – вот это был ПЛЮХ! Я звал в гости своих школьных друзей, в том числе моего любимого одноклассника Дика, мы отчаянно бухали и орали не менее получаса, высунувшись в окно: «И пошли все на хуй! И пошли все на хуй! И пошли все на хуй! И пошли все на хуй!», затем

я порезался при открывании консервов и залил всю комнату кровью, а сентиментальный Славка Ржевский бегал вокруг и причитал: «Как же я допустил, что пьяный открывал консервы!» Однажды соседи по комнате устроили вечеринку с однокурсницами. Для знакомства с одной из них я избрал способ, который любой нормальный человек избрал бы на моём месте: лёг на неё, а затем заблевал. Я мог заблевать всю комнату и неоднократно это проделывал, отчего между соседями возникал конфликт – никто не хотел за мной убирать. Я ложился спать и угрожал соседям, что назавтра точно не проснусь, а почему – не объяснял. Я ел транквилизаторы, запивал их «роялем», затем впадал в священное беспамятство. Иногда мне рассказывали, что я творил, иногда ленились. Я ссал на стены спросонья и говорил в оправдание своих действий: «Как сумели, так и поссали». Я строил в коридоре общежития баррикады из стульев, столов и любых других предметов, чтобы никто не мог пройти, вероятно, под влиянием войны, которая тогда была (война была знатная), а может быть, просто так... В беспамятстве я особенно полюбил бегать. Как-то я проснулся в подъезде в незнакомом районе, дрожа – потом мне рассказали, что я очень ловко убежал от собутыльников, скрылся за углом и исчез, будто унесённый призраками. Меня искали всю ночь и не нашли. В другой раз я проснулся на дереве перед главным зданием МГУ и смекнул, что снова зачем-то убежал от собутыльников – вот, только что, я носил Голицына по первому гуманитарному корпусу, а он меня, вот мы подпрыгивали на большом сачке с Олегом Черняком и били по очереди по висящим высоко вестибюльным часам, и вот я уже на дереве, и темно. Однажды я быстрее ветра подбежал к знакомым, которые пили пиво у университета, схватил пакет, полный пива, и унёсся быстрее ветра – об этом вспоминал Макс Семеляк, а я позабыл, признаться. С самим Максом мы приехали раз в университет из общежития и стали всем рассказывать, что ночевали прямо в фонтане перед университетом! Наша смелая фантазия, наш отчаянный нонконформизм, наш дерзкий эпатаж не вызвал ни малейшего интереса. Все скучали, морщились и переводили разговор.

В другой раз мы приехали из общежития с Зиминым и соревновались, кто больше соберет денег со студентов и студенток любой степени знакомства, причём условились просить на пьянство и не ободрять надеждой, что деньги мы когда-нибудь вернём. Зимин выиграл – он собрал что-то около трёх тысяч, а я что-то около двух с половиной – тогда нам хватило на шесть бутылок крымского красного портвейна. Бутылочки, правда, были маленькие, но это тоже было вполне нажористо. Мы угощали этим портвейном всех в университете, потом у цирка, потом еще на остатки денег кормили Костину воблой в университетском гастрономе – потому что было великим удовольствием – наблюдать, с какой жадностью Костина лопает воблу.

В общежитии мы с Зиминым однажды завладели ключом от одной из комнат (отъехал сосед Мишки Доктора и опрометчиво оставил ему ключ), и пьянствовали там до утра с веселыми друзьями, слушали на проигрывателе Мишки Доктора (а может, Юли Г.?) «Песню о безответной любви к Родине» группы «Ноль» и «Транснадежность» «Звуков Му». С утра спим спокойно, вдруг в комнату входят коменданты трёх этажей во главе с нашим злейшим врагом, комендантом восьмого, по-моему, этажа – Татьяной Степановной (однажды я вписывался «у Алекса» на матрасике между этажами, потому что мне было совершенно негде спать, из университета я уже был отчислен, из общежития выселен, а из дома ушёл со скандалом, и меня разбудил душераздирающий крик: «Татьяна Степановна!!!» – ужаснейшее утро в моей жизни). Ну, мы ретировались, конечно, а ключ остался лежать на столе в комнате. После дня пьянства мы поняли, что можно выломать дверь в эту комнату и забрать ключ, а если нас потом уличат во взломе, не признаваться, говорить, что у нас есть ключ от этой комнаты, выламывать дверь в неё нам не было резона. Так мы и сделали, мы выломали дверь, нашли на столе ключ и пьянствовали в комнате до утра с веселыми друзьями, слушали на проигрывателе Мишки Доктора (а может,

Юли Г.?) «Песню о безответной любви к Родине» группы «Ноль» и «Транснадежность» «Звуков Му». Потом, правда, когда мы встретили Татьяну Степановну, нам не пришлось показывать ключ и аргументировать этим, что нам не было резона выламывать дверь: она издалека трусливо крикнула нам, завидев в коридоре: «Дрянь! Пьяницы!» и убежала. Мы основали потом даже «Дрянь & Пьяницы inc.», но дела быстро пришли в упадок.

Мне посчастливилось иметь фантастически широкую для общежития кровать, я сделал её кроватью для всех принцесс-на-горошине округи: сложил на неё шесть или семь матрасов, и думал учредить мемориальную доску с упоминанием всех, кто на ней спал, но поленился – спали слишком многие, и прежде всего мой новый друг, которому негде было жить. Однажды он по пьяни проссал наскозь все шесть или семь матрасов – неслыханный подвиг! В другой раз на ней спал десятилетний бомжонок, сбежавший из семьи, которого звали маленький Д. – кажется, это он заразил меня вшами...

Было всего гораздо больше, но упомнить всё невозможно, рыцарь закован в панцирь, из которого очень небольшой обзор происходящего, да и незачем всё помнить: достаточно этих немногих лёгких штрихов, чтобы понять – мой образ жизни был экстравагантен, и немудрено, что однажды соседи по комнате выкинули-таки злополучную кровать в окно, как бы намекая мне этим, что не очень хотят со мной жить... Тем более, что экстравагантность моя возрастала по экспоненте: я уже познакомился к тому времени со своей Прекрасной дамой, и мной овладело в связи с этим благородное помешательство, свойственное всякому нормальному рыцарю.

Это было – да...

Тогда случился мой день рождения, неизбежно пришёл, как регулярное стихийное бедствие, как ежегодная приливная волна на реке Фучуньцзян. За день до намеченного на субботний день обширного мероприятия мой новый друг с Андрюхой Путилиным спали в обнимку в комнате сбоку, залитые томатным соком и спиртом-рояль – следствие многодневного тяжёлого увлечения «кровавой Мэри». Из своей комнаты я услышал стук в коридоре блока – в одиночестве я часто слушал, что происходит в коридоре блока – нежный девичий голос звал моего нового друга. Я сразу догадался, кто это. Он часто рассказывал мне про свою «жену», так он её называл, даже показывал мне какие-то слайды, сделанные летом в Крыму, сулил нудизм, но на них совершенно ничего не было видно, его это тоже раздражало. А еще я знал, что на данный момент они находятся в размолвке – сентиментальный Славка Ржевский, сидя у ортодоксов, сильно горевал, что они же были когда-то неразлей-вода, неразлей-вода, и сам друг, указывая на одной из пьянок у Ван Гога на Анечку рыжую в отрубе, говорил, что из всех баб она единственный нормальный мужик, из чего было косвенно ясно, что он в размолвке, да и Костина, там же присутствовавшая, тогда же впервые мной увиденная, ругала его за плохое поведение.

Я выглянул опасливо в коридор блока и увидел девушку, которая мне очень понравилась, да. Она стучала в дверь напротив, тогда как надо было входить без стука в дверь сбоку. Я указал ей, где искать искомое. Тогда мы ещё не познакомились.

На следующий день мы не познакомились тоже. Было обширнейшее мероприятие, обширнейшее. Я, как обычно, позвал всех друзей и строго наказал им, как обычно, вести с собой всех своих друзей, чтобы появлялись всё новые люди для приятного общения, а что может быть важнее приятного общения! В общем, пришло человек семьдесят, мы славно нажрались, так что я почти ничего не помню, помню только, что уже в глубокой ночи мы проводили время вшестером под Янку Дягилеву и Егора Летова, бесконечно вращающихся на повторе на двух сторонах одной кассеты: спящий на кровати мой новый друг, на той же кровати слившиеся в поцелуе Мишка Доктор и моя однокурсница Юля Г., с которой мы познакомились здесь же незадолго до того, и мы втроём, я и два моих одноклассника, у их ног.

Вдруг мой новый друг проснулся и в одно мгновенье отбил Юлю Г. у всех нас, бодр-

ствовавших, и увёл на седьмой этаж к Ван Гогу, где тогда вписывался, вот какой удалец! Мы, остальные, несолоно хлебавши, опочили.

И вот приходит 28 марта 1993 г. (вам уже, возможно, показалось, что все памятные события моей жизни происходят 28 числа или я так хочу представить. Это не так. Обычное совпадение. В будущем я непременно нарушу череду двадцать восьмых чисел. У нумерологии столько прославленных адептов – от св. Иоанна «Кто имеет ум, тот сочти число зверя» Богослова до Велимира «Я всматриваюсь в вас, о числа» Хлебникова, что нельзя на этих страницах не отдать ей дань. Ну, будем считать, дань отдана). Поутру вдруг разносится слух (кажется, Мишка Доктор его разносит): мой друг и Юля Г. находятся в милиции! Оказывается, ночью они пришли в комнату на седьмом этаже у Ван Гога, где вписывался мой друг, но ключа у него не было, они выбили дверь и предались уединению. С утра пришли коменданты вместе с милицией и насильно увезли наших героев. Как же так, наша прекрасная дама, цвет наших ночных эротических фантазий, в заключении (о друге мы не думали ни секунды)! Надо её вызволять!

И мы идем в это отделение. Надо сказать, что конец марта – самое отвратительное время года из всех возможных. Сейчас-то, в связи с глобальным потеплением, еще случается, что и в конце марта можно прогуливаться по улицам не замочив ног, но в те далёкие времена еще не отделилось вполне небо от земли, отчего эта последняя была очень влажной, мы не менее получаса вышагивали осторожно по снежным мокрым асфальтам солнечного утра, пока наконец в здании наподобие детского садика не обнаружили отделение. Милиционеры сказали, что штраф за вызволение нашей музы будет равняться 1024 рублям. 1000 рублей немедленно дал Мишка Доктор, и мы втроём насобирали 24.

Выяснилось, однако, что подлые милиционеры даже не дали девушке обуться, когда уволакивали за волосы из комнаты в отделение. Мы пошли обратно за обувью для прекрасной дамы, но по дороге поняли, что не в силах снова идти в отделение, нести обувь и прочие тягостные хлопоты, короче, мы пропили эти деньги, пропили Юлю Г., как раз вышло на две поллитры украинского спирта.

После этого мы пьянствовали у меня – продолжали праздновать день рождения – а как же! День рождения нельзя праздновать менее недели, как и Новый Год, иначе это не день рождения, и не Новый год, а тьфу! – плюнуть некуда, как говорил Вадим Владимирович Полонский про Мишеля Фуко. Здесь были многие – ортодоксы в полном составе были, мои соседи по комнате присутствовали – а куда ж им деваться! - мои соседи по блоку (сентиментальный Славка Ржевский, Рашид и Путилин в отрубе), Мишка Доктор был, мой однокурсник Андрей Новиков наблюдал это всё, мои одноклассники Дик и Скуратов, конечно же, одноклассники Зимина Сидоров и Жирный, одноклассник Коровина Олег Ильич Перфильев восседал, спящий пьяный Алекс рядом со спящим пьяным Алдром Алдрычем Малиновским, маленький бомжонок Д. бегал, здесь же был и прославленный аферист отец Даниил, который обещал увезти бомжонка с собой в несуществующий монастырь и подкупил моих одноклассников знанием Электростали – он рассказывал, что был там на похоронах своего друга-афганца, и потому так хорошо знает город, даже до тонкостей.

На самом же деле он сам был наш земляк, хотя косил под натурального монаха, окал по-северному, упоминал всё время некую монастырскую братию с пятью литрами анисовой настойки (прямо как Толик своих пареньков), и вообще, не менее месяца пил с нами, уезжал по делам (как потом выяснилось, когда уже его и след простыл, крал какие-то иконы под видом экспертизы и прочие ужасы), возвращался со спиртом-роялем и монастырскими огурчиками к нему, говорил, что мы, студенчество, пьём не хуже, чем монашество, крестил даже Рому Проколова, а крестным отцом был Мишка Доктор (Рома потом очень волновался, что принял крещение от жулика, и в этом видел корень своих жизненных неурядиц). Но у нас он ничего не украл, кроме паспорта Путилина. Возможно, потому,

что взять с нас было нечего, но скорее всё же мы были для него капризом художника, ему было приятно кирять в нашей компании, вот и всё. От него я помню выражения «Пусть сначала дама свой таз устроит, потом уж я усядусь», «хозяйство вести не мудями трясти» и «Сидоров-Сидорини».

Мне тоже было очень приятно кирять в такой выдающейся компании, так что только часа через три, когда уже кончился спирт, я смог оторваться и пойти к соседкам Юли Г., сказать им, чтоб несли ей в отделение милиции обувь и 1024 рубля штрафа. Они меня очень благодарили, тем более, что я лично вызвался показать дорогу в отделение – мы шли по снежным асфальтам и лужам весеннего солнечного дня не менее получаса до отделения, я заодно провожал гостей до метро, которое было по дороге.

И вот, когда я вернулся, то снова увидел девушку, которая мне так понравилась позавчера, она стучалась на этот раз в комнату Путилина, комнату сбоку. Я указал ей на её ошибку, объяснил, что обращаться по поводу местонахождения нашего общего друга надо всегда непосредственно ко мне, и взял в оборот – мы собрали в мою сумку вещи нашего общего друга и несли ему в отделение по весенним снегам и лужам солнечного вечера не менее получаса, потом шли обратно – его не отпустили – потом мы пили у меня, потом у ортодоксов, потом я пошёл её провожать до дому, там мы слушали «Дорз» (меня очень удивил этот способ слушать музыку – во время общения, я никогда до этого не слушал музыку одновременно с разговорами), и я прыгал до потолка (пытался допрыгнуть, я высоко прыгал тогда, но до потолка 3.50 не допрыгнул, конечно), потом на следующий день мы вместе поехали провожать нашего друга, вернувшегося из неволи, на вокзал, и по дороге я понял вдруг, что это моя будущая жена и мать моего первого ребенка (баловался тогда с визионерством), потом, 6 апреля, мы встретились в университете, и я понял, что то чувство, которое я испытываю, называется любовью, потом, 15 апреля, был её день рождения, в тот день мы познакомились с дальним приятелем Анечки рыжей Малышком, который бесконечно в буфете на втором этаже пел песню «Город N», и Джорджиком, который играл на Арбате и предсказал мне по руке, что я не умру в ближайшее время, как бы мне этого ни хотелось, потом, 18 апреля, было официальное празднование её дня рождения, и я прыгал на рельсы в метро Кутузовская и шёл навстречу поезду (третья неуверенная попытка свести счёты с жизнью в памятном 93-м году), потом был кризис 28 мая, и Костина (через полгода она шла по улице, упала и умерла. Перелом основания черепа – болезнь, от которой нет лекарства), и Костина ругала меня за плохое поведение у Мишки Доктора, пока я сидел, копил гнев и злобу: «Ты зачем свою прекрасную даму на хуй послал?», а я не посылал, точно, я только Алекса покалечил, но это научило меня в тот же день действительно её послать, так обычно и бывает, много раз так со мной было, чтобы меня упрекнули в чём-то незаслуженно, а я потом до этого намеренно дослужился, потом я бухал с Малиновским и гулял вдоль речки в Кунцево, и это было очень значимо, у меня было как никогда много врубов от этой речки, потом ушёл из дома (громкая была история с участием моего любимого одноклассника, моего нового друга и его новой пассии Лены – я их всех побрил своеобразно у себя дома, запив мамины транквилизаторы горькими настойками, и сжёг волосы, а еще сжёг все кассеты и прожёг стол, а потом обиделся на родителей за их мещанскую сущность и манерно их покинул) и поехал в Питер впервые в жизни с Дюшей Басистом и его прекрасной дамой, потом вернулся из Питера с прекрасной дамой Дюши Басиста, потом мы с будущей женой помирились 17 июня, потом мы бесконечно пили, сдавали бутылки и пили с нашим другом и с Анечкой рыжей, сдавали с Диком бутылки, накопленные родителями на даче, и бесконечно пили, это было в тот год страшно выгодно – сдавать бутылки, бутылка составляла половину стоимости пива, но пили мы и вермут, как-то 8 бутылок купили, 2 по пьяни разбили, пили на чердаке, пили в подъездах, пили на полу в ортодоксии, пили в инженернике (сидоровнике), а Алекс – сам Алекс! – рассказывал нам свои несмешные анекдоты, но мы очень смеялись, нам было

очень весело, очень смешно тогда нам всё было вдвоём, потом она уехала в экспедицию, и мы договорились, что она вернется 17 августа, то есть мы не договорились, это я так договорился, я почему-то так решил, что мы встретимся 17 августа, а она не вернулась, и 17 августа я ушёл в запой, страшнейший запой до блох на руках, а 2 сентября она вернулась, и уже навсегда – нашей встрече сопутствовал салют на День города.

В общем, мы поженились с разницей в неделю в следующем мае – я на своей жене, а мой друг на Юле Г. Мы потом виделись один раз как-то с другом и Юлей Г., ходили с Мишкой Доктором к ним в гости, я заблевал их матрас, который накануне заблевал сам Малиновский, и всё. Где-то они сейчас...

Зимин выразился при случайной встрече в том духе, что для него это всё было в другой жизни или наподобие того. Я не могу уверенно про себя сказать, что я теперь другой и жизнь моя другая, не то чтобы это какая-то «верность себе» или «я не изменился», или моя биография совсем не сделала крутых виражей (хотя даже Прекрасная дама носит те же имя и фамилию, вот ведь!), или я смотрю на себя тогдашнего и неодобрительно/одобрительно цокаю языком, качаю головой и говорю: «Это была молодость, обычная молодость, как у всех, мы, как все, побывали на гребне большой волны, и вот эта волна ушла со звуком пустеющей раковины, а может, с еще более нежным звуком слива толчка, столь похожим на аплодисменты, а может...«, нет, при всей жажде изменений, которые я так люблю, что предпочёл им даже покой, волю и счастье, при всех кульбитах, которые выделывают мои занятия и мой круг (здесь должна быть ссылка на сайт «мой круг»), при всей моей востребованности и невостребованности я довольно жаден до фактов своей биографии и не готов отказаться ни от одного из них, не готов признать его фактом другой жизни, я скорее присвою себе факты из всех жизней всех окружающих меня людей, я скорее причислю к своей биографии факты из всех воплощений во всех мирах просветления, я скорее посчитаю совокупную карму этого мира своим личным опытом (интересно, треснет морда или не треснет?), чем признаю, что да, теперь уж всё не так, как было, это другое, не сейчас об этом, спасибо, «витамины мне сейчас ни к чему» (так Вундик, уличный музыкант, мой друг, формулировал однажды отказ от лимона в чай).

Мне, да, знакомо чувство ностальгии по «было», но испытываю я его обычно странно: я прямо сейчас смотрю на себя глазами далёкого будущего и представляюсь себе в ореоле древнего мифа, весь в подвигах золотого века, патриарх рода, через которого, как через пояс песочных часов, перетекает живой песок старшего поколения - лица темнеют и теряются - всё шире и шире вверх, дедушки и бабушки, прадеды и прабабки, в геометрической прогрессии, - этот песок течет через меня вниз, в светлые орды правнуков, лавины потомков, глазами которых я смотрю на моё время, когда небо еще только отделялось от земли и эта последняя вся покрылась асфальтом в болезненных вертикалях города, и я пытаюсь, тщетно пытаюсь зафиксировать для них каждый миг моей жизни, всеми способами донести его, как вот сейчас – я могу сидеть на кухне и писать, и фотографировать, и снимать видео, и записывать аудио этой внутренней жизни – и как всегда, когда слышны девичьи вопли под окном, и ночь, и лампа, и трепет холодильника, и все близкие рядом и далёко, и благодарность, и печаль, и ночная молитва...

Конечно, я допускаю купюры, я очень спешу, у меня совершенно нет времени донести всё во всех подробностях, даже просто упомянуть, а у читателя нет и не может быть времени вникнуть во все намёки, разобраться во всех деталях, вышедших из моего организма, поэтому задача предельно упрощается – нужно так, одним махом, передать всё, да и только - а как же иначе!

И вот мы с вами уже состоим в передаче, и вот мы с вами уже в грандиозном телевизоре, в некоей мега-трансляции, нужно её всего лишь ощутить, эту трансляцию – что может быть проще!

Теперь, когда внушаемые стали особенно внушаемы, а невнушаемые стали особенно

настороженны и подозрительны, и в воздухе запахло сектой («секта из одного человека» любил я называть старину в период особенно горячей его проповеди), запахло подлинной радостью бытия, запахло приходом и мистическими откровениями, теперь пришла пора рассказать, что делали я и моя жена после встречи с Тарасом на ступенях ЛЭТИ (Ленинградского электро-технического института) – в нем еще мой дедушка учился, на улице академика Попова.

«На ступенях ЛЭТИ» проводился тогда очередной фестиваль возни под одеялом, то есть, прошу прощения, очередной фестиваль русского андеграундного рока, ступени ЛЭТИ оказались каким-то заброшенным пустырём с явственными признаками свалки мусора на том же самом месте, с которого я фотографировал фабрику на Выборгской стороне за два дня до того, мы бы ни за что не пошли на сие славное мероприятие, но тем солнечным летним вечером, полным зелени и пыли, там должна была выступать группа «Ключ» с моей женой на подпевках (не на подпевках, а в солистках – прим. жены). Группа «Ключ» прибыть не смогла, она не добралась из области с другого фестиваля, так что мы по мере сил насладились искусством других исполнителей, после чего отправились вместе с Тарасом в гости к старине лопать питерскую кислоту, она же ПиСиПи – пришла пора.

«. . . мы бы ни за что не пошли на сие славное мероприятие, но тем солнечным летним вечером, полным зелени и пыли, там должна была выступать группа «Ключ» с моей женой на подпевках (не на подпевках, а в солистках - прим. жены).»

«. . . ступени ЛЭТИ оказались каким-то заброшенным пустырём с явственными признаками свалки мусора на том же самом месте, с которого я фотографировал фабрику на Выборгской стороне за два дня до того. . . »

«На ступенях ЛЭТИ проводился тогда очередной фестиваль возни под одеялом, то есть, прошу прощения, очередной фестиваль русского андеграундного рока. . . »

Набережная реки Карповки, д. 9.

«. . . теперь пришла пора рассказать, что делали я и моя жена после встречи с Тарасом на ступенях ЛЭТИ (Ленинградского электро-технического института) - в нем еще мой дедушка учился, на улице академика Попова.» На набережной реки Карповки, на фоне дома No.7.

Вот это был, я понимаю, трип! Всем трипам трип! Вообще со стариной совершенно невозможно триповать, он большой любитель жести, всё-то ему мало, всё-то он выпендривается и просит еще, а в другой раз ему вдруг становится невероятно сложно, и снова сыплются упрёки, снова его совершенно всё не устраивает, особенно поведение тех, с кем он трипует, в общем, это невиданная мука для всех. Даже и алкоголь-то с ним не особенно попьёшь, случалось и по морде получить, что уж говорить о вещах, истончающих психику, совершенно истончающих психику!

Только таблетки я всегда готов есть со стариной – только этому мы смогли научиться с годами, и других научить, в этом, наверное, залог успеха нашей секты, её питерского филиала под ревностным управлением старины и московского филиала под моим чутким руководством, мы вместе со стариной столько съели таблеток и столько людей ими накормили, и научили кормить других, мы такие славные пропагандисты таблеток, что просто душа радуется, не зря жизнь прожили, что уж говорить. Случалось нам накормить ими до пятнадцати человек за раз на какой-то заброшенной крыше весенним деньком, а в другой раз мы накормили маму старины и еще шесть человек, а однажды мы наладили могучие поставки таблеток на мою родину, и преуспели в этом, а в другой раз мы накормили целую свадьбу, ах, как это было мило, какие же мы молодцы!

Помню первый день новой эпохи, счастливую зарю психоделической революции – приехал ко мне старина и с осторожностью – с осторожностью! – предложил впервые отведать таблетки, и были это «белые клевера», - с осторожностью! – я не знал, что это, только слышал краем уха про какие-то экстази (название-то какое отталкивающее, почти порнография!), Топор, помнится, называл цены на «Джанни Версаче», КК рассказывал про них смешную историю (лень сейчас её вспоминать, хотя смешная), слухи, конечно, доходили, что такой дискотечный кайф, что молодёжная хрень, не для серьёзных психонавтов, не для зрелых приходавтов, не для идейных охренавтов. Я, даром что раб стереотипов, конечно, с любопытством отведал эти белые клевера, – и – опа! Вот это да! – как же мне они понравились, как полюбились! Я сказал старине: «Это здорово! Это прекрасно! Отлично! Великолепно! Просто супер! За! Е! Бись! Я в восторге! Пойдём в магаз!», и необычно робкий старина – привёз отведать – с осторожностью! – ответил: «Как же мы пойдём, ведь у нас расширены зрачки?» И я рассмеялся. Я смеялся, как добрый дедушка Ленин и его ходоки, и смех мой неистовым звоночком разносился по дому, пугая детей, и когда, наконец, я отсмеялся, то воскликнул, что нам всё нипочём, абсолютно всё, без малейших ограничений, что уж говорить о таком пустяке, как магазин с его славными продавцами, нас полюбят, как родных, в этом магазине, как минимум. И так далее.

Я понял тогда, сколь это замечательная вещь, понял раз навсегда. Нет смысла перечислять все названия и цвета таблеток, какие потом были, список не то чтобы безмерен, просто зачем! – у каждого он свой, этот список, у каждого в нём свои зарубки на сердце... Хотя... Нельзя, конечно, не сказать про самые памятные – про белые клевера, про розовые Y2K нельзя не сказать, про синие пентаграммы, про большие зеленые лакосты (ссылка на сайт лакост), про двойные толстые пацифики на новый 2006 год, про евро зеленые, а потом красные, про двойные синие тойоты (ссылка на сайт тойоты)... Да что уж там!.. Слёзы каплют на клавиатуру... Я никогда не отказывал себе в удовольствии раздавать эту вещь людям, и ни разу не пожалел об этом, а только всякий раз убеждался в правильности выбранного пути, и всем советую так делать, и только так!

В этом смысле я даже готов стать немного прогрессистом. Замечательные изобретения есть на свете, друзья, надо учиться ими пользоваться, друзья!

Только маму мне пока не удалось накормить таблетками. Это, конечно, большая травма для меня, большая пробоина в моём жизненном корабле, большой проёб, выражаясь в терминах старины, ну что ж поделаешь – чтобы творение осталось в вечности, не стоит доводить его до конца, наверное, так. Не могу же я накормить таблетками всех людей на

свете – кто-то должен остаться не охвачен, и именно что не какая-нибудь малознакомая тётя, а собственная дорогая моя мамочка, цвет моей биографии, да нечего объяснять – что такое мама для человека, все знают без меня. И можно уж представить, какое значение для меня имеет, что моя любимая мама до сих пор не ела моё любимое МДМА! Может, хоть этот набросок сподвигнет её! В этом, может быть, одна из единственных целей данного краткого текста, называемого «Петербург-2»! Надо маму в Питер свозить, вот что я понял сейчас! Пусть у моей мамы тоже будет свой Петербург! Так и сделаю...

Что и говорить, есть у меня в мире химии организма любимчики – это таблетки те самые, назовём их таблетки счастья на основе МДМА, трава, 2-СВ и ЛСД, ням-ням, а есть, конечно, нелюбимчики – кофе, табак, амфетамин и пиво – мне не нравится, как они действуют на химию организма, прямо очень, полное отторжение, яд (к нему, конечно, иногда тоже толерантность не повредит, но это другой вопрос, совсем другой вопрос). Поэтому я всегда пропагандирую в пользу первых и против вторых (кофе, например, - вы знаете? - повышает у беременных вероятность выкидыша в два раза, а в пиве – да-да! – содержится алкалоид изоморфин, почти морфин и т.д., ну про любого можно насобирать компромат, не в нём дело), иногда даже появляется соблазн их запретить к употреблению хотя б в моём доме или в моем присутствии. Остальные – с ними сложнее. Есть какая-то польза, есть немного вреда, иногда даже много того и другого, но без такой для меня очевидности и пристрастности, как здесь.

Возьмём для примера грибы. Это очень коварные создания, даже самые обычные колпаки, что уж говорить о псилоцибиновых. Псилоцибиновые – обманщики известные (они, кстати, даже общеупотребительного русского названия не имеют, очень подозрительно – «псилоцибе»? «псилосубы»? «веселушки»? «волшебные»? «те самые»? – во всех источниках по-разному), такие сказки рассказывают, что даже профессора психологии уши развешивают, что уж говорить о менее образованных людях, типа Фёдора Чистякова Мою жену однажды обманули самые обычные колпаки, а вы говорите. Мы жили на даче, я, моя семья в полном составе, плюс КК, Тарас и мой брат, и тут жена насобирала колпаков, мы их пожарили и съели. А у тестя на даче очень много грибной литературы, даже воспетая Венедиктом Ерофеевым книга Солоухина «По грибы» имеется, и вот в одной из таких учёных книг после сытного грибного ужина жена разглядывала картинки, и говорит: «О! Вот такие грибы мы сейчас все поели» – и подпись под картинкой – «Бледная поганка». Далее случился стремак. Мы узнали в деталях о том, как действуют бледные поганки (ужасно. Они начинают действие, только когда уже полностью переварились – вещество из них поступает в мозг, и кровь начинает неумолимо сгущаться, отчего человек умирает. В зависимости от количества действие может начаться раньше или позже, до 72 часов, но начнётся непременно, минимального количества не существует. Спасти может только полное переливание крови, но не всегда). Ближайшие 72 часа мы провели философски. В общем, оказалось, что книга старовата, и картинки в ней напечатаны с не слишком точной цветопередачей, а может, они пожелтели от старости, короче, бледная поганка выглядит не так, как там было на картинке, так выглядит гриб-колпак. Жена до сих пор грибы ни собирать, ни есть не соглашается, говорит, грибы её не любят и обижают. А вы говорите, психоделики. Хотя, конечно, и сказки их посмотреть бывает интересно, да и экстазы (вот к ним это словечко даже больше подходит) случаются от них нешуточные, прям позвоночный столб пронзает кундалини какая-то, и вообще вещь любопытная, что уж там, я в ней так и не разобрался до конца, может, оно и к лучшему.

Или вот такая вещь как воздух. Слишком большая зависимость, на мой взгляд, слишком много неясных компонентов, слишком остро иногда он приправлен, слишком отравлен в городских колодцах, но ведь и вдохнуть иногда куда как приятно – вечером в лесу вдохнуть, глаза закрыть... Или в новом вагоне метро на новой ветке метро... При входе в свой дом, давно покинутый... К любимой прижавшись, прямо в макушке его найти... В

фотомагазине кислый его запах ощутить... Морской воздух, сосновый воздух, кипарисный воздух, воздух весеннего дня, воздух осеннего дня, смолистый воздух вокзала, когда покидаешь всё и вся, воздух сухого пыльного чердака в старом доме, где ты живешь, ушедши отовсюду навсегда... Воздух покинутых снов, где обитаемые руины подозреваются в огромном светлом пространстве скал, где города и солнечная война...

Война – странен её воздух...

Была ведь в моей истории и война... Надо же... Настоящая солнечная война...

Было так. В том же памятном 93-м году (можно было б целую книгу про него написать – «Девяносто третий год - 2», но мне не настолько близок жанр духовного сиквела, чтоб всё время в нём выступать, тем более, что про всё можно написать целую книгу, были б задатки графомана) случилась небольшая война в одной из европейских столиц, и надо же было такому совпасть, что моя будущая жена жила в эпицентре этой войны – возле так называемого «Белого дома».

Как я его не любил с первой же нашей встречи! Как его проклинал! Как махал в его сторону кулаком и желал ему вслух, чтоб лежал в руинах! В общем, это всё сбылось. Я стал осторожнее с тех пор с пожеланиями. Но потом мы переехали к Останкинской вышке и тоже она мне не полюбилась, главная мозгоёбка страны. И в том же году сгорела. Потом я острил, что хочу переехать с видом на Кремль.

Вообще в нашей секте все страшно глазливые. Про книгу смерти моей жены я уже упоминал – в неё входят все, кто обижал мою жену в течение жизни, обычно невольно, и несладко же им живётся, бедолагам... Или вот мой друг и учитель. Есть даже видеозапись, где он скандирует у меня на кухне: «Ло-бо-то-мию Ходорковскому! Ло-бо-то-мию Ходорковскому!» – тогда еще Ходорковский был процветающим бизнесменом, но на беду свою купил зачем-то вуз, в котором мой друг и учитель преподаёт спокон веку и страшно при этом не любит бизнесменов, скупающих вузы. Через месяц над головой Ходорковского грянул гром. До сих пор по тюрьмам мыкается и не факт, что избегнет лоботомии, не факт. В другой раз друг и учитель, как и все мы, по аське получал спам от центра американского английского, только в отличие от всех нас, он на эти сообщения всякий раз отвечал краткой фразой: «Смерть спамерам» – несуществующему роботу всякий раз в пустоту посылал: «Смерть спамерам. Смерть спамерам» – меняющей ежесекундно адреса программе без устали писал: «Смерть спамерам. Смерть спамерам. Смерть спамерам.». В общем, убили главу этого центра американского английского. Забили до смерти. Или вот побывал в гостях у моего друга и учителя человек по имени Джокер, он и у меня в гостях бывал, и у моей свояченицы с племянницей. Славен он был тем, что, прямо как Шурик Пермский, не знал никакой меры в выкуривании хозяйского гашиша. Очень огорчил он этим и другими неблаговидными поступками друга и учителя. Друг и учитель сказал ему раздельно: «Не хочу. Тебя. У себя. В гостях. Больше. Видеть. Не хочу». На следующий день Джокеру дали 11 (одиннадцать!!!) лет за амфетоз. Это ж больше, чем за убийство, а то и за два! Ну и нынешнее наше правосудие, конечно, это пинцет. Мне частенько какие-то повестки в суд шлют, думаю даже иногда, сходить, что ли... Но нет – хрен. Сильно если я им нужен – пусть ловят меня, пусть ведут. В общем, нескоро Джокер к другу и учителю в гости попадет.

Я сам тоже, помнится, поучаствовал в уничтожении одного белого мага. Ну, магия, как известно, магия и есть, хоть белая, хоть прозрачная. Я в действенности магии не сомневаюсь – только в 2009 году носители георгиевских ленточек добились своими магическими облачениями победы ФК «Шахтёр» в кубке УЕФА (у него ведь цвета георгиевской ленточки, чёрный и оранжевый, да?) и взрыва газопровода в Москве с вечным огнём до неба, - я сомневаюсь исключительно в пользе от её применения для души. Но моя бабушка – большой любитель физического здоровья – научила меня совету от Юрия Лонго – произносить всё время для стимуляции работы сердца такую мантру: «Тепло, кровь, сердце,

сила». Я, конечно, стал с удовольствием её произносить на концертах своей группы, и все кто её слышал, тоже, про себя, конечно, повторяли – закон восприятия речи. А поскольку Юрий Лонго маг, все заклинания, им придуманные, направлены на него самого – понятно, что энергия от этих мантр стимулировала прежде всех сердечную деятельность самого Юрия Лонго. Вот он и достимулировался – сердечко не выдержало – столько поклонников моей группы слушали и повторяли вместе со мной при прослушивании концертов и записей «Тепло, кровь, сердце, сила». Совет магов вынес диагноз: «Энергетический удар». Еще бы!

В общем, знал бы я, что разрушение Белого дома будет связано с такими заморочками, ничего бы ему не желал, ни хорошего, ни плохого, ходил бы мимо, глаза отводил. Но вышло иначе.

21 сентября 1993 года вышел знаменитый Указ Президента РФ № 1400 о разгоне Парламента, этот указ был такой славный, что потом пришлось переделывать Конституцию страны, до того он не соответствовал Конституции, имевшейся на тот момент. Я даже специально читал из любопытства тогдашнюю Конституцию (редакция от 10 декабря 1992 года) – действительно, указ № 1400 полностью противоречит её статьям о полномочиях Президента и Верховного Совета в РФ. Этим указом Президент вообще упразднил своё президентство: там, в Конституции, так и было написано – Президент не имеет права роспуска либо приостановления деятельности Съезда народных депутатов Российской Федерации, Верховного Совета Российской Федерации (Статья 121-5, п. 11), и если Президент начнет нарушать Конституцию, в частности, начнёт приостанавливать деятельность Верховного Совета или его распускать – он больше не Президент, его полномочия прекращаются немедленно (Статья 121-6), потому что его указы противоречат Конституции, и в этом случае действует норма Конституции, а не указы (Статья 121-8), и он может быть отрешен от должности, если нарушает свою присягу исполнять Конституцию (Статья 121-10). Обязанности Президента исполняет тогда вице-президент (Статья 121-11). Более того, указ противоречил еще и решению всероссийского референдума. За полгода до этого всенародный референдум проголосовал по-библейски – «Да, да, нет, нет», этим самым он выразил доверие президенту и его политике, и отверг необходимость досрочных перевыборов президента и парламента. К слову, за два года до этого был еще референдум, стоит ли оставить СССР, или лучше разогнать – народ решил, что лучше оставить. Короче, оба результата этих всенародных референдумов были отправлены власть имущими в то место, которое находится под хвостом у кота (в жопу – прим. автора). Правда, еще потом был референдум по принятию новой Конституции, он полностью противоречил всем возможным правовым нормам: был инициирован Президентом, а не депутатами; проголосовало большинство не от числа избирателей, а от числа голосовавших, поэтому референдум назвали «всенародным голосованием», чтоб обойти эту проблему; от участия в голосовании были отстранены участники октябрьских событий на стороне Верховного совета; бюллетени были уничтожены; экспертная группа при администрации Президента впоследствии обнаружила и опубликовала выводы о масштабной фальсификации результатов референдума, в частности, согласно её заключению, в референдуме участвовало не более 46% избирателей, что аннулирует его результаты, и т.д. и т.п (экспертов сразу уволили).

И после этого меня спрашивают, за кого я голосовал на последних выборах! Блин! Эта лажа с всенародными референдумами только одна из восьми тысяч причин, почему я не никогда не ходил на выборы и никогда не пойду. Можно, конечно, на благо государства и в целях государственной безопасности убивать, совершать насильственные действия, клеветать, предавать, пытать, заниматься доносительством, шпионить, казнить, грабить, разбойничать, голосовать и прочее – заслуга известная, очень многие, я знаю, этим занимались, и занимаются, в определённых кругах (ада – прим. автора) это уважаемые люди.

Но поскольку у меня есть возможность от этого воздержаться, я воздерживаюсь, спасибо. Грехов хватает и без этого, спасибо. Поддержка кровавых монстров и участие в их играх, пусть даже на правах подопытного кролика, не входит в мои интересы, спасибо. Я не голосую никогда, спасибо.

Верховный совет тоже поступил замечательно: сначала всё было как по писаному, толстовское непротивление злу насилием, неколебимая кротость перед лицом преступных злодеев, мирные выступления вице-президента с балкона Белого дома (в соответствии с законом и решением Конституционного суда РФ он исполнял, как умел, обязанности Президента), и Председатель Верховного совета тут же вещал под шумное одобрение граждан, я сам это видел, всё бы ничего, Москва бурлила, Питер митинговал, во всём государстве начался нешуточный кипеш (или правильно писать кипеж?), церковь уже побежала мирить непримиримых, мировое сообщество заволновалось, армия начала уже было разделяться... Но всё-таки сдали нервишки, не выдержали защитники Белого дома психологической атаки, доверились провокаторам, решили, смелые, напасть на главную мозгоёбку страны, Останкинскую вышку, и вице-президент, исполняющий обязанности Президента, военный человек, с усами даже, солидный – и сам отдал приказ идти в атаку и рассказать гражданам правду прямо по телевизору, а то до сих пор по телевизору правды они не видели, ай-яй-яй, как наивно пытаться рассказать правду по телевизору! Давно ведь известно, что телевизор – нечистый сосуд для отравы населения, и любая информация, попадающая в него, переваривается демоном телевидения, всё полезное он усваивает, чтоб ещё вырасти и окрепнуть, а всё вредоносное брызжет из его зловонного зада прямо в лицо зрителю, дабы поработить и заставить себе служить.

Тут-то смельчаков и порешили, конечно же...

Сразу после указа, 21-22 сентября, всё было довольно весело – иностранных журналистов больше, чем защитников, бабушки в коробках из-под холодильников перед кострами сидят, греются, баррикады строят из подручных железячек, тусовка на площади и в скверике перед Белым домом – красота!

Это называлось у нас «бухать на баррикадах» – мы приходили с прекрасной дамой, с Костиной, с Тоней, встречали там каких-то маленьких панков (панки всегда маленькие – это так мило) и пели с ними у костра панковские песни, встречали каких-то гопников, которые мыслили себя защитниками Белого дома, без пяти минут армейцами, и ничто, казалось бы, не выдавало в них гопников, они присели вокруг нас дружной стайкой и поинтересовались вежливо и строго, кто мы такие и что тут делаем («да мы так, никто, просто бухаем»), но один всё же не удержался, спросил по гопнической привычке, почему у меня волосы длинные (тогда я еще знал ответ на этот вопрос), но не успел я рта открыть, как другой гопник, уже мыслящий себя дисциплинарно, прикрыл вдруг эту тему. А я любил тогда в беседах с гопниками распространяться на темы вольнодумства, поэзии, близости культуре, о рыцарстве, благородстве, средневековье, монашестве, художниках и всём подобном – однажды я при одной прекрасной даме так лихо отбазарился от гопников, что даже надеялся на взаимность, но она выбрала другого товарища, проявившего себя с гопниками поскромнее, чуть ли не под столом сидевшего, пока я от них отбазаривался, эх!

Началось с того, что мы встретили на баррикадах Федю Восьмиклассницу с его каким-то гомосексуальным другом. Гомосексуализм тогда уже вошел в моду (а может, он из неё никогда не выходил, просто я об этом ничего не знаю?): у нас в общежитии жил всемирно известный гомосексуалист Саша Иванцов, а мои однокурсники соорудили даже из своих кроватей огромное двуспальное ложе прям в центре своей комнаты, мной, кстати, тоже они живо интересовались – 17 лет! – но я почему-то никогда не имел склонности к гомосексуализму, хоть режь, впрочем, еще один однокурсник говорил мне (после того, как мы по его настоянию выключили свет в комнате и прилегли друг напротив друга), что

сексуальная ориентация окончательно формируется у человека только к 21 году, никак не ранее, нельзя так безапелляционно... Видимо, я всё ж исключение из этого правила, я неравнодушен к женщинам с самого рождения, с тех самых пор, как впервые увидел свою мамочку, только что меня родившую, и за все годы, прошедшие с тех пор, так и не смог заинтересоваться мужчинами, даже когда потом Зимин с Семеляком запальчиво шутили на тему гомоэротики, даже когда потом Малышок – кто бы мог подумать! – стал отчаянно шутить на ту же тему, даже когда еще потом племянник моего друга и учителя растлевал моего брата, отчего тот долго не мог оправиться, а может, не оправился и поныне, даже когда совсем уже потом я преподавал одному очень умному и милому английскому студенту, настоящему зайчику, лапочке, солнышку, и полюбил его всей душой – он был уж очень мил и умён, – да даже и сейчас, когда пишет мне какой-то польский поклонник творчества Джона Фоккса и Робина Гютре, что ему, мол, отрадно видеть в нашем уголке Европы других любителей подобной музыки, или когда читаю у Берроуза «Наклонись Джонни, раздвинь ягодицы...» – я зеваю и отворачиваюсь: мне неинтересно, увы, безнадёжно неинтересно, хотя, разумеется, я испытываю к гомосексуализму вообще и гомосексуалистам в частности доброжелательную симпатию, как ко всему, что касается культуры и искусства, неформального образа жизни, подрыва устоев, сумеречной стороны человеческого существования, трагичности и безысходности бытия.

И вот мы встретили очередной такой трагический случай – пьяных и манерных Федю Восьмиклассницу с гомосексуальным другом, они позировали камерам иностранных журналистов и весело вопили в их микрофоны: «Мы не патриоты! Мы обычные рашн алкоголикс! Мы не любим СССР! Мы любим алкоголь!» Потом мы ближе познакомились с одним из журналистов, словаком по имени Блажей, и выпили за его счет немало вермута, мы ходили за ним к метро, пили на баррикадах, пили в переходе у метро, пили в подъезде у моей прекрасной дамы. Блажей был очень крутой – он сказал, что бывал практически во всех горячих точках на территории СССР и восточной Европы, начиная с середины восьмидесятых, и в Карабахе был, и в Грузии, и в Баку, и в Вильнюсе, везде. Мне очень хотелось подробнее расспросить его об этом, никогда я не видел человека с таким опытом, но мне мешали мои спутники, они слишком сами хотели высказаться, а не слушать, Костина, как обычно, рассказывала о своей неземной/земной любви к Косте Кудрявцеву, знаменитому университетскому спонсору, Федя Восьмиклассница рассказывал, что «он писантель» – вот так, в нос, жизнерадостно и манерно (Блажей очень хвалил его за прекрасный русский язык), гомосексуальный друг Феди Восьмиклассницы настаивал на том, что мы тут все на баррикадах обычные алкоголики, самые обычные алкоголики, Тоня вдруг решила поговорить с Блажеем по-немецки, когда выяснилось, что он его знает, а потом – потом он просто нажрался вермуту и рассказывать ничего уже не мог, говорил только: «Я хочу ебать Аню!» – это Костину он имел в виду, она, конечно, красотка была, неудивительно. Но он всё равно интересовался у присутствующих, хотя никакой загадки здесь не было: «Почему я не хочу ебать Таню, не хочу ебать Тоню, а хочу ебать Аню?» – вот и всё, что он мог под конец сказать. Так и не узнал я ничего о горячих точках, а происходящее у Белого дома казалось еще слишком несерьёзным, чтобы посчитать его какой-то мало-мальски горячей точкой.

Но с каждым днем всё становилось серьезнее.

Подобно тому как нарастает пасмурность, подобно тому как тучки, проплывающие над беспечно лежащим на травке метеорологом-любителем в тёмных очках, становятся всё живописнее, гуще, мрачнее, пока, наконец, издалека не появляется фронт во всей своей красе – многоэтажный, чёрный, с фиолетовыми зарницами внутри, и не брызжет затем прямо в морду восторженному наблюдателю полновесная летняя гроза, так и каждодневные события того сентября двигались по нарастающей, пока не разрешились в октябре – я каждый день приезжал от прекрасной дамы в общежитие и рассказывал что-нибудь

новенькое о мерзостях, учиняемых властями через доблестных бойцов ОМОНа, цокал озабоченно языком, качал головой, говорил, что всё становится только хуже и хуже, ни малейшего ослабления, но проклятый ельцинист Коровин, мой будущий драгоценный кум, шумно одобрял действия этих самых властей и ОМОНа, говорил, так и надо, мол. Это потом он, как все, разлюбил Ельцина, а тогда одобрял всё, что происходило.

Происходило вот что.

Для начала прекрасной даме вместе с депутатами Белого дома отключили домашний телефон, он начинался тоже на 205 (депутатам потом еще и канализацию отключили, и свет, но это потом). Связь с ней полностью прервалась (впервые вообще услышал я о сотовой связи в день, когда у меня первая дочь родилась, 20 мая 1995 года, вошла она в обиход еще лет через пять, а мы обзавелись ей и того позже), так что во время всех событий просто по телефону узнать, что там у вас происходит, как дела, было нельзя. Затем вокруг баррикад появилось оцепление из доблестных бойцов ОМОНа, которые чуть позднее перестали пропускать кого-либо внутрь, но зато всех легко выпускали наружу. Проход к дому от метро «Краснопресненская» стал весьма затруднителен, ибо нужно было идти через оцепление. От «1905 года» было проще, но она дальше, и нам было интереснее пробраться по лазейкам со сложностями и беседами с бойцами ОМОНа – однажды, правда, пробираясь внутрь баррикад, прекрасная дама поранила ногу, шрам от баррикады остался у нее на всю жизнь. У метро «Баррикадная» (вот названьице придумали!) ежедневно собирался стихийный митинг, мы с прекрасной дамой, проходя по другой стороне улицы, однажды наблюдали, как доблестные бойцы ОМОНа, в касках, с титановыми щитами наперевес (еще бывают пластиковые, но это более дружелюбный вариант), загоняли толпу в метро. Происходило это так: они выстраивались в шеренгу, сдвигали щиты, устрашающе били по ним дубинками и сдавливали народ к метро. Стихийный митинг уплотнялся, вжимался в метро, но некоторые митингующие не помещались, падали под ноги доблестным бойцам, их хватали за волосы и руки, били усердно дубинками и бросали обратно в толпу, они опять выдавливались между доблестными бойцами на пустеющую площадку перед метро, их опять хватали, лупили как следует и бросали в толпу. Через прозрачные стекла метро видно было, как люди летят с эскалатора кубарем вниз.

Прекрасная дама моя в те поры была хиппи и пацифист, она говорила, что самое время вставлять цветочки в дула автоматов, мы ж хиппи – вот, самое время. Я, хоть хиппи себя тогда никак не ощущал (это сейчас уж, ближе к пенсии, согласен и хиппи назваться – почему нет?), по её указанию носил с собой мелок и честно рисовал везде в Москве пацифики. Однажды с этим мелком в руке я выгуливал собачку прекрасной дамы, и доблестные бойцы ОМОНа поинтересовались, что это у меня в руке. Когда выяснилось, что это мелок, они обрадовались, как дети, и изрисовали им меня всего, на спине куртки получился даже значок, похожий на букву Н с перекошенной торчащей перекладиной. Мне понравился этот случайный символ, его я тоже стал изображать повсюду наряду с пацификом – люблю вообще всякие значки, криптограммы, символы, тотемы, как с историей, так и совершенно ничего не значащие, но чтоб выглядели махрово, будто уже нацепили на себя целую гроздь коннотаций и идейностей. Однажды, к примеру, я отсканировал из книжки с мифами американских индейцев изображение какого-то непонятного улыбчивого зверька, и стал размещать его вместо своего изображения при интернет-общении, потом себе сделал футболку с этим зверьком, надо еще татуировку сделать – настоящий тотем будет! – при этом я даже не знаю, что это за зверёк, не то что его там какое-то изначальное значение – все знаки столько раз за историю поменяли уже свой смысл не просто даже на противоположный, а вовсе на хрен знает какой (взять хоть свастику или пентаграмму), и столько этих знаков развелось в связи с появлением брендинга и прочей хрени (очень забавно это отразилось на таблеточной индустрии, ведь прям на таблетке, которую ешь, обычно значок, еще старина отмечал: «митсубиси» я ел, да, но и «тойоты»

я тоже ел, «армани» я ел, да, но и «версаче» я тоже ел, «пацифики» я ел, да, но ведь и «пентаграммы» я тоже ел, «евро» я ел, да, но и «СССРы» я тоже ел), что на изнанке каждого знака можно найти уже почти любое означаемое, был бы значок симпатичный и не совсем уж одиозный, хотя носят ведь нацболы серп и молот на фашистском флаге – и заебца, что тут скажешь, похвально! Когда война кончилась, я нарисовал прямо на стене рядом с подъездом прекрасной дамы огромнейший пацифик с надписью «War is over», а может быть, я нарисовал его еще раньше, провидчески и рискованно? Думаю, это совершенно не важно – напророчил я конец войны, или резюмировал его, главное, пацифик потом долго, до самого ремонта дома, украшал собой Москву наряду с Георгием Победоносцем и Россию наряду с двуглавым демоном – я молодец. Потом еще вокруг Белого дома огромный забор с гранитными плитами воздвигли – я хотел нарисовать на одной из них жирную анархию прям белой краской – и тут же, через двор промчавшись, в подъезд шмыгнуть, чтоб даже зафиксированного камерой меня не отыскали и не догнали ни на каких машинах, но поленился, а теперь уж я там не живу, прятаться негде...

Ну и потом вообще стало невозможно ходить на районе: нигде не пускали огромные и доблестные бойцы ОМОНа. Как-то пошли мы в сторону Нового Арбата, чтоб поехать в гости к Анечке рыжей на троллейбусе, так даже через набережную не пустили – мы привычно обошли Белый дом, стали перелезать через баррикады в районе горбатого мостика – ножку туда, эту сюда, главное, не поскользнуться, не зацепиться за что-нибудь, как в прошлый раз, не пораниться, тут слышим окрик, навроде: «Иванов, почему в отряде посторонние?!» – и нам говорят: «Вы куда лезете, ребятки? Гляньте – там ОМОН к атаке готовится» – смотрим, мы лезем через баррикаду, сзади нас защитники Белого дома, очень уже хмурые и сосредоточенные, никаких анпиловских бабушек, никаких пьяных гомосексуалистов, перед нами пустое пространство мостовой, а на той стороне дороги, перед зданием СЭВа (которое потом, 3го октября, захватили – там мэрия располагалась), стоит, как тогда у метро «Баррикадная», шеренга доблестных в касках с титановыми щитами, дубинками и прочими причиндалами и прям ждет, когда, наконец, на эту пустую площадь выбегут провокаторы, маргиналы и отщепенцы, чтоб начать боевые действия уже наконец-то! Ну, мы, конечно, сразу передумали лезть через баррикаду и пошли к метро – выпускали из оцепления к тому времени только по узенькому коридорчику к метро и больше никак. А не впускали внутрь уже давно, мы просто жили как бы внутри...

Потом мы как-то прогуливались, пьяные, с Анечкой рыжей, Вадиком Алексеевым, Костиной и прекрасной дамой – интеллектуальное кино посмотрели, Трюффо (пробрались на сеанс в тогдашний кинотеатр «Новороссийск», представившись студентами ВГИКа, позабывшими студенческие билеты), а потом решили, разумеется, – разумеется! – зарулить к прекрасной даме, преодолели оцепление (она показывала паспорт с местной пропиской и говорила, что у неё сегодня день рождения, поэтому она ведет к себе гостей, будто в паспорте не написано, когда у неё день рождения, и доблестные нас пустили, не глянув в паспорт), но зато мы не преодолели другое оцепление: мама прекрасной дамы, моя будущая теща, выгнала нас из дому без лишних предисловий. Не выходить же из оцепления! – мы пошли спать в соседний подъезд у чердака – все впятером.

Поутру нас разбудили автоматчики легкими пинками форменных сапог. «Что у тебя в сумке?» – обратились они ко мне. «Фердинанд де Соссюр», - ответствовал я. Автоматчики изумились: «Чего?! Сам ты Сосс!..» и велели валить отсюда, потому что они ищут снайперов.

Мы вышли вместе с ними на улицу, и Костина произнесла патетически: «У меня к вам два вопроса: как пройти к метро и что здесь происходит?» Они сказали: «К метро туда, а происходит - революция».

Шла революция, да...

Надвигался уже полный капец – это было видно. И он произошел.

Здесь повествование может либо совсем закончиться, потому что это очень соблазнительный момент для окончания повествования, «произошел полный капец», но мы с вами этому соблазну не поддадимся, либо оно может разделиться на два голоса, на мой и моей жены, как в специфической книге Шульгиных, потому что кульминацию тех событий, 3-е и 4-е октября, мы с женой пережили по отдельности, вся интрига и заключалась в том, что я усердно пытался прийти к ней в гости и никак не мог. А потом, в финале, мы, наконец, встречаемся, и наши голоса сливаются в стройный хор, и в конце немного лирики. Так всё и напишем, только за жену напишу тоже я.

Я на выходные (2-е - 3-е) поехал в Электрическую Сталь, а к жене в гости приехали знакомые девочки из Киева, и одна из них приехала в Москву впервые, а когда уезжала, в беседах с родителями похвалялась тем, что будет жить прямо в центре Москвы, прямо у Белого дома (по всем телеканалам потом показывали в прямом эфире, как этот Белый Дом расстреливают из танков, а телефон был отключен уже две недели и никакой еще тогда сотовой связи, вот родители её вставились, наверное!). Девочки привезли на продажу киевские торты (ударение на первый слог, вы знаете? Старина знает!), штук пятнадцать, чтоб окупить поездку – тогда, в легендарные девяностые, так было принято, возить и торговать (Мишка Доктор, например, возил с той же Украины прыгающие конфеты – малютки-леденцы во рту начинали прыгать и стучать в зубы, любимый мой одноклассник однажды целую пачку в рот опрокинул, так даже снаружи было слышно, как они прыгают и стучат). И вот днем 3-го октября они пошли к метро 1905 года продавать эти торты (а доблестных как ветром сдуло, вообще нигде ни одного не было – это защитники Белого Дома уже превратились в нападающих на Мэрию и Останкино), и какая-то тетя, торговавшая тут же у метро мороженым, милосердно приобрела у них какую-то часть за бесценок, а остальными они питались всю войну – это была поистине сладкая война для них («Сладостью будет война» – есть такой текст у нашей группы).

В понедельник 4 октября в семь утра на улице началась стрельба. Сначала были одиночные выстрелы, как удары хлыстом, потом появились автоматы та-та-та, потом стали вступать еще голоса, мне и моей жене неизвестные. Зато мой будущий тесть, старый ВП-Кшник, с каждым новым звуком радостно сообщал марку оружия, которое присоединилось к стройному хору. С собакой он в тот день бесстрашно ходил гулять у подъезда – а что делать! – притом, что улицу Николаева, на которую выходил наш подъезд, простреливал БТР...

Ну а я приехал из Стали, и с Дюшей Басистом мы пошли в гости к моей прекрасной даме, ведь я привез ей выжигатель для рукоделья и должен был его подарить! У Дюши в тот день был день рождения, и мы отметили его достойно, так, что он вполне мог стать и днем его кончины – единственно правильный способ отмечать день рождения! Вышли мы хитроумно аж на «Арбатской», чтобы по мне одному известным лазейкам пробраться к Белому Дому, тем более что ни «Смоленская», ни «Баррикадная», ни «1905 года» не работали. Со стороны пустынного солнечного Нового Арбата были уже слышны далекие та-та-та, туда мы не пошли. Мы пошли к «Баррикадной» (sic!), с нами вместе слонялось довольно много бестолкового люда, на Белом доме уже были видны дымящиеся следы от выстрелов. Садовое кольцо на площади Восстания (sic!) было абсолютно пусто, как во сне. Мы, разумеется – разумеется! – пролезли в зоопарк и пошли через него под аккомпанемент далеких выстрелов – это, видимо, еще сражались между собой ветераны Афганистана, дивизия Дзержинского, 119-й парашютно-десантный полк ВДВ и Таманская дивизия – как известно, все убитые в перестрелках у Белого дома были убиты сторонниками Ельцина, которые принимали других сторонников Ельцина за защитников Белого дома, и снайперами-провокаторами из спецслужб, контролируемых президентом (это называется у них «пикадилья», как на корриде, когда пикадоры, сидя верхом на лошади – высо-о-оконько сидя! – колют быка сверху пикой, чтоб он совсем осерчал – так и

снайперы стреляют в обе враждующие стороны, чтоб сильная с чистой совестью мочила слабую. Провокация – вообще замечательная вещь, когда нужно кого-то замочить. С какими большими глазами, с каким затаенным дыханием я смотрел телевизор в августе 1999 года, сидючи у родителей в деревеньке на далеком валдайском озере Стерж – они всегда смотрят телевизор, это поколение, как нынешнее состарится за компьютером, но у них к нему что-то вроде толерантности, они его как бы не замечают, а я не могу не замечать, даже в магазине и в метро, если есть телевизор, всегда до тонкостей вникаю – и вот тогда вдруг мирная Чечня, у которой после Хасавюртовских соглашений появилась, наконец, возможность стабилизации, появился, наконец, реальный шанс стать крупнейшим экспортером исламских боевиков в мире – как Румыния крупнейший экспортер проституток, как Афганистан крупнейший экспортер героина, как Колумбия крупнейший экспортер кокаина, как США крупнейший экспортер долларов – мирная Чечня вдруг стала творить изумительные вещи: нападать на Дагестан, взрывать дома в Москве и Волгодонске, и от всех этих деяний яростно открещиваться с весьма основательной мотивацией – Чечне это не выгодно. Я задал себе без интереса вопрос qui prodest, вспомнил словосочетание «быстрая победоносная война», мне стало сильно не по себе, не стал на этот вопрос отвечать, не стал об этом словосочетании думать. Потом-то быстро стало понятно, что это просто очередной президент России, черт из табакерки с руками по локоть в крови преемствовал таким образом кровавому своему ментору, который сместил вымазанного в крови по самую лысину первого и последнего Президента Советского Союза, который отрекся от кровавых деяний своей партии, которая замочила кровавого последнего царя России, который и т.д.; потом-то всё очень быстро стало понятно, когда был случай в Рязани, засверкали в этом деле белые нитки: бдительный дядя засек граждан, таскающих мешки в подвал жилого дома, и в этих мешках обнаружили-таки гексоген и детонаторы, настоящий гексоген и качественные детонаторы, и все радовались, как дети, что предотвратили теракт, а через два дня Патрушев сказал, что это были учения ФСБ, и ничего такого в мешках не было, сахар-песок, он даже на полигоне не взорвался – уже тогда некрасиво стало всё выглядеть. Потом, когда через полгода брали Грозный, были неподалеку от него обнаружены трупы тех самых разыскиваемых, чьими портретами и особыми приметами - «необычайно увеличенные ягодицы»! - мы любовались на выходе из продовольственных магазинов, а при них взрыватели, аналогичные использовавшимся в Москве, подобно билетикам, зажатым в кулачках у ерофеевских мальчиков. Потом в Америке башни упали, что стало поводом на этот раз уже для американцев провести много быстрых победоносных войн. Потом была думская комиссия по расследованию обстоятельств взрывов домов в Москве, были журналистские расследования, были с сильным диссидентским душком статьи и книжки об этом. Подавляющее большинство людей, которые во всем этом участвовали, умерли насильственной смертью – эксперты, депутаты комиссий, авторы книжек, журналисты, которые брали у них интервью, кого ни хватишься – умер насильственной смертью. А еще потом выяснилось, что эти и почти все последующие, вплоть до 2004 года, взрывные теракты совершило «Мусульманское общество №3» – слышали про такое? – все его участники сейчас либо мертвы, либо благополучно сидят – Лимонов писал, что сидел в тюрьме с человеком, который заставлял их давать нужные показания, - только самый важный до сих пор в розыске, тот самый, что взрывал дома в Москве. Потом Басаев писал Путину, что может взять на себя «на приемлемых условиях» ответственность за взрывы в Москве, лишь бы Россия ушла из Чечни, это перед Бесланом было. Еще потом Березовский открыто заявил, что ФСБ взрывало дома, а его в ответ стали обвинять в спонсировании провокации в Дагестане – российское общество лениво зевнуло, отвернулось к стенке и погрузилось в дальнейший сон: «Ну, не будем исключать вероятность, что ваших рук дело провокация в Дагестане и взрывы домов, – сказали по данным Левада-центра 37% опрошенных россиян, а 6% в этом не сомневаются – ну, привели вы

Путина к власти – сволочи вы, что тут скажешь еще, мерзавцы вы, сидите дальше в Англии, дружите поплотнее с английской разведкой на всякий случай, но всё равно осторожней кушайте, не отравитесь.» Мы с товарищем моим университетским Вовкой как раз познакомились на заре всех этих событий, и я изумлялся Березовскому – как же он надеется остаться у власти при Путине, ведь когда тот станет Президентом, всё ему будет нипочем, уберет человека, который так много для него сделал добрых дел, - а Вовка отвечал: «Он повяжет его кровью»... Ну, может быть... Хотя очень трудно судить – с этой стороны телевизора... Он такой ОБМАНЧИВЫЙ... А вдруг, действительно, хорошо организованные немирные граждане могут обдурить самые крутые спецслужбы мира, как лохов, могут подготовить и совершить крупнейшие теракты, и чем дальше, тем крупнее, с гигантским количеством жертв, и детей среди жертв, всё больше и больше, и это только укрепит популярность власти, которая будет отдавать в ответ приказ всех мочить, вообще всех, почему нет – этот вариант тоже довольно лих. Замечательная вещь провокация, одним словом).

Зоопарк был пуст и странен – ни одного человека, только испуганные понурые животные, но их было совсем немного, прятались, наверное. Я тогда первый раз в жизни побывал в зоопарке (но должны же были меня туда сводить в детстве? Не помню)... Далекая канонада, дым в ослепительном небе, пустые клетки, оранжевая пыль – от всего этого осталось достоверное ощущение, что война была жарким засушливым летом, когда горожане окончательно разъехались в отпуск и больше никогда не вернулись.

Потом нас несколько раз обыскивали доблестные, всякий раз находили у меня выжигатель, приводивший их в легкое недоумение, потом вдруг обнаружилось, что в районе улицы Анны Северьяновой никакого оцепления нет, и через 2-ю Звенигородскую улицу можно свободно пройти к Хаммеровскому центру, а от него уже рукой подать до гостей, чтоб подарить выжигатель, метров пятьсот.

И вот мы спрятались под гостиницей «Международная» на осколках (стекла двух верхних этажей были полностью выбиты) за каким-то небольшим парапетом. Из-за него было видно, что по Рочдельской бегут группы солдат с оружием, следовательно, боевые действия распространились от Белого дома несколько дальше обиталища прекрасной дамы и явственно затруднили к ней путь... Так мы размышляли неспешно, и тут совсем рядом ахнула какая-то очень громкая штука (мой будущий тесть сразу бы определил, что это такое ахнуло, но я не разбираюсь) – в общем, нам пришлось отступиться от твердого намерения сходить сегодня в гости – мы отправились к Анечке рыжей наблюдать дальнейшее по телевизору. Правильно сделали – улицу Николаева, которую нам пришлось бы перейти, простреливал БТР, да и до нее мы вряд ли бы добрались.

Но к прекрасной даме все же пришли в тот день гости – это были депутаты расстрелянного Парламента. Сначала пришел один – пугливый. Всего боялся, трясся, сначала не мог ни слова выговорить, из сбивчивых его объяснений выходило, что доблестные бойцы противника погрузили пленных в автобусы, насколько хватило места, а когда автобусы кончились, сказали оставшимся: «Вы бегите, а мы по вам стрелять будем». Они рассыпались по дворам, стали в подъезды забегать, и до шестого этажа никто не открыл, один мой будущий тесть бесстрашно его пустил. Тут в дверь снова зазвонили. Пугливый депутат стал пытаться залезть в щель между шкафом и стенкой или между полом и диваном с криками, что это его пришли убивать, ни за что не надо открывать дверь. Бесстрашный будущий тесть всё равно открыл дверь – там оказался второй депутат, вменяемый, в отличие от первого, назвал сразу себя, предъявил депутатское удостоверение, попросил приюта до утра в связи с военным положением. С утра за обоими приехали личные машины.

С утра и я приехал – шел по солнечной зеленой Пресне, одного только с автоматом в хаки встретил постового, последний знак войны стоял в чистом поле у бассейна за домом пионеров рядом с парком Павлика Морозова, теперь уж нет этого бассейна... Дошел-

таки я до прекрасной дамы. Сели мы с ней на качельки во дворе, целуемся, мимо бабушка проходит. Покосилась на нас, остановилась и как закричит: «Слава Богу! Молодежь сидит, целуется! Наконец-то снова жизнь началась!» В общем, химия организма химии организма рознь, и питерская кислота или ПиСиПи оказалась совсем не тем, что делает старину комфортным во всех отношениях собеседником, в отличие от хорошей таблетки.

Старина вообще собеседник известный.

Иногда сидишь за столом в приличном обществе, и прям подмывает что-нибудь ляпнуть, сморозить что-нибудь совсем некрасивое, чтоб все не знали, куда глаза девать и что отвечать тебе на такое безобразие, как в каком-нибудь фильме «Торжество», или как у Достоевского во всех его романах, там обязательно находится такой герой, который вдруг затевает грязный отвратительный скандал, и всем в этом поневоле приходится участвовать (эта проблема не обойдена вниманием литературоведов – из недавнего про скандал у Достоевского можно почитать В.В. Дудкина «Поэтика скандала в романе Достоевского БЕСЫ», А. Ренанского «Скандал как форма психодрамы», В.Кантора «Скандал как ultimo ratio героев Достоевского», Игоря Сухих «Два скандала: Достоевский и Чехов», последняя статья даже в интернете имеется, что вообще редкость для научных текстов, их никогда в интернете нет, только уж самые распопсованные. Какую гуманитарную область ни возьми, нужные тексты по ней в интернете на уровне 1 курса института самое большее, и то далеко не все), так старина в этом смысле самый настоящий герой Достоевского: ляпнуть может в любой момент ни с чем не сообразное. У собеседника челюсть, бывало, отпадёт, глаза выкатятся, он неуверенно начинает обороняться – по семейным отношениям он помнит обычно, что такое орать всякие обидные гадости в лицо, но с человеком не столь близким это довольно сложно, старина же чувствует себя как никогда в своей тарелке, лицо злое, глазищи вращаются, волоса вокруг головы огромные рыжие развеваются, из черного рта, обрамленного рыжей огромнейшей бородой, несутся несусветности, в драку тоже всегда готов полезть, если что, не проблема, в том числе с женщиной, короче, ужас, да и только – старина всегда из таких скандалов выходит полностью удовлетворенным, искренность великая сила – что на ум пришло, то и говори в простоте душевной, кроме пользы от таких разговоров ничего быть не может. Он говном назовет, по морде даст – и останется ясен, как светлый день, без малейшей антипатии – вертись червяком на крючке его бесхитростных обличений, трепещи бабочкой на иголке его наблюдательности за тобой, всё увидит, всё подметит, все просчеты твои, все оплошки, и в лицо не забудет сказать, потому что если забралась какая-то дрянь в тебя хорошего – она с любой точки зрения дрянь, что с твоей, что с точки зрения старины, не ассоциируй себя с ней. Ты это ты, дрянь это дрянь, не защищай ее, будто она это ты, тем более от старины, твоего лучшего друга: смирись.

Тут еще виной, конечно, моя отвратительная манера разговора: она зачастую бесит санкт-петербуржцев, и старину в первую голову бесит. Из моих речей им непонятно почему-то, говорю ли я серьёзно, или несерьёзно, из этого неумолимо следует, что я издеваюсь. А я всегда говорю серьёзно, ну и несерьёзно тоже говорю при этом, провокативно так говорю даже, проказливо. Старина сразу начинает кричать, заслышав мои проказливые интонации: «Ненавижу эту его манеру разговаривать! Он опять чего-то нажрался и издевается, а вы ему потакаете!» Мы со стариной всегда выясняем, как можно говорить, а как нельзя, как можно себя вести с собеседником, а как нельзя, это наша любимая практика – часами об этом беседуем, ругаемся страшно (мы с ним зануды и сангвиники одновременно), однажды 2-СВ наелись и три часа кряду ругались, в другой раз ДОНа наелись и двенадцать часов кряду ругались, а уж под ЛСД как мы ругались, особенно когда мне случалось его наесться, а старине не доставалось вовсе! Гогого! Старина орал сердито, как тысяча сердитых крикунов! Я рыдал, как тысяча младенцев! За время этих споров старина многому меня научил, многое мне объяснил, во многом переубедил, обратил в свою

веру, сделал своим преданным последователем, стал героем моей элегии, стал героем моей героической саги. А я его – не знаю, не знаю... Может, тоже.

Но тогда, под оранжевым ПиСиПи «от Топор» мы ругались совсем по другому поводу, тогда был другой классический жанр беседы со стариной, он называется «слишком много – слишком мало» (вариант «слишком мало»).

На черной блестящей пустой коробке от компакт-диска я поделил оранжевый порошок разумно, в соответствии с вложенными деньгами, на девять равных частей. «Мы сторчим этой вещи на сто рублей каждый, – так я рассуждал, – сто рублей сумма не слишком большая, вряд ли за такие деньги нам может быть слишком сильно». В последний момент, к счастью, я вспомнил о некоммерческих раскладах, и поделил каждую часть еще пополам, итого 18 частей по 50 рублей – даже смешно.

Кто же тогда был?

Был я, жена, Тарас, сестра старины тогда приехала из далеких стран (но она ничего не стала потреблять, и правильно!), и девушка по имени Маугли тогда вдруг пришла – по-моему, как это обычно бывает в Питере, мосты развели. Ангел всегда восторгался этой особенности питерских ночей. Говоришь ночному гостю: «Езжай домой, вот тебе деньги на такси!» А он говорит: «Не поеду. Мосты развели». «Что значит мосты развели?» и т.д.

Старина боролся тогда с моногамным мифом, а позднее одолел его. Девушка Маугли была частью этой борьбы (я слыхал также о нескольких юношах Маугли, один из них был известен фразой «Я Маугли! Я заблудился!»).

Я с моногамным мифом тоже поборолся в своей жизни всласть, но одолеть его мне так и не удалось, более того, он целиком и полностью одолел меня: одно из самых ёмких в истории словесности выражений, на мой взгляд, «блядство до добра не доводит». Могу подтвердить многочисленными примерами из своей жизни, из жизни классиков гуманитарной мысли, а также из твоей жизни, дорогой читатель. Могу написать целую книгу, эпиграфом к которой возьму «блядство до добра не доводит» – но зачем? Не буду. Только растлевать молодёжь. Мне на мой век хватит уже молодёжи, которую я растлил, и водки, которую я выпил. Это не значит, конечно, что я не выпью больше ни бутылочки, и ни одна маленькая девочка не подпадёт под моё пагубное влияние. Но это значит, что по возможности я стараюсь в этих вопросах себя сдерживать, хоть и не всегда удаётся, и даже почти никогда не удаётся. И всё же намеренно писать книгу, с кем, при каких обстоятельствах и с использованием каких средств я сражался с моногамным мифом, а также с пробоиной в третьей перинатальной матрице, с судьбой, с кармой, с долгом, с искушениями, со страстями и другими интересными вещами, и как я потерпел во всех этих сражениях полное и сокрушительное поражение – это только смущать юношество. Достаточно будет, думаю, подчеркнуть мысль «блядство до добра не доводит», и если вам скажут обратное, посмотрите на этого человека, на печаль во глубине его весёлых глаз, на худобу во глубине его раблезианского живота, на морщины страстей в его лице, обозрите мысленно его жизненный путь, и вы увидите, что не надо читать никаких книг в доказательство обратного. Всё ясно, как обычно.

В общем, я велел ей тоже это дело съесть вместе с нами безо всяких предисловий. А! Нет! Мы успели познакомиться, она спросила, откуда я. Это очень интересный вопрос в Питере. Если у вас полно досуга, то есть совершенно нехуй делать и вы готовы ближайшие пару часов провести в специфической ученой беседе, вы можете ответить, что вы из Москвы. Собеседник издаст победный клич: он втайне надеялся, что вы из Москвы, чтобы поделиться, наконец, своими успехами в постижении науки, которая сильно занимает всякий санкт-петербуржский ум – науки о различиях между Москвой и Санкт-Петербургом, между москвичами и санкт-петербуржцами! Я сам сделал пока единственное в этой области несомненное наблюдение: коренное отличие между москвичами и санкт-петербуржцами в том, что в Москве, в отличие от Санкт-Петербурга, эту область знания

совершенно никто не исследует, всем на нее глубоко и абсолютно насрать. Короче, в тот раз мне не хотелось беседовать, я сказал, что я из Электростали (Маугли была заметно разочарована), а потом велел лопать порошок вслед за нами. Невинное дитя послушно слизала с диска на 50 рублей, и мы предались трипу.

Что тут сказать!

Все знают, что такое трип. Это, конечно, тот самый славный «здесь и сейчас», о котором так много поучают нас умные люди, от классиков до современников. Если у вас есть возможность оставить мыслительную суету, остановиться, предаться осознанию момента хотя б на полчасика с утра и полчасика вечером, и чтоб вас ничто мирское не могло в этот момент даже случайно побеспокоить, если при этом вы будете медитировать, молиться будете, а тем более, если вы можете находиться в такой концентрации постоянно – никакой трип вам даром не нужен, как не нужны умному таблетки для ума. Но человек слаб, человек гедонист, даже для трезвения пользуется нынче протезами – прекрасными протезами! – хотя трезвение здесь зачастую побочный эффект гедонизма, съел таблетку для удовольствия, а оказалось – для ума. Вот дела!

А еще трип – это подлинное бытие, экзистенция в чистом виде, жизнь на грани. И если вы так живете – зачем вам трип! Зачем вам протез подлинного бытия, если оно к вам и так входит в дверь, а когда вы его не пускаете, влезает в окно!

Было несколько периодов в моей жизни, когда я так жил – сплошная фактура, мазки толстой кистью судьбы. Всегда б так жить, но печень не выдержит.

Памятный 93-й год я так жил.

92-й памятный год я так тоже жил. Тогда моя школьная группа собиралась ежедневно у меня или у любимого одноклассника моего Дика, или у второго Д., или у Скуратова, который нынче в Германии, и вопили, и били по инструментам и по всему чему только можно, человек до восьми, записывали это всё на бобины и кассеты, устраивали фестивали прямо у меня дома, и я кричал в микрофон: «Соседи! Мои любимые соседи! Слышите ли вы меня? Слышите ли вы меня?» и т.д. На записях иногда звучит голос бабушки одного из участников группы «Прекратите хулиганить», а мама упрекала меня, что у меня вся жизнь, как праздник. «Мама, у меня до сих пор так» – сказал я ей недавно. «Молодец, сынок», - ответила мама, и это было настоящее материнское благословение, да нечего объяснять – что такое мама для человека, все знают без меня.

Лето 95-го тоже вполне врезалось – началось еще в конце весны, когда у меня родилась дочь: сначала я на радостях пошёл на концерт Юрия Наумова в Дом литератора, бесплатно (тогда почему-то надо было ходить на концерты только бесплатно), и еще четыре человека с собой провёл. У меня было несколько способов попадать на концерты – в тот раз проход состоял из двух этапов: внутрь Дома Литератора мы проникли через ресторан – нас провёл Костя Кудрявцев (Костя Кудрявцев – самый знаменитый из университетских спонсоров. Он приходил в университет, помахивая крупной купюрой, собирал под её знамена студентов, и поил потом их всех водкой, только водкой, никакой, даже скромной, закуски. Он был монополист фальшивых дипломов в Москве, Костя Кудрявцев, рабочий свой день он проводил под памятником Энгельсу на «Кропоткинской». Благодарные поклонники выцарапали на памятнике «Кудрявцев», благо никакой подписи Энгельс тогда не имел, и бороды на памятнике и на Кудрявцеве вполне совпадали. Верные его гонцы – нынешние властители дум Зимин и Семеляк на него работали, например – разъезжались отсюда по метро и вручали торговцам фальшивыми документами в метро заранее заказанные их клиентами настоящие дипломы – с проводкой, все дела. Но наступили новые времена, и однажды, в конце 90-х, ни один студент не пошел пропивать с Костей 200 долларов, которые он принес помахивать на Большой сачок... Ах, 90-е! Это был трогательный и печальный символ их окончания... Только в 90-е я мог очаровать четырех девушек двумя сникерсами... Ученик Кудрявцева, спонсор Дима Егоркин

пользовался меньшим уважением. Грубиян Сидоров-Сидорини похвалялся даже таким с ним диалогом через запертую дверь: «Ребята, откройте, я пришел с вами выпить, давайте сходим!» – «А деньги у тебя с собой?» – «Да, конечно!» – «Просовывай под дверь и проваливай!». Мишка Доктор в своем произведении, посвященном общежитию, зачем-то на место Егоркина в эту историю поставил Суицида, что глубоко психологически неверно. С Добрейшим Димой Тумановым так вызывающе себя вести не осмелился бы даже Сидоров-Сидорини. Егоркин-то был кроток и незлобив, как дитя – только он мог привести к Асратяну какого-то тщедушного идиота глаза-в-кучку и сказать: «Здравствуй, Дима. Это мой друг Коля. Правда, он ВЫЛИТЫЙ ТЫ?» – Ср. с Суицидом, который в одном полотенце по утрам входил в комнату к тому же Асратяну и бодрил его чем-то вроде: «Ах, Димка! Дорогой ты мой Димка! Вот тебя, Лёшку Зимина, Володьку Коровина, Юрку Сидорова, Олежку Перфильева – люблю. Но вот эту суку еврейскую очкастую – далее упоминается другой общий знакомый – как же я его ненавижу! Ах, Димка, Димка, дорогой ты мой тезка!» Имена, кстати, могли варьироваться, как в части панегирика, так и в части диатрибы. Как же можно таких людей менять местами! Это глубоко психологически неверно! А как Егоркин однажды в выставочном центре на Фрунзенской – другое их с Кудрявцевым излюбленное место – накормил меня заботливо сосисками с кетчупом и батоном! Вот это была, доложу я вам, самая вкусная еда в моей жизни, ни до ни после меня никто так вкусно не кормил, прости, мама, простите, бабушки. Пусть голод лучший повар, но нет – здесь было что-то другое, высшее. А как Егоркин спонсировал писателей в ресторане Дома Литераторов – еще одна их с Кудрявцевым вотчина! Как входил туда писатель Сергей Михалков, автор дяди Стёпы, гимна Советского Союза и России, и говорил: «Ага! Вот и Егоркин! Он нас сейчас всех напоит!» Вот почему Кудрявцев нас в Дом литераторов провел через ресторан – он там был как дома. Самым же уважаемым из общежитских спонсоров был Андрей Лазарев. О нем и истории никакой не расскажешь, подлинно был он крут, действительно крут, вот и всё, что тут можно сказать), а второй этап попадания на концерт Юрия Наумова был в том, что я попросил уже при входе в зал какого-то парня, шедшего с компанией, вынести мне потом билеты с надорванными контролями – мы вошли по ним, будто только что выходили, вот и всё. Именно после этого концерта, ужираясь дома по случаю рождения первенца, я впервые услышал слово «сотовый телефон» от Ромы Проколова, он сказал, что самой свежей моделью оного пользовался на концерте другой Сидоров, старший, Серж. Потом сразу с двумя прекрасными дамами я отмечал рождение моей дочери в течение трех дней, пока жена лежала в роддоме, я подавал кофе в постель сразу двум дамам! – и всё лето каждую субботу я отмечал последовательно недели с рождения дочери, а иногда и дни – как, к примеру, мы праздновали 16 дней Машеньке! – шесть бутылок шампанского на троих, пробки в небо, усадьба Шаляпина, - нас с любимым одноклассником Диком даже моя жена из дома выгнала, и даже из гостей, куда мы после этого пришли, чуть не выгнали.

Но еще более великим было лето 97-го, когда дочери у меня было две, и одна из них еще совсем младенец, что уже немало, плотное общение с младенцем очень освежает, да к тому же еще целое лето с весной и осенью у меня жила порядочная коммуна – вот времена были! – почти идеальные времена.

Я писал даже об этом одну из «Историй о счастье» (№4), которая вошла в мой дебютный роман-коллаж «Квартира» (неоконч.)

Вот фрагмент из нее:

«В какой-то момент я даже утратил статус хозяина – один из вписывающихся (мерзкое слово) пришел ко мне совершать какую-то большую травяную сделку – что-то вроде обмена стакана травы на десять грамм гашиша, причем меня даже не предупредили, вдруг я буду против. Тот, кого привели, принял за хозяина какого-то громогласного типа, который тоже незадолго здесь появился, и его этим гашишом уважывал, а я как бы и ни при

чем остался, хотя тоже, конечно, укурился.

В другой раз приехал Сидоров, привез купюру в сто тысяч рублей – деньги просто неслыханные, и сказал, что собирается с нами их пропить. Ему строго ответили, что нет, никаких пропить, накупить еды – в доме хлеба уже давно не видели, не то что пропить. Он, конечно, опешил, сказал, что и еды можно, но все почему-то настояли, что деньги необходимо именно проесть, и даже не купить Сидорову маленькой чекушечки, хотя непонятно, почему он не имел на нее права. Видимо столь острая нужда уже не воспринимает благотворительность как добровольную, хотя, впрочем, Сидорова скорее порадовало остроумие идеи – он до сих пор никогда деньги не проедал.

Случилось так, однако, что в утешение ему все равно пришлось купить шесть бутылок вина (ну не водки же зато), и на еду пошло не так уж много – тысяч двадцать, но все равно.

В это время как раз, уже довольно долго у нас жила наркоманская тусовка – традиционно в черном, в основном коже, своеобразно выбритые бородки, – и еще и поэтому все было довольно молчаливо – разве что речь заходила о каком-нибудь из видов кайфа – тогда наступало оживление и теплые воспоминания.

Вино они, конечно, с удовольствием тоже пили. Еще, я помню, тогда пришла пара каких-то моих жутких старых друзей, у меня всегда были странные друзья, а эти были уголовники в татуировках, при этом волосатые, нет, у одного был лысый череп, тоже весь в татуировках.

И тут телефонный звонок – звонят девочки, школьницы, с которыми я за месяц до этого познакомился на метро «Баррикадная» и говорят, что хотят зайти в гости. Я объясняю адрес – через час они приходят в балахонах «Нирвана», приносят с собой какую-то найденную по дороге на помойке нашего же дома картину (до сих пор висит), и видят это жуткое зрелище: стол, на котором только хлеб и вино, и за ним все в черном молчаливые наркоманы с бородками, а еще – татуированные уголовники, один из которых (волосатый) медленно грузит всех какой-то телегой, и Сидоров тут же, а он тоже внешне ужасен, одна клочная рыжая борода чего стоит, в общем, девочки страшно испугались. Чуть-чуть посидели в комнате с магнитофоном, и убежали часа через два, даже картину не прихватили.

А картина хорошая: папуасы какие-то ночью сидят вокруг костра.» Тогда вообще много чего происходило, ни в какую историю о счастье не влезет. Чего стоит, как мы с другом и учителем и Сидоровым в магазин за догоном пошли, выходим из магазина, смотрим, разумеется, - разумеется! – вверх, а прямо над нами голая женская жопа на перилах балкона второго этажа! Это ли не счастье! Или как у нас украли золотишко, например. Самое неприятное было в том, что украли вообще-то у моей тёщи – Паша из Пскова (в истории о счастье именно он персонаж, меняющий траву на гашиш, - кто ж еще мог быть таким ловким! – менял у Джошуа, который впоследствии забил до смерти другого участника позитивно-вибрационного движения «Джа Дивижн») убеждал меня горячо, что это были помянутые в истории героиновые наркоманы и помянутые между строк их подружки, учительницы начальных классов и тоже героиновые наркоманки, тем более что украли НАБОР украшений – сережки и кольцо – «со вкусом», как отметила тёща, поджав губы, и эти обвинения стали для меня окончательным поводом расстаться с Пашей из Пскова – он и до этого такое творил, что не хочу марать страниц этой почтенной книги пересказом, а уж когда пошли такие разговоры – вовсе прекратил я с ним сношения.

Из Пашиных проступков один только, самый невинный возьму. Однажды старший брат друга и учителя выходит посреди ночи на кухню, где перманентная пьянка, – злой-презлой. «Меня Паша обоссал» – объясняет своё дурное расположение духа. Это он во сне описался, мальчонка. А спали они – как выяснилось – на кровати моих тестя с тёщей! Вот нечаянная радость, как говаривал Рустам Хамдамов! Ух и зол я стал, ох и страшен

во гневе! Даже к вечеру, когда пришел Кац, еще не успокоился – знакомлю их с Пашей, говорю: «Это Кац. А это Паша. Паша у нас сегодня обоссался» – Кац сразу вспомнил сто пятьдесят восемь историй из области телесного низа про своих знакомых, как один из них, к примеру, стал ебать в жопу спящую на бильярдном столе пьяную проститутку, а она и обосрись, или как его знакомой приснилось говно, и она у всех спрашивала, к чему бы это, и все говорили однозначно «к деньгам», а потом у нее прорвало канализацию и всю квартиру затопило говном, в общем, к третьей истории Паша вылетел из кухни пулей, гад такой!

Кто украл золотишко, я выяснять не стал из принципа, подозреваю, это был один собутыльник моей свояченицы, который и её обчистил на другой квартире, а до этого они к нам заходили, ну не важно...

Важно, что вся жизнь была – чистая беспримесная экзистенция, сплошное радостное изумление каждому мигу, сплошной трип, никакой другой тут уже просто бы не поместился.

Тогда я стал писать прозу, уж больно всё было славно... Славно давно уж перестало быть, а я всё пишу, пишу... Обязаны мы этим тому же Паше из Пскова – это он регулярно меня накуривал высококачественным своим товаром, и однажды, накурившись, я стал писать прозу (до этого-то всё стишки писал поганые, как их КК ласково охарактеризовал однажды), сразу за вечер рассказ написал, называется «Вечер». Хотел его тут привести, но не стоит – жидковат. А Кац потом, как уже опытный писатель, велел мне работать с крупной формой, на мелкую спроса нет, и на этом я погорел: стал писать дебютный роман-манифест «Квартира», а у меня с детства романы были слабым местом – сколько я этих романов в детстве начинал, не счесть, один роман-детектив даже до семидесяти тетрадных страниц дописал, но это были только первые главы одной из четырех больших частей, так что тоже не в счет. Видимо, это всё проклятая пробоина в третьей перинатальной матрице – начинаю бодро, а дописать никакой возможности, да и во всем так, ближе к окончанию любого порядочного дела всегда чувствую – комок подступает, лень становится дело заканчивать, ну его на фиг. Так и не стал я литератором. Кем угодно стал, а тем, кем хотел с детства быть, не стал. Может, и хорошо: литература – сплошное растление молодежи. Я в своей жизни достаточно и так молодёжи растлил безо всякой литературы, спасибо. Хотя не буду зарекаться: нужда заставит калачи есть. Может, и мне когда-нибудь придется выстраивать все эти сюжеты с интригой, задействовать героев с полными именами, и чтоб они поступали как-то, а главное, писать все эти диалоги, бесконечные диалоги по десять страниц, главный признак настоящей крепкой литературы, и при них ремарки все эти идиотические: «одобрительно хмыкнул», «хитро прищурилась», «улыбнулся своим мыслям», «скользнул взглядом», «захлопала ресницами», «задумчиво поинтересовался», «закусив губу» – всегда, когда я рву и жгу книги, я зачитываю из них такие фрагменты. Нарочно, когда будете по моему примеру так поступать – почитайте ремарки из диалогов, очень смешные бывают. Читаете одну-две – вырываете страницу, можно сразу несколько, и так до корешков – «Возникло тревожное предчувствие», «поднял на него взгляд», «тут он запнулся», «удивленно вскинул брови», «покосился на распростертый на паркете труп», «недовольно поморщилась», «в его голосе слышалось нетерпение», «покачал головой». Ну, может я просто слишком придираюсь, отношусь к этому делу с недостойным максимализмом, это мой такой комплекс, потому что сам я, лузер, так и не удостоился высокого звания писателя. У Мишки Доктора как-то пол-библиотеки ценнейшей уничтожил, ох и расстроился он, когда проснулся: «улыбнулся, обнажив ровные, ослепительно белые зубы», «с облегчением вздохнула», «с деланным равнодушием спросила», «виновато проговорил», «громко хлопнула дверцей», «с наигранной серьёзностью», «дрожащим голосом», «попыталась улыбнуться, но ничего не вышло» (мы с Мишкой потом, как-то на пляже в Крыму лёжа, еще одну его книжку сожгли – наш приятель Зимин написал. Сам

Зимин немало в своё время пожег книг своих соседей по комнате в общежитии – Коровина и Асратяна, раскладывал прям в комнате на паркете, и жёг, несколько раз. Так что мы с Мишкой таким образом отдали ему дань – чтобы духи местности впитали учение. Мою книгу тоже жгите, если хотите. Я люблю огонь. Немало ценностей я сжег в своей жизни, и рад, и вы жгите. Кассеты, книги, пластинки, компакты, волосы, спирт, аппаратуру... Машины я пока не жёг, как любил делать отец друга и учителя, ну это пока. Чудом сохранилась аудиозапись того нашего с Мишкой вечера. Я жгу книгу товарища и, по обыкновению, зачитываю фрагменты: «Есть чудесный анекдот», «успех часто разочаровывает», «в третий раз она грешила на жару», «или еще какая-нибудь гадость», «в одной британской газете я прочитал о новой тенденции в мире богатых», «если завещание составлено корректно», «мало того, что ребенок получает миллиарды», «да что там йогурты!» «кровь стынет в жилах», «лично у меня нет однозначных ответов на все эти вопросы», «поставив точку в пресс-релизе, я отправил его своей подруге», «он помрачнел», «у меня на столе лежит пухлая книжка»).

Мне всё кажется, что писатель должен мне быть душевный авторитетный собеседник самой высшей пробы, чистоты помыслов самой кристальной, расточителем словесного благоухания, и когда открываешь, случается, нынче книжку, а там примерно всё так: «Ты мудак, и это литература для тебя. Ты идиот и я идиот, давай тут вместе поидиотничаем», захлопываешь её испуганно, и сидишь, озадаченный, хотя надо бы наоборот, как в жизни всегда и бывает – удивляться надо хорошему, плохому-то удивляться не приходится. К счастью, я не обделен прекрасными собеседниками, я даже список своих любимых писателей «вконтакте» написал (здесь должна быть ссылка на сайт «вконтакте» и этот список, но он весь в графу сайта не влез), хотя и у них тоже обычно сюжет, образы и диалоги – проклятье! - но хорошие люди, сразу видно, даже не просто хорошие, крутые бывают очень – указывают такие вершины духа, такие внутренние небеса открываются, такие учителя жизни они прекрасные, так вовремя иногда судьба с ними сталкивала! Друг и учитель говорил, что каждая прочитанная книга навсегда меняет сознание. А брат меня спрашивал запальчиво: «Что лучше всего сознание расширяет – скажешь, книги?» Я тогда не мог поддакнуть ему «да, книги, конечно», это нарушило бы драматургию диалога, отмазался какой-то на месте придуманной максимой, типа «лучший расширитель сознания – это сознание». Я, конечно, схитрил. Хоть и понятно, что любовь «к книжечкам» – это наносное, без всяких книжек человек может пройти великий путь, но всё же это самый прекрасный из известных мне способов знакомства с великими людьми, спасибо им, что уделили время письменному труду, и сколько новых знакомств я предвкушаю, - о! – особенно с теми, кто пишет не литературу.

Потому что из литераторов даже лучшие – выдумывают что-то, фантазируют, фантазируют, целые миры, случается, нафантазируют, - зачем? - или ребусы какие-нибудь сочиняют замысловатые, ведут по лабиринтам ложных умозаключений, и бросают в какомнибудь из тупиков, - зачем? - или, паче чаяния, стилизуют под старину, не существовавшую никогда – зачем? Наверное, чтобы меня позлить – не буду их читать. Если уж читать литераторов, то тех, которые пытаются прям взорвать реальность, прям вырвать её сердце, прям поведать себя, свою радость, прям рассказать вот так, что видят, да так, чтобы и я что-то своё тут увидел, и содрогнулось прям в резонансе сердце, и прям – что прям? – в общем, мне нравятся одни писатели и не нравятся другие, ничего тут не попишешь. Последняя правда – до неё всё равно не добраться, ни литературой, ни искусством вообще, да любым самым длинным языком всё равно не добраться, сколько ни старайся – может, да, возникнуть новый взгляд, новый язык, новая модель, новая парадигма, новые отношения, даже, вроде, новый мир, и вдруг он – раз! – и ускользает, проходит сквозь пальцы, слишком подвижен, слишком пластичен – вроде и поддаётся, любому умствованию поддаётся – бери, лепи! – нет, опять не добрался до сути, этому новому миру снова

нужен адекватный новый язык, круто придумано – да?

Но как, случается, вставляет это самое искусство, этим самым своим языком препарирующее всё сразу, прежде всего тебя самого, разрезающее во мгновенье небесным лезвием, ух! Никакой подлинный мир не сравнится, никакое бытие на грани. Несколько раз так меня выносили мои великие собеседники, в такие космосы погружали, что какие уж там трипы! Какие уж там сокровища химии организма! Слабоваты они, просто слабоваты, да и только. Прав ты, старина, тысячу раз прав, дружище.

Но и трип тоже, конечно, стоит нашего благосклонного внимания, ведь мне надо рассказать вам, как он в тот раз проходил.

В любом учебнике трипования вы найдете подробное описание течения трипа. Традиционно выделяют три этапа, как во всяком деле: начало, середина и конец. Или вступление, кульминация и заключение. Или вход, пик и выход.

На входе у старины обычно возникнет «экзистенциальная тошнота», как он это называет. Он не может стоять, сидеть и лежать, ему сложно, его тошнит, ему душно, ему холодно, у него трясутся конечности, он ощущает странность в органах пищеварения, мутится сознание, он сам не свой. Я тоже что-то эдакое сразу же чувствую, но не могу сказать, что это прям мне очень не по душе. Подташнивает? Отлично. Прошибает пот? Кайф полный. Ну я не настолько люблю потеть, насколько старина, он-то это всегда декларирует, но если уж потеется, что ж – это тоже неплохо – чай, не баня, не сбежишь!

Теперь о кульминации. Специалисты говорят обычно, что она волнообразна – приходит, отступает, опять прилив, снова отлив. Всё остальное, что можно сказать про кульминацию – чистая поэзия, старина пользуется здесь словом «вскрывает», я говорю «плющит», иных, случается, «таращит», «штырит», «колбасит», в общем, возникает особый психосоматический комплекс, в зависимости от вещества и его количества сопровождающийся или не так чтоб уж очень сильно сопровождающийся изменением восприятия. Заметнее и забавнее всего обычно визуальные изменения, но и все другие бывают гогого! А главное на пике трипа - это, конечно, озарения! Счастливые озарения, разумеется (ужасные озарения – это не озарения, ясен пень)! Сколько пришло их ко мне во время трипов! Сколько пришло их во время трипов классикам гуманитарной мысли прошлого и будущего! Сколько их пришло во время трипов взволнованному читателю, помнишь ли ты это, о, читатель?! Не забывай. А то вот папа другого ученика моего друга и учителя сказал после кислоты, что понял простую вещь: меня, мол, нет. И потом позабыл, свидетельствует сын. Нельзя такое забывать, о, читатель! А друг мой и учитель сказал однажды в трипе: «Мы все растем из Бога». А Уильям Джеймс сказал, нанюхавшись эфира: «A smell of petroleum prevails throughout». А я однажды во время трипа осознал, что всё есть пустота. А до этого пережил смерть. А в другой раз пережил рождение и осознал, что всё есть любовь, проверил на личном опыте, так сказать. И потом, кого ни спрашивал: «Вот говорят, всё относительно, и что для русского хорошо, то для другого русского смерть, что в одних местах этично почитать стариков, в других поедать стариков, стало быть, самое главное, к чему все стремятся, у всех разное, да и вообще, у каждого свой мир, всё зависит от контекста и прочая постмодерновая хрень... Так вот, собеседник имярек, я назову тебе самое важное для всех, а ты со мной поспорь, пожалуйста, не стесняйся. Есть ли что-нибудь важнее любви?» – у многих, очень многих спрашивал, под веществами и без, пьяный и с похмелюги, как только беседа на «главное» сворачивала, я страсть люблю эту тему (хотя понимаю, что щегольство мое фирменное здесь совсем неуместно, не зря же опытные отцы никогда не советовали начинать духовные практики с сосредоточения на «любви» – столько всякого сразу в это понятие хочет влезть и примешаться, что уж лучше до поры о «любви» много не думать и не говорить – тут же утянет за собой какая-нибудь опасная примесь), а знакомых у меня в достатке, поговорить по душам народ любит, особенно молодежь, так что репрезентативная выборка у меня широкая – ни одна сволочь не спо-

рит на этом месте, даже самые спорщики, самые даже паршивые гностики. Про другие ценности, какие ни возьми, от свободы до долга, спорят сколько угодно, но здесь ни один гад даже не пытается рот открыть. Друг лидера моей группы, с которым они подливали всем кислотки в чаек, и тот не стал спорить.

И ведь это я слегка только коснулся того, что слабо по следам озарений иногда мы вымалвливали. А ведь не вымолвить его до конца, озарение, не вымолвить, не услышать, не понять и не почувствовать. На то оно и озарение, на то оно и чудо. Про чудо Лосев замечательно писал, прекрасная книга «Диалектика мифа», всем рекомендую – хорошо писал, но уж больно пространно, в фильме «Палп фикшн» про это ёмче сказано: «Бог может остановить пули, он может превратить кока-колу в пепси-колу или найти ключи от моей машины. То, что произошло, само по себе не важно. Важно то, что *я* почувствовал прикосновение Бога «.

Выход же из трипа, ясное дело, сопровождается катарсисом, а как же! Ведь психоделики и иже с ними – это настоящее слабительное для души, полная очистка ее организма от шлаков.

Однажды, к примеру, результатом совместного трипа московского филиала нашей секты (его представляли на тот момент я, мой друг и учитель и директор моей группы) стало осознание, что не за горами Мировая Революция – не больше ни меньше! Вот уж был катарсис так катарсис! Мы поняли, что если прямо сейчас назначим ей исполниться ровно через сто лет (срок порядочный!), то поздней весной 2103 года ей ничего и не останется, как произойти.

Я вижу это так: все проснутся в тот прекрасный день – и вздохнут по обыкновению первым сильным утренним вздохом, и кто-то сразу почувствует это в воздухе, кто-то позже, но это случится – исчезнет окончательно в тот момент старая парадигма, всех, наконец, отпустит, всем, наконец, станет просто насрать на государство, на силовые его институции, на олигархию, на власть, на границы между людьми, на СИСТЕМУ – просто насрать, упразднится вся хуйня, да и только, без малейшего насилия – вымрет естественной смертью той ночью последний носитель старой парадигмы, последний носитель застарелой болезни сознания, только и всего. Гнилая эта парадигма уже сейчас обваливается со всех сторон, её омертвелые отвалившиеся части еще способны, конечно, нанести вред, но максимум лет на сто вперед.

Ее долбят своими звуками радикальные музыканты – они не всем известны, некоторым.

Ее сокрушают своим искусством радикальные художники – они не у каждого на слуху, у некоторых.

Ее подтачивают своими сюжетами изготовители радикального компьютерного арта – не всякий сейчас скажет их имена.

Ее затаптывают радикальные спортсмены – не всем понятны их рекорды.

Ее полотно рвут радикальные путешественники – не все знают о местах, где они побывали.

Ее разбивают своими построениями радикальные философы и ученые – не все они пока имеют степени.

Ее щекочут до изнеможения любители радикальных игр – не всем ясны их правила.

Ее превращают в пугало радикальные модники – а есть ли у них модельеры?

Ее укатывают радикальные гонщики – они очень осторожны со скоростью.

Ее минируют радикальные технофилы – что-то они еще изобретут!

Выбивают почву у нее из-под ног радикальные химики и подпольные бизнесмены – они не афишируют себя.

Ее страхованием заведуют террористы – их труд тёмен и непонятен.

Каждый уничтожает ее по мере сил, мы не знаем этого одиночку, но он не одинок. С ним вместе – собратья по боевому подполью, нет никакого единства у них, и оно есть –

чудесная связь, общий вектор участников всемирной подрывной деятельности.

И я всё время ощущаю себя её атомом, я всё время это вижу – новых свободных людей. Каждое знакомство добавляет мне радости узнавания. Это не поколение – это время наступает новое, я вижу его поступь прекрасную, я вижу его лицо открытое. Даже гопники стали другими, даже мажоры – виден свет в их лицах, да и только.

Идеи моего романа-инструкции «Квартира» – все воплощены. Я писал свой первый роман о том, как вести подрывную деятельность, как надо это делать – и вот, я вижу: всё готово, начали, я вижу персонажей из моего романа, я вижу эту деятельность, хотя я его не дописывал и не публиковал нигде.

Можно писать на деньгах лозунги – это уж давно все делают, Коупленд то же советовал.

Можно снять документальный фильм про шумных соседей, стать для этого самим такими соседями– молотками, свёрлами и болгарками разворотить съемную квартиру за несколько часов.

Можно снять фильм про знаменитостей, я узнал в одном из героев Льва Новожёнова, он шел по улице, старательно не обращая внимания на лежащего на дороге человека.

Можно замариновать в трехлитровой банке пять книг из серии «Спецназ».

Можно ввести закон, чтобы пили на улице только с музыкальными инструментами, а без музыкальных инструментов пить на улице запрещено.

Можно под видом телепередачи занять главный государственный телеканал полуторачасовым белым шумом.

Можно разворачивать абсурдистские уличные спектакли перед случайными зрителями, будь то флеш-моб или l-моб, монстрация или фаршинг, хэппенинг или перфоманс.

Можно провести несанкционированную демонстрацию на 8 марта – пройти с лозунгом «Женщина товарищ, а не товар» по центру столицы.

Можно запаять один конец железной трубы, зарядить порохом, положить настоящее ядро – и дострельнет до соседнего дома или не дострельнет?

Можно действовать по «Стратегии-31».

Можно всё.

Это я вам говорю, потому что пишу не только и не столько элегию, потому что пишу я героическую сагу, и пишу ее ВСЕГДА. Сколько подвигов пока не рассказано, сколько героев пока безвестны, да просто еще не родились! Единственная моя мечта – чтоб каждый стал подвижником, вот и всё. И таких уже немало, чем дальше, тем больше (С продавщицей в магазине: «Ребята, зачем вам такие длинные волосы, это ж неудобно!» – «А мы подвижники!» – история из 93-го памятного года).

Есть, есть современные люди, которые сравнятся с лучшими образцами человечества, при встрече с ними я горжусь, что я их современник, они не являются унылым говном, таких уже немало, и чем дальше, тем больше.

Я ощущаю с ними мистическую связь, мы на одной стороне несуществующих баррикад, это точно, мы собратья по несуществующему боевому подполью, и чем дальше, тем больше.

У читателя уже, надеюсь, закралось подозрение, что автор окончательно ебанулся. Что пока автор писал, мозг его от радости творчества разжижился (но и «разжидился» хорошее слово), сознание выветрилось со сквозняками в убогом непротапливаемом его жилище, больное тельце достойно лучшего диагноза, а читатель не уследил, не заметил, но теперь уж поздно, он на секунду поверил.

Это прекрасное чувство. «Тьмы низких истин. Нам дороже. Нас возвышающий обман». «Малое знание о высочайших вещах лучше, чем самое подробное знание о вещах низких и мелких». «Миф не выдумка, но – наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это – совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой

случайности и произвола». «Утопия дана нам не как историческая перспектива, но и не как навсегда канувший золотой век. Утопия – параллельная, альтернативная действительность». «Видов истины два: одну истину крайне необходимо и самому иметь и другим сообщать как помогающую спасению; а если не узнаем доподлинной истины о земле и океане, о небе и небесных телах, от этого не будет никакой помехи для обетованного блаженства». «Для чего же нам знание, не приближающее к Богу?» И другие авторитетные цитаты.

В моей душе мировая революция уже давно произошла. В вашей тоже. Что же касается частностей – они продлятся еще не долее ста лет, потом уже всем всё точно станет ясно.

Да, вот так. Я в этом ни на секунду не сомневаюсь.

В этом смысле я прогрессист, друзья! Нас ожидает светлое будущее, друзья, надо его приближать, друзья, само оно не придет! Первейшая необходимость - Царствие Божие внутри нас! Надо, чтобы оно пришло, как его ни назови, хоть Мировой революцией! Можно и не через сто лет, лучше прямо сейчас, прямо здесь.

А пока каждую позднюю весну – примерно 9 мая – мы празднуем Психоделический Новый год, он же годовщина до Мировой революции – присоединяйтесь! И всё меньше времени до нее, каждый день подготовки дорог!

Так вот, в нашем-то том трипе с моей женой, стариной, Маугли и Тарасом был, пожалуй, только ужасно усиленный и продленный первый мерзкий этап, и всё. Второй этап нас минул, какие уж тут откровения! Какие уж тут врубы! Дрянь только какая-то, плохо запомнившаяся... (Чем-то это напоминает, как, нажираясь дурманом, товарищи моей жены игриво замечали, что это любовное зелье. Потом один из этих любовников сидел, пуская слюни, другой блевал и ужасался, что из него выпадают микросхемы, которые тут же следовало засунуть обратно, а третий надевал консервные банки на ноги, чтобы пойти в сторону обрыва, и так всю ночь). Третий этап... Ну, что-то вроде маленького катарсиса я выторговал у старины долгими дипломатическими переговорами после того, как, скрепя сердце, позволил ему съесть еще на пятьдесят рублей оранжевого ПиСиПи (хотя, может, я всё это придумываю, и успокоился он только благодаря моим убеждениям? Вряд ли) – он пригрелся на моём плече, мы лежали посреди комнаты на полу – представьте! – левой рукой я держал за руку девушку Маугли, лежавшую где-то у нас в головах, ей было очень много и хуёво, а правой рукой, плечо которой занимал старина, я держался за жену, ей тоже было много и хуёво (Тараса, кстати, я не припоминаю, даже не знаю – представлять или не представлять вам Тараса – ну, представьте на всякий случай: Тарас тоже в небольшой квартире старины общей площадью 25 – двадцать пять! – квадратных метров где-то присутствовал, представьте его на стуле в углу той же комнаты, как на фото следующего дня, на нем черные круглые очки и футболка с изображением разных видов таблеток счастья в виде маленькой таблицы три на четыре), и вот мы эдак полёживаем, успокаиваемся после пережитого, и перед мысленным взором старины медленно (я настаивал на медлительности всех его ощущений) плывет утешительный образ славного моего брата, я рисую ему этот образ в качестве примера для подражания прямо где-то на зеркалах потолка (потолок у старины зеркальный, потому что предыдущим хозяином квартиры был мент, который сдавал её под бордель, и старина, разумеется – разумеется! – не стал менять обстановку), это уже совсем под утро, хмурая питерская белая ночь как раз кончилась. Всё время до этого старина был буен, вел себя прямо как описывала Хельга, винтовая мастерица, он объяснял нам бесконечно, шесть часов кряду, как, почему и в какой степени его не вставляет. Сейчас бы я плюнул и сразу же дал ему сколько влезет в его толстую тушу, но тогда я хуже знал старину, чемпиона мира среди кремней, подлинного монстра рока, которому всё нипочем, хоть кирпич оранжевого ПиСиПи скорми, хоть просто обычный оранжевый кирпич, он только рыгнет раблезиански и гомерически захохочет. Но это был единственный крохотный катарсис среди тотального полноценного

бэд-трипа.

Маугли, когда смогла хоть что-то сказать, стала говорить замечательные вещи. Что сколько раз она ни принимала наркотики, а бывало это многажды, всякий раз ей было очень и очень плохо, она убеждена, что это вообще очень неприятное занятие, принимать наркотики – и такая точка зрения полностью совпадает с моей собственной, прошу обратить внимание! Что в этот раз она пыталась спастись от ужаса, творящегося с ней, приняв душ, но почувствовала только, что ванна надета ей на голову. Что она прекрасно знает Топора – работала с ним вместе в магазине одежды. И прочее, и прочее – я столбенел в восторге, брал её ободрительно за руку, чтоб немного смягчить ей и себе тяжесть ощущений, а она в ответ равнодушно улыбалась: «А, тактильные ощущения, ты тоже по ним прикалываешься... Ну-ну... «

Нам с женой и Тарасом тоже пришлось весьма туго. Единственное, чем мы утешались, что съели не на сто рублей, а на пятьдесят. А так – ну да, забавно на первых волнах прихода было наблюдать, как старина сросся в объятиях со своей приехавшей из далеких стран сестрой в рыжую мягкую индейскую пирамиду, вот, пожалуй, и всё. Остальное произошло быстро и неприятно, ничего и не вспомнить, честно говоря. Было сильно и хреново, да, ну и не настолько, чтобы прям рябью в крови стать, каплей течь в потоке, не настолько, чтоб полностью раствориться в кремовых утренних облаках, или в пучину перерождений во всех мирах страданий погрузиться, или в витые лестницы фантастическим висельником, готовящимся к казни, вмаршировать, или демиургом плавать над поверхностью вод, или правде какой-то последней ужасной – ужасной! – в глаза смотреть, нет. Не настолько мы тогда угандошились, это потом уж всякое со мной бывало. Никудышный трип, короче, был – ни удовольствия, ни сильного выноса, ни пазитив вайбрэйшна. Катарсис был, пожалуй, крохотный, но убедительным я б его не назвал. Да вообще ерунда какая-то, честно говоря.

Дальнейшая история оранжевого ПиСиПи была не менее идиотична, чем начало. Я привез в Москву две дозы и отдал их винтовой мастерице Хельге, они с Морозом её по шнуркам пустили, смотрели на свое отражение в зеркале комода и смеялись, потом сказали мне – еще такого привези, только получше, почище привези, этот продукт уж больно грязный. Тарас свою оставшуюся часть – на 250 рублей! – в тот же день потерял и так никогда и не нашел, и с большим облегчением это воспринял. Остатки же подарка деньрожденного так долго и лежали у старины на черной блестящей пустой коробке из-под компакт-диска, пока он не посоветовал однажды в своё отсутствие некоей не в меру юной особе его потребить. Он не хотел розыгрыша, он думал, она съест одну из кучек, а она съела все – там было на 100 рублей, может на 150. Потом она пошла в гости к подружке и вела себя там довольно странно, по её воспоминаниям. Я ей верю.

«... некоей не в меру юной особе... »

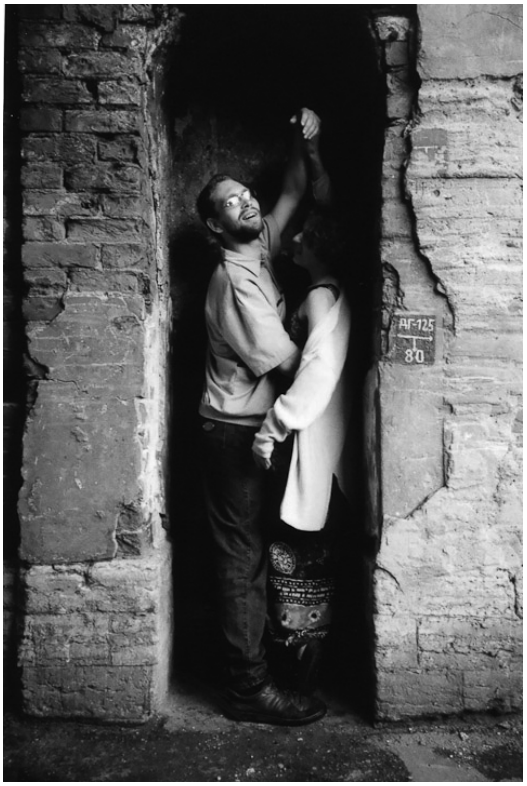
День отъезда в Москву, мы провели куда как более превосходно, особенно вечер. Первую половину дня мы приходили в себя после ночного путешествия в тазу в грозу (мой друг и учитель как-то две недели в тело возвращался, еле вернулся, всего-то покурил с другом лидера моей группы), а к вечеру мы гуляли близ Новой Голландии по каналам – это был чудесный, по-настоящему чудесный вечер. Об этом свидетельствуют фотографии, тогда снятые. Вот старина со своей прекрасной дамой, Тарас и моя жена позируют перед колоннами некоего особняка, вот они же на фоне возвышающейся грозно гигантской арки Новой Голландии, тогда еще не реставрированной, а вот фото, сделанное стариной в закатных лучах против солнца: я и Тарас идем по набережной, с которой недавно сняли асфальт, я очень широким неистовым шагом, а Тарас за мной смущенно поспешает, на нем очки черные круглые и футболка с изображением разных видов таблеток счастья в виде маленькой таблицы три на четыре – только что я выбросил пакет с мусором, а Тарас, в подражание мне, выбросил в ту же помойку точно такой же пакет с едой – кажется, это была вкуснейшая чайная колбаса или паштет, а пили мы – наверное, мы пили вермут, всё тот же Salvatore («Спаситель»), - на фотографии я, горделиво вышагивая, держу перед собой этот пакет с едой, мной из помойки спасенный.

Только по одной этой фотографии видно, какую прекрасную жизнь все мы жили, прекрасную.

Можно сказать так, в прошедшем времени, как если бы все герои действительно уже умерли, остался только автор, который всегда пишет эту книгу, и вспоминает вас сквозь пелену времен, где-то вы все, были и отлетели, растаяли, растворились легким дымком... Где-то вы, второй Д. и Костина, болевшие болезнью, от которой нет лекарства, где ты, Джошуа, накуривший меня однажды так, что я не мог говорить, где ты, Макс, который обещал встретить меня в Питере так, что я не смог бы потом говорить, где ты, Катя, которая справедливо обворовала знакомую КК, где ты, Костя Кудрявцев, любимец подружек моей жены, где ты, Лёша Трубач, игравший на моем балконе гимн Советского Союза, где вы, Нина с Сахалина и Лисовский... Кстати, где Лисовский, вот интересно! Друг и учитель как-то проповедовал на тему реинкарнации, мол, на что в этой жизни много медитируешь, тем и будешь в будущей жизни – если ты, к примеру, много медитируешь на ЛСД, то в следующей жизни будешь ЛСД, только вот дозой или молекулой ЛСД? – вопрос спорный, а если, к примеру, будешь много медитировать на дельфинов, то, несомненно, и станешь в будущей жизни дельфином. Вот ты, Лисовский (Лисовский тут же на кухне случился), вот ты, скажем, если будешь много в этой жизни медитировать на дельфинов, то и станешь в будущей жизни дельфином. Лисовский сдержанно поблагодарил друга и учителя за совет и сказал, что сам разберется, кем ему становиться в будущей жизни. Тут уж я, конечно, вступился, объяснил ему, что не можем мы ему позволить в этой жизни медитировать на что-либо, кроме дельфинов, да и только! И быть ему в будущей жизни дельфином, да и только! Лисовский и меня поблагодарил очень сдержанно, с поразительным упорством желая самостоятельно решать, кем же ему быть в прошлой (ой, опечатка, - в будущей, конечно!) жизни. Долго мы убеждали его, что единственно возможная для него осознанная необходимость – стать в будущей жизни дельфином, и так и эдак убеждали, со всех сторон подкатывали. Не знаю, убедили или нет, теперь уж никогда и не узнаю... А он плавает в неведомых морях, хвостом крутит...

Потом – уже ночью – были проводы нас в Москву. В Питере всегда провожают и встречают на вокзале – это так трогательно и странно для моего огрубевшего сердца, что меня кто-то встречает на вокзале, кто-то провожает... И мы пошли через весь Питер, с мимолетным заходом в вечерние гости (про это тоже есть фотография – мы с Тарасом и стариной сидим под плакатом Цоя на кухне, чай пьем), пошли на вокзал.

«Вот старина со своей прекрасной дамой, Тарас и моя жена позируют перед колоннами некоего особняка. . . »

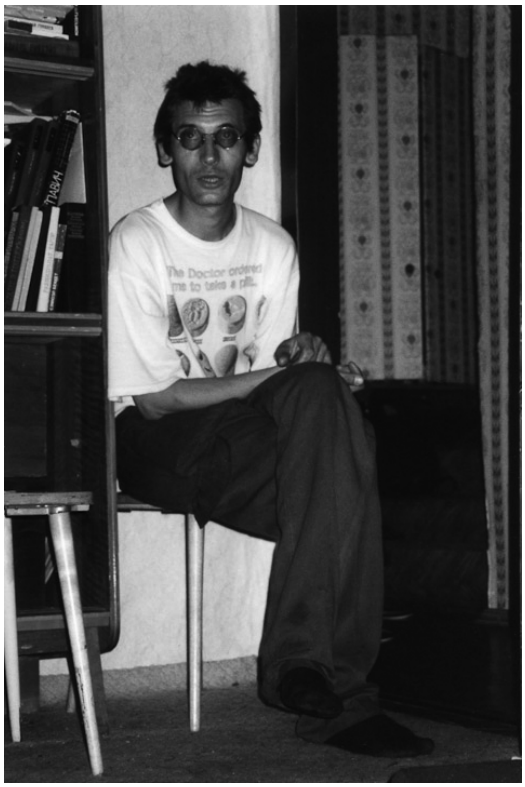


Старина с прекрасной дамой.

«А вот фото, сделанное стариной в закатных лучах против солнца: я и Тарас идем по набережной, с которой недавно сняли асфальт, я очень широким неистовым шагом, а Тарас за мной смущенно поспешает, на нем очки черные круглые и футболка с изображением разных видов таблеток счастья в виде маленькой таблицы три на четыре - только что я выбросил пакет с мусором, а Тарас, в подражание мне, выбросил в ту же помойку точно такой же пакет с едой - кажется, это была вкуснейшая чайная колбаса или паштет, а пили мы - наверное, мы пили вермут, всё тот же Salvatore («Спаситель»), - на фотографии я, горделиво вышагивая, держу перед собой этот пакет с едой, мной из помойки спасенный. Только по одной этой фотографии видно, какую прекрасную жизнь все мы жили, прекрасную.»

«. . . вот они же на фоне возвышающейся грозно гигантской арки Новой Голландии, тогда еще не реставрированной. . . »

«Первую половину дня мы приходили в себя после ночного путешествия в тазу в грозу».



«Тарас тоже в небольшой квартире старины общей площадью 25 – двадцать пять! – квадратных метров где-то присутствовал, представьте его на стуле в углу той же комнаты, как на фото следующего дня, на нем черные круглые очки и футболка с изображением разных видов таблеток счастья в виде маленькой таблицы три на четыре)...»

«Мы с Тарасом и стариной сидим под плакатом Цоя на кухне, чай пьем»

Мы вернулись тогда из Питера с дня рождения старины и поехали на фестиваль, где я впервые выступил в составе нашей группы. Очень многое тогда определилось, оказывается, на много лет вперед... Ну, я рассматриваю жизненные этапы не как – кончился один, начался другой. Закончил ясли – пошел в садик, закончил институт – пошел на работу (это я однажды в детстве завел дневник и расписал его до 2010го, по-моему, года, где была сначала школа, потом институт, потом «рабочие дела»), вернулся пенсия. Или: первый роман, второй роман, третий роман, четвертый роман. Нет. Если вы видели, как выглядит окно в музыкальной компьютерной программе, AdobeAudition, скажем, то вот это похоже на то, как я представляю себе судьбу. Каждый ее мотив занимает отдельную строку и живет своей жизнью, иной ненадолго появляется, а что-то через всю биографию тянется, но одновременно всегда их много звучит, и созвучия бывают удивительные (вот сейчас я ощущаю себя христианином, заканчиваю эту вещь, собираюсь в гастроль с кумиром юности, «Rapoon», ращу третью дочь, годовалую, пополняю и систематизирую фонотеку, фотографирую для журнала, учусь в автошколе, читаю Лосева, принимаю в гостях брата, собираюсь завтра варить борщ – и это всё мотивы моей судьбы, какой-то ее период, ну, не каждый борщ отдельный период, а период, когда я варивал борщи – звучит вполне себе эпично); иное уже прошло, а иное только предстоит: так вот вдруг пришла в мою жизнь однажды графомания, и не ушла, или меломания, и не ушла, или семейная жизнь, и не ушла, или группа моя, и не ушла, а вот университет всполохами на протяжении пятнадцати лет маячил, да и исчез совсем, только в виде старых друзей иногда мерцает, работа с Мишкой Доктором яркой графой вписалась, и исчезла, или роман с алкоголем – он был, и прошел как ни в чем не бывал, а какие романы мне еще предстоят! – Бог весть, может, уж и никакие. Это всё из-за кристаллизации пути – отсечение одних занятий, не всегда чуждых, углубление других, не всегда близких, уменьшение амплитуды возможных действий,

углубление за счет расширения. Во многом, очень во многом я со временем определился, маятник вряд ли качнется теперь, как ложка в «Матрице» – уить! – очень вряд ли. Раньше я почитал изменения за самое важное, что может быть в жизни – чем интенсивнее и удивительнее, тем лучше. Ни один год не был похож на другой, каждый старый год я провожал с восхищенным недоумением – такого у меня еще не было, что-то будет на этот раз! Теперь, когда я получил такие изменения, что мама не горюй, я стал скромнее в своих предпочтениях. При том, что образ жизни-то запросто может измениться, сколько угодно. Всегда остается выход на дорогу, самую буквальную, топ-топ. Но ценности – вот что со временем всё труднее поддается переоценке, слишком уж много испытаний они прошли, да и зачем! Очень даже симпатичные у меня ценности, приходите, крохи, спрашивайте, поделюсь. Идеал – вот что со временем всё страшнее упустить из виду, да и зачем! Светит идеал, греет. Я уж, увы, не тот сэр Дионисий Незапятнанный, рыцарь Неукротимости, что семнадцать лет назад, но это не значит. Не значит. «Ум новичка открыт бесконечному числу возможностей, ум знатока – лишь немногим из них», да, но жить всю жизнь с умом новичка – сомнительное устремление для не-новичка. Не вредно помнить, каким ты был когда-то, не вредно быть открытым миру и всем его возможностям, но путь есть путь, заметать на нем следы странно, опыт есть опыт, намеренно забывать его некрасиво, надо делиться, пока и впрямь не одолел склероз, и детство не захлестнуло с головой, только сосуды забулькали (моя средняя дочь всегда очень бесится, когда я начинаю называть ее бабулей, прошу не говорить мне «папа», потому что я ее внук, а папа уж сто лет как помер, и не думать, что она сидит за компьютером «Вконтакте», а скорее освобождать туалет).

Но тогда мы еще не знали, что нам предстоит, как и сейчас не знаем, мы шли по Невскому проспекту, по правой стороне к Московскому вокзалу – я хочу, чтобы вы очень хорошо представили это себе, это очень важно, важнее всего на свете – уже поздний вечер, желтый свет фонарей, над ним черные небесные дыры, если поднять глаза вверх, а если опустить – под ногами ухоженная плитка, мы идем вчетвером – я с прекрасной дамой и старина со своей прекрасной дамой (а может, с нами был и Тарас? Даже не знаю – представлять или не представлять вам Тараса – ну, представьте на всякий случай: Тарас ходил тогда в черных круглых очках и футболке с изображением разных видов таблеток счастья в виде маленькой таблицы три на четыре), чуть не доходя до Фонтанки, но уже мы давно прошли Гостиный двор, вот тогда я сказал: «Ну что, старина, теперь этот твой день рождения официально можно считать оконченным».

14 марта 2010

Послесловие

Очнулся я в реанимации. Мне говорят: «Ну что, помнишь, кто ты такой?» Я помнил. «А что было, помнишь? Почему ты здесь, помнишь? Какой день сегодня?» Вот это я совсем никак не помнил. Попросил меня развязать. «Ну уж нет, - сказали девицы, – ты хулиганил, ты хотел нас всех изнасиловать в извращенной форме, ты наказан». Потом я еще неделю лежал в больнице, и был очень рад, что рядом с туалетом, потому что еле ходил, а потом еще две недели дома отлеживался, но оклемался, и вот я снова с вами.

Это ко мне мой дорогой главный герой приехал, книжку про себя, накануне дописанную, хотел забрать почитать, и надо ж ему было с собой привезти попробовать новую вещицу, фенэтиламин какой-то из серии 2-С-что-то, да еще и с приставкой (как потом от знающих людей выяснилось) БОМ, кажется, причем эта вещь (как потом от знающих людей выяснилось) очень вредную реакцию проходит, немеряно её усиливающую, и толерантность к ней (как потом от знающих людей выяснилось) у всех очень разнится.

Товарищ, который с моим дорогим главным героем приехал, опасался это дело пробовать, и я ему, опытный, посоветовал половинку отведать и на нас посмотреть, по целой обстоятельно потребивших. Мы, конечно, не стали ее с едким желудочным соком смешивать, чтоб мало не показалось, снюхали.

Сразу же такое началось! Первым делом жена моя с младенцем из дома побежали. Младенец вразвалочку ходит, собирается – и радуги из него в разные стороны фонтанируют, сильная вещь оказалась, раз бы в пять ее меньше! А товарищ главного героя кричит: «Мне надо быть поближе к ванной», в общем, картина типическая. Потом прекрасно мне было, райские видения меня посетили прям на кухне, вроде бы бил я там посуду и мебель ломал, главному герою несусветное про Бога кричал, и товарищ главного героя обеспокоился: уходя, позвонил друзьям в Питер, они в Москву, дошло до моей умной племянницы, она позвонила моей средней дочери (та собиралась прогуляться после школы) и велела ей поспешать домой. Вовремя – средняя дочь как раз застала дома задыхающегося синего папу в отключке, вызвала скорую, подоспела жена, старшая дочь, главный герой просил вызвать другую бригаду, поскольку первая была очень некомпетентна, ему её вызвали, прибыли менты, он рассказал им, что работает альпинистом и что я упал в обморок в результате слишком эмоциональных разговоров о Боге (это всё правда, кстати), они забрали его, взяли у него анализы и подписку о невыезде, на следующий день и через день он ходил к ним на прием, но не было специалиста по его вопросу, так он и уехал на родину, несолоно хлебавши, не добился от них справедливости. Меня торжественно на глазах изумленных соседей снесли вниз на носилках, откачивали еще сутки, и откачали – надо же! Вот это-то уж чудо как оно есть. Жена говорит, очень удивилась, что я сам дышу и на горшок хожу, было совсем не похоже, что смогу. Я и сам очень рад, несказанно. Среди диагнозов («кома неясной этиологии», «интестициальный отек легких») есть и «полинаркомания?» – вот так, с вопросительным знаком.

В общем, дорогие читатели, знайте: герой может-таки замочить потерявшего бдительность автора, если тот слишком увлекается фантазиями и забывает вовремя сравнивать свои сочинения с тем, что сочиняет Господь, но Господь попускает и автору остаться в живых, с тем, чтоб покаяться и завязать – пора бы уж.

Все спрашивают, что я там видел. Я, конечно, ничего не видел, но это не значит. Даже если б видел, не значит.

Не в опыте дело, друзья мои.

Конец формы